

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Устная история в Карелии

Сборник научных статей
и источников

Выпуск I

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2006

ББК 63.3(2р31-6Кар)
УДК 947
У 808

Составители *И. Р. Такала*
И. М. Соломец
А. А. Савицкий
А. Ю. Осипов
А. В. Голубев

Научные редакторы *А. В. Голубев*
А. Ю. Осипов

У808 **Устная** история в Карелии: Сборник научных статей и источников.
Вып. I / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. – Петрозаводск:
Изд-во ПетрГУ, 2006. – 132 с.

ISBN 5-8021-0703-0

Данный сборник включает в себя научные публикации, посвященные теоретическим вопросам устной истории, и интервью, освещающие повседневную жизнь в Карелии в предвоенное и послевоенное десятилетия с точки зрения людей, чья судьба в данный период была связана с Петрозаводским государственным университетом.

Издание адресовано исследователям, занимающимся вопросами устной истории, а также всем, кто интересуется историей России и Карелии.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-90104а/Б.

ББК 63.3(2р31-6Кар)
УДК 947

ISBN 5-8021-0703-0

© Петрозаводский государственный
университет, 2006

От составителей

Данным сборником мы хотели бы начать серию аналогичных изданий, посвященных теоретическим и практическим вопросам устной истории. Поскольку предметом исследования устной истории являются самые разнообразные вопросы – от повседневной жизни до международной политики, в данной серии мы планируем публикацию тематических сборников, каждый из которых был бы посвящен определенному исследовательскому вопросу. Этот принцип мы попытались реализовать и в данном издании. Первая часть сборника содержит материалы, посвященные общим (теоретическим) вопросам устной истории. Статьи Ю. Обертрайс (Фрайбургский университет Людвига-Альберта, г. Фрайбург, Германия) и А. В. Голубева (Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия) рассматривают внутренние принципы, по которым респондент выстраивает историю своей жизни в интервью с исследователем, в то время как в статье В. А. Бердинских (Вятский государственный гуманитарный университет, г. Вятка, Россия) намечаются основные приоритеты, которые должен ставить перед собой исследователь, занимающийся устной историей.

Во второй части сборника публикуются четыре интервью, собранные в рамках проекта по изучению истории повседневной жизни в Карелии в предвоенное и послевоенное десятилетия (1930-е и 1945-1956 гг.). Чтобы создать тематическую однородность, на основе которой можно было бы делать определенные наблюдения и выводы, мы выбрали интервью с теми респондентами, чья жизнь в какой-либо из данных периодов была связана с Петрозаводским государственным университетом. Все интервью публикуются с согласия респондентов.

Поскольку к настоящему времени, к сожалению, в России не существует устойчивой базы, на основе которых могло бы развиваться сотрудничество между исследователями (ассоциации, научного журнала или авторитетного Web-сайта), в заключительной части сборника мы попытались хотя бы отчасти заполнить данный информационный вакуум и опубликовать информацию о научных событиях, связанных с устной историей, в которых принимали участие составители данного сборника.

Мы планируем продолжать публикацию данной серии и заинтересованы в сотрудничестве с коллегами из других регионов РФ. Информацию о темах предстоящих изданий, а также контактные адреса можно найти на сайте Центра устной истории ПетрГУ по адресу <http://oralhist.karelia.ru>.

Юлия Обертрайс
Wissenschaftliche Assistentin
Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, z. Фрайбург, Германия
julia.obertreis@geschichte.uni-freiburg.de

Устная история и идентичности – теоретические находки и эмпирические исследования*

Нижеследующие строки посвящены вопросу, как определенные черты создания идентичности влияют на источники, над которыми мы работаем как историки, этнологи и социологи. Как историк, я довольно много занималась устной историей, проводя и анализируя интервью с «очевидцами», «современниками» (нем. *Augenzeugen*). Несмотря на то, что примеры, которые я буду приводить, будут взяты исключительно из устной истории, я надеюсь, что мои выводы будут интересны не только тем, кто интересуется именно этим методом и подходом, но и другим историкам, и, возможно, даже представителям других дисциплин.

Прежде всего, следует уточнить понятие «идентичности». Я не хочу заходить слишком далеко в проблему дефиниций, но позвольте мне дать немного базовой информации: мы различаем индивидуальную (или персональную) и коллективную (или социальную) идентичности. В своем докладе я буду говорить о первой, индивидуальной, но обе они, бесспорно, взаимосвязаны и различными способами влияют друг на друга. Индивидуальная идентичность (*personal identity*) включает в себя «субъективное чувство непрерывного существования и когерентной памяти»¹.

Когерентность и континуальность – сущностные признаки идентичности, это базисный тезис, на котором базируются мои размышления. Когда люди представляют в интервью историю своей жизни, они прикладывают немало усилий, чтобы создать это чувство непрерывности существования и подать когерентную историю своей жизни. Это особенно важно для людей, которые пережили серьезный перелом или потрясение. Как историки, работающие в жанре устной истории, мы исследуем историю XX века. И в истории Германии XX века такими переломами и потрясениями, например, являются заключения в концентрационных лагерях или тюрьмах, конец Второй мировой войны,

* Данный доклад был представлен на конференции «Regional Nordic Identity: from Past to Future», проходившей 12-14 сентября 2006 г. в Петрозаводске. Автор благодарит Екатерину Лях за превосходный перевод этого текста с английского языка на русский.

¹ Это определение психолога Эрика Эриксона, включенное в «Международную Энциклопедию Социальных Наук»: “*Personal identity* [...] includes a subjective sense of continuous existence and a coherent memory.” Erik H. Erikson: Identity, psychosocial // International Encyclopedia of the Social Sciences, т. 7, London/New York 1968, с. 61-65, цитата с. 61.

падение национал-социализма в Германии, развал ГДР. Вряд ли в Европе можно найти людей, которым сейчас больше семидесяти лет и которых не коснулись серьезные изменения политических систем. Неудивительно, что такие переломы играют важную роль во многих проектах по устной истории. Работая в этом жанре, мы пытаемся выяснить, как люди воспринимали старую систему и как, после таких переломов или изменений старой системы, они интегрировались в новую, как им удается придать своей жизни когерентность и значимость в ретроспективе, творя тем самым свою идентичность.

Позвольте мне привести и проанализировать небольшой пример, который продемонстрирует, насколько создание идентичности может быть важным для интервью из области устной истории. Пример взят из монографии немецкой исследовательницы Ульрике Юрайт (Ulrike Jureit). Она писала о теоретических возможностях устной истории, опираясь на интервью, взятые у бывших заключенных национал-социалистических концентрационных лагерей и лагерей смерти. В ее работах есть, например, интервью с Пьером Клодом, французским журналистом и социалистом, участником движения Сопротивления, выжившем в нацистском концлагере Нойенгамме и пережившем марш смерти.

В своем рассказе Пьер Клод позиционирует себя как активного борца против нацистов и опускает из своей истории все ситуации, в которых он должен был чувствовать себя исключительно беспомощным и подверженным чужой власти. Это касается всего, о чем бы он ни рассказывал, вспоминая свое заключение в лагере. Так называемую «церемонию приветствия» новых узников эсэсовцами, а среди них был и он сам, он описывает следующим образом:

«Второе впечатление [от лагеря. – Ю. О.], это был эсэсовец, начальник лагеря Нойенгамме, уперев руку в бок, он сказал нам: «Вы больше не люди». Так вот. И я прошептал моему товарищу: «Это они больше не люди!» [...] Потому что мы, мы остались людьми, несмотря на все то унижение, все те ужасные вещи, которые нам довелось вынести, потому что они добивались этого – унизить нас и превратить в не людей»².

В интервью с Пьером Клодом есть много других примеров, из которых становится ясно, что он объясняет свое выживание своим активным сопротивлением, базирующемся на политико-идеологической (социалистической) позиции и убеждениях. Свое поведение в экстремальных ситуациях беспомощности и бессилия он связывает со своей политической идентичностью. Эта стратегия имеет две функции: ему удается удалить из своей памяти тот мир, который мучил его,

² Цитата по: Ulrike Jureit: Erinnerungsmuster: zur Methodik lebensgeschichtlicher Interviews mit Überlebenden der Konzentrations- und Vernichtungslager [Узоры воспоминаний: о методике биографических интервью с пережившими концентрационные и ликвидационные лагеря], Hamburg 1999, с. 324.

напоминая о собственной беспомощности, о том, что он зависел от чьей-то милости в прошлом; и ему удается создать когерентную идентичность как активного социалиста на протяжении всей его жизни: до, во время и после нацистского террора³. За этой стратегией стоит желание рассказчика показать и увидеть свою жизнь как «непрерывное, непротиворечивое и последовательное целое»⁴.

Как мы видим из этого примера, последовательность и самоутверждение, отстаивание своих прав тесно переплетаются. Я думаю, что Юрайт показала возможное влияние этих стратегий в экстремальных случаях и что возможно перенести результаты ее исследований на другие рассказы о жизни, которые не так драматичны и не содержат опыт политического заключения или преследований. Как раз это взаимодействие между конструкцией идентичности и созданием своей жизненной истории я хотела проследить на двух примерах из другого исследовательского проекта.

В 2002-2004 гг. я интервьюировала десять человек из бывшей Германской Демократической Германии (ГДР), которые бежали в Западную Германию в 1980-х годах перед падением Берлинской стены. Они покинули ГДР по совершенно разным причинам, некоторые отсидели в тюрьме, другие нет, но многие подвергались репрессиям от органов «штази» (государственной службы безопасности Staatssicherheit, сокращенно Stasi) или властей другого ранга. Они – обычные люди, не представляющие особого случая политических репрессий. Как правило, они подавали заявку на выезд из ГДР навсегда (нем.: *Ausreiseantrag*), бюрократическая процедура затягивалась на месяцы и годы и часто оборачивалась притеснениями со стороны местной администрации, например, увольнениями.

Все эти люди провели некоторое время в одном приемнике-распределителе в Западном Берлине (я бы хотела напомнить, что Западный Берлин был частью Федеральной Республики Германии, Западной Германии, но располагался в центре ГДР и был окружен стеной). В этом приемнике сейчас есть небольшой музей, который демонстрирует его историю как первого пункта для людей, нелегально покинувших ГДР. Существует ассоциация, ведущая дела этого музея, а также организующая интервью с бывшими обитателями приемника. Это важно знать, потому что, когда я брала интервью у этих десяти человек, кажется, ими эти интервью воспринимались как своеобразный экзамен на то, насколько хорошо они интегрировались в общество Западной Германии (и позднее: присоединились к немецкому обществу с доминирующим западным влиянием). Это, конечно, сильно влияло на презентацию их жизни в этих интервью. Это типичные биографически-описательные интервью, которые начинались предложением: «Пожалуйста, расскажите о своей жизни», и состояли

³ Jureit, *Erinnerungsmuster*, с. 300-332, особенно с. 328.

⁴ Там же, с. 328.

из первой фазы, в которой интервьюируемые сами развивали свой рассказ, и других, последующих фаз, в которых интервьюер уточнял, прояснял определенные детали и задавал дополнительные вопросы.

Мой основной интерес в этих интервью был двоякий: 1) узнать о жизни в ГДР и 2) выяснить, как люди справлялись со сменой политической системы, которая непосредственно коснулась их, и как они интегрировались в «новый мир», который предложило им западное немецкое общество.

В интервью несложно обнаружить, что старый мир ГДР и новый мир ФРГ действительно представлялись им очень и очень разными. Им пришлось приспособливаться к другой политической и социальной системе, к новой работе, находить новых друзей и т. д. Поэтому, если мы предположим, что они пытаются презентовать когерентные жизненные истории, как они могли связать старую и новую жизнь?

В поисках ответов на это вопросы я обнаружила то, что я называю создающими идентичность мотивами. Это определенные мотивы, которые прослеживаются по интервью. Каждый рассказ о жизни содержит свои собственные мотивы, которые красной нитью проходят через весь рассказ.

Таким мотивом, который я обнаружила в интервью с Сюзанной Майер (имя было изменено автором для сохранения анонимности) из Ростока на севере Восточной Германии, было ее стремление к общественной деятельности. В начале она рассказывала о том, насколько сильно она была вовлечена в социальную работу, организованную государством в ГДР, и составляла целые списки своих достижений в юности. Вот отрывок из ее рассказа:

«[Меня] наградили как самую младшую жительницу Ростока – мне было 16 – медалью Отто Беккера за мою большую общественную работу, когда я была вожатой, я тренировала наших детей, при этом еще сама ходила в школу, в спорте я была капитаном молодежного клуба ДТ 64 в Росток. Там, в это время, я поняла, кем я хочу стать, и это очень приветствовалось»⁵.

Ее родители, особенно ее отец, с которым она была очень близка, гордились ее достижениями. Организацией отдыха пионеров она занималась с удовольствием. Она чувствовала себя комфортно, принимая тысячу детей в пионерском лагере. Во время каникул она «мобилизовала» 20 тысяч детей для отдыха и восстановления сил. Государство также ценило ее преданность делу. Несколько раз ее награждали денежной премией за достижения в работе. Ее карьера в пионерской организации развивалась по восходящей, и она была довольна своей жизнью, иногда даже счастлива, пока контакт с Западом

⁵ Интервью с Сюзанной Майер, 17 декабря 2002 г., мини-диск №1, дорожка №1, мин. 2:12-3:06. Интервью проведено в рамках проекта по устной истории общества «Мемориальный комплекс приемник-распределитель Берлин Мариенфельде» (Erinnerungsstätte Notaufnahmehager Marienfelde e.V.).

через родственников мужа не разрушил эту идиллическую картину. Тогда, в 1986 г., ее муж остался в Западном Берлине у родственника, не предупредив заранее об этом свою жену. Это поставило Сюзанну Майер перед серьезной дилеммой: она не могла не считать мужа «изменником» (слово, которое употребляли ее коллеги). С другой стороны, она не хотела развода, потому что опасалась негативных последствий в будущем для своих двух детей. Она решила последовать за своим мужем и обратилась за разрешением выехать из Восточной Германии. В результате ей запретили работать педагогом и понизили в должности. Теперь она на себе испытала все отрицательные последствия статуса исключенного из общества послушных и благоустроенных граждан. В конце концов, в августе 1989 г. она выехала из ГДР в Западный Берлин со своими двумя детьми и воссоединилась с мужем. Поначалу она чувствовала себя не в своей тарелке, и отношения с мужем, которого она не видела больше двух с половиной лет, были довольно прохладными. Она опять начала работать педагогом. Вскоре ее муж завязал отношения с другой женщиной, и Сюзанне пришлось пережить драму развода. У нее опять начались личные и профессиональные проблемы. Работа с детьми оказалась сложнее, чем она предполагала. Она начала пить и стала страдать нервными расстройствами. На время интервью она уже год как получала пенсию и пыталась преодолеть ее негативный опыт. В этой ситуации, в 2001 году она опять занялась общественной деятельностью в форме различной организационной работы в добровольном комитете горожан одного из городских районов Берлина, в котором она жила. По тому, что она рассказала мне об этом, можно судить о том, насколько важным для нее было достичь признания, которого она достигла, работая в этом комитете:

«[И] тогда я все больше стала открываться для работы здесь, и я полюбила ее. И так я пришла, начала втягиваться и помогать, и этот сертификат, чтобы закончить с этим сейчас, это признание, что ты что-то сделал, и легкое похлопывание по плечу, которое мы тогда [в ГДР. – Ю. О.] получали в качестве премии, и я должна сказать, такой сертификат, да, это было очень мило, еще с небольшой купюрой. Было очень много людей, которые тоже приходили из анонимности, которые тоже часто так поступают»⁶.

В то время как в этом интервью особым мотивом выступает общественная деятельность и завоевание признания, в жизненной истории другого человека таким мотивом стало «осознание себя как немца». Интервью с ним подчеркивает, насколько важными для него были его национальность и специфические немецкие качества – во время

⁶ Там же, мини-диск №4, дорожка №1, мин. 29:30-30:12.

жизни в ГДР, во время падения Берлинской стены и до момента интервью⁷.

В (почти) всех интервью, которые я брала, имелись предпочтения, основные идеи, стремления и решения подобного рода, которые проявляются как мотивы, помогают создать когерентную идентичность интервьюируемого или являются частью его идентичности, и не только в интервью, но и в целом. Поэтому я и называю их «мотивами, создающими идентичность». Они связывают две части жизненной истории, рассказанной в интервью: жизнь в ГДР как первую часть и эмиграцию в Западную Германию, позднее в воссоединенную Германию, как вторую. Людям важно придать своей личной истории такие характерные специфические черты (проявляемые в мотивах), потому что иначе они скорее предстают объектами политической системы, которые обязаны подстраиваться и подчиняться данной системе.

Цель обращения к «осознанию себя как личности» или к организационной работе было придание связности собственной жизни, которая характеризовалась многочисленными изменениями, а также необходимостью сориентироваться в новых обстоятельствах. Мотивы дают рассказчику чувство, что он – личность, которая сама распоряжается своей жизнью.

Эти выводы можно применить не только к интервью устной истории и не только к воспоминаниям, автобиографиям, дневникам и т. п., но и к другим письменным источникам.

Стратегии, которым люди следуют, чтобы сделать свою самопрезентацию когерентной, сильно влияют на наши источники: различные части истории связываются друг с другом, например, мотивами, о которых я говорила; собственная позиция в ситуациях прошлого и в отношениях характеризуется как активная даже в самых сложных, не оставляющих выбора ситуациях; пробелы важных частей жизненной истории могут быть, таким образом, следствием потребности и желания сделать свою жизнь последовательной.

Анализируя источники, мы должны принимать во внимание эти стратегии. Это значит, исследователь должен, помимо всего прочего, стараться воссоздать в своем сознании отклонения и ограничения, с которыми сталкивался определенный человек или группа людей, и сравнить их с самопрезентацией, данной нам в источниках (это то, что немецкая исследовательница Габриеле Розенталь рассматривает как базис своего анализа интервью); пытаться найти мотивы (как это делала я); это также может означать, что интервьюеру стоит просто обращать больше внимания на аллюзии или легкие намеки на сюжеты, которые не совсем укладываются в общую канву презентуемой последовательной истории.

⁷ Интервью с Ханс-Йюрген Мартин, 27 ноября 2002 г. Интервью также проведено в рамках вышеназванного проекта по устной истории.

Мне кажется, что даже документы, составленные традиционным способом, такие как хроники или классическая национальная историография, претерпевают влияние стремления к последовательности. Разве нация или народ не стремятся презентовать себя как реальное целое с континуальным, когерентным существованием?

Было бы очень интересно проследить, имеют ли идентичности в аспекте одинаковую природу в разных частях Европы. Отстаивание своих прав, о котором я говорила, может быть тем аспектом, который связывает развитие западноевропейской индивидуальности, и может иметь иное проявление в Восточной Европе.

А. В. Голубев
Руководитель Центра устной истории
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск,
Россия
goloubev@karelia.ru

Нарративная стратегия в биографическом рассказе

В фундаментальной работе «Социальное конструирование реальности», одной из первых сделавшей повседневную жизнь предметом научного изучения, социологи П. Бергер и Т. Лукман писали: «Индивидуальная биография с ее последовательными... стадиями должна быть наделена смыслом, придающим субъективную значимость всей этой биографии»¹. Механизмом, посредством которого индивид осмысливает свою биографию в ретроспективе, является, с точки зрения авторов, его соотнесение с каким-либо социальным институтом². Биографический рассказ, являющийся одним из основных методик устной истории, таким образом, неизбежно представляет собой социализированную версию прошлого: человек осмысливает свою биографию в тех понятиях, которые задаются ему обществом. Эти рамки, однако, очень широки: в течение своей жизни человек выполняет много социальных ролей, в то время как во время биографического рассказа преимущество получает, как правило, лишь одна из них. В качестве примера можно привести интервью, взятое автором данного исследования у женщины 1928 года рождения, пожелавшей сохранить анонимность. В начале интервью автор обратился к респонденту с просьбой рассказать ту часть автобиографии, которая относится к детству, военным годам и первому послевоенному десятилетию. Респондент начала с рассказа о своей семье, но при этом рассказывала исключительно о профессиональной карьере своих родителей, потом, быстро проскочив детство, школьные годы и эвакуацию из Карелии в годы войны, перешла к подробному описанию учебы в университете, затем к аспирантуре и, наконец, работе. Во время этого рассказа она говорила почти без заминок, а само описание трудовой деятельности было очень детальным. Когда повествование дошло до 1956 г., автор предложил возвратиться к довоенному периоду и задал несколько вопросов, касающихся повседневной жизни респондента. Перемена в рассказе была разительной. Мы вернулись к предвоенным годам и, отвечая на вопросы, респондент рассказала очень многое из того, что было опущено в первоначальной версии рассказа. Изменилась и манера речи – теперь респондент гораздо дольше вспоминала, прежде чем ответить на вопрос, а построение предложений стало более разговорным. Таким образом, изменение типа повествования

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 152.

² Там же. – С. 152-164.

повлекло за собой резкое изменение в репрезентации прошлого, причем во всех его аспектах (от событийной и оценочной стороны до стиля повествования).

Что же произошло в первой части интервью? Человек, которого попросили рассказать историю своей жизни, был поставлен в сложную ситуацию оценки прошлого. В биографическом рассказе хаос событий, мыслей, чувств, который содержит память респондента, должен быть преобразован в последовательный рассказ. При этом неизбежны сложные ментальные трансформации, издавна привлекавшие представителей самых разнообразных гуманитарных дисциплин: литературоведов, философов, культурологов и пр. Например, было сделано важное наблюдение о соотношении факта и его значения в индивидуальной и коллективной памяти. Исторический факт запоминается в индивидуальной или социальной памяти посредством означивания (событию придается определенное значение), однако в памяти происходит полная трансформации этой связи: именно значение, когда-то производное от факта, теперь конструирует его при воспроизведении (припоминании, репрезентации)³. Огромное влияние на индивидуальную память оказывает память коллективная, что было выявлено еще Хальбваксом в его знаменитой «Коллективной памяти». В исследовании этого взаимодействия многие ученые видят ключ к пониманию процессов, образующих самосознание, идентичность и аналогичные феномены. Интерес к нему настолько велик, что он подчас вытесняет на второй план подход к устной истории как к методу реконструкции прошлого, и Рональд Гриль, автор значительного исследования по методологии устной истории, заканчивает свою работу следующим обращением: «подобный подход к устной истории, т.е. поиск идеологических и мифических структур культурного сознания общества... не значит, что устный историк может теперь не обращать внимания на фактологическую основу своей работы. Наоборот, именно в этом он должен видеть самую значимую часть исследования»⁴. В принципе, можно уже сказать, что в области устной истории окончательно сформировалось две традиции: первая наиболее ярко представлена английским историком Полом Томпсоном⁵ – он рассматривает устную историю как способ реконструкции прошлого, представителем второй традиции является итальянец Алессандро Портелли⁶, рассматривающий устную историю как инструмент изучения социальной памяти, идентичности и аналогичных явлений,

³ Francisco Delich. The Social Construction of Memory and Forgetting // Diogenes 201. P. 67.

⁴ Ronald J. Grele. Movement without aim: methodological and theoretical problems in oral history // The Oral History Reader. P. 49.

⁵ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. – М., 2003.

⁶ Портелли А. Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003.

составляющих феномен ментальности. Наконец, среди факторов, конструирующих, а не реконструирующих, историю, нельзя не отметить то, что рассказ респондента о своей жизни формируется не только им самим, но и интервьюером – так, жизненная история, что рассказывается ему, будет значительно отличаться от того, что будет рассказано в семье.

Эти факторы необходимо учитывать при проведении исследования методами устной истории. Ведь если целью историка, проводящего такое исследование, является реконструкция исторической реальности (классический предмет исторической науки), без знания эти факторов он рискует получить ложную информацию. Несомненно, память респондента хранит информацию о прошлом, однако эта информация хранится в ней в «зашифрованном» (подвергнутом трансформациям) виде, и нужно знать законы, по которым работают эти трансформации, чтобы добраться до первоначальной информации. Еще более важным является знание законов этих трансформаций для историка, изучающего ментальные процессы (формирование идентичности, переживание исторической травмы и пр.), т. к. данные законы во многом и лежат в основе этих процессов. Именно благодаря историкам, работающим в русле последнего направления, были подняты многие вопросы, касающиеся процессов формирования индивидуальной и социальной памяти.

Интервью, вкратце пересказанное в начале исследования, ярко иллюстрирует еще один важный механизм, оказывающий влияние на репрезентацию прошлого, который в настоящее время в области устной истории исследован в гораздо меньшей степени и предварительный анализ который автор хотел бы дать в данном исследовании. Биографический рассказ респондента (life story) является типичным нарративом, который строится по определенным законам. Как понятие нарратив обозначает сложную концепцию: это и сам рассказ (его структура, лексика, стилистика и пр.), и принципы, по которым он строится (выбирает ли респондент некий внутренний диалог спотомками или рассказывает подчеркнуто объективно, рассказывая о своей жизни с позиции стороннего наблюдателя). Модель нарративного конструирования, разработанная немецким исследователем Вольфом Шмидом, состоит из четырех уровней: события – история – наррация – презентация, при этом переход между каждым из уровней сопровождается смыслопорождением, т. е. определенным изменением старой и созданием новой информации⁷. Если к упомянутому интервью подойти как к нарративу, то все эти черты будут видны очень отчетливо. Тематика биографического рассказа (повышенное внимание к описанию учебы и работы при минимальном описании повседневной или культурной жизни), а также личность интервьюера (я представился преподавателем университета, то есть коллегой респондента) обусловила

⁷ Шмид В. Нарратология. – М., 2003. – С. 158-160.

стиль интервью: выбор формальной лексики и грамматики, и этот стиль, будучи определенной формой нарратива, в свою очередь «отсекает» огромные пласты информации. Принцип построения интервью – рассказ о своих достижениях, трудовых успехах – также самым очевидным образом диктует отбор тех событий, которые представляются интервьюеру. Им обусловлены рамки, внутри которых она предоставляет информацию о прошлом – в частности, респондент очень подробно описала такой малозначительный в масштабах ее жизни случай как две недели учебы в одном из ленинградских вузов, которую она была вынуждена прервать из-за тяжелой болезни – и за пределы которых респондент выходит очень неохотно – так, все особенности повседневной жизни автор узнал только с помощью прямых вопросов, когда произошел «слом нарратива», слом рамок рассказа и респондент начала воспроизводить информацию, которая до этого была неактуализирована.

Обращение к биографическому рассказу как к нарративу позволяет сделать еще один важный вывод, касающийся принципов репрезентации исторической информации в интервью с респондентом. Как уже упоминалось выше, одна из функций памяти – служить инструментом преобразования «пугающего» хаоса в стройную, «означенную» и понятную систему. При этом каждая эпоха и каждое общество представляют свои – достаточно стандартные – инструменты для преобразования. Так, для каждой эпохи существуют свои «табу» и, наоборот, обязательные темы, на которых акцентирует внимание каждый респондент, даже если в его личной опыте они занимают второстепенное место. Совокупность последних образует стандартный набор сюжетов, которые хранятся в коллективной памяти и воспроизводятся при создании индивидуальной истории жизни. «Сюжетизация» личного опыта является одним из самых действенных механизмов, с помощью которых социум помогает индивиду упорядочить жизненный опыт, поэтому исследование стандартных сюжетов, лежащих в основе биографических рассказов, даст дополнительное понимание общественных законов того или иного периода. Выделить же эти сюжеты и поможет нарративный анализ биографических рассказов.

В результате опроса свыше двадцати респондентов 1914-1937 гг. рождения, проводившегося в 2004-2005 гг. на территории республики Карелия, были выделены два основных сюжета, по которым строились биографические рассказы респондентов. Первый тип сюжета характеризуется высокой степенью оценки (респондент в течение всего рассказа дает оценку прожитой жизни). На рассказах респондентов очень заметно сказывается влияние передач радио и телевидения, а также газетные статьи о передовиках производства, произведения советской литературы и кинематографа 1930-50-х гг. и, отчасти, жанра письменной автобиографии. Детство респондентов, как правило, предстает в качестве пролога к взрослой жизни (не имея самооценности), а рассказ о взрослой

жизни – это рассказ о трудовых буднях, при этом в рамках свободного рассказа респонденты, придерживающиеся этого сюжета, нередко не рассказывают о семейной жизни (часто умалчивается информация даже о свадьбе или рождении детей). Практически не упоминается информация об отношениях с социумом, гораздо чаще упоминаются события, связанные с комсомольской или партийной работой. Биографический рассказ, по сути дела, сводится к рассказу о том, как респондент занял определенную социальную позицию, и жизненные события очень часто характеризуются оценкой, помогали ли они в этом движении или, наоборот, служили помехой. Жизнь в данном рассказе предстает поступательным движением (подъемом по «лестнице жизни»), которое ведет к занятию определенной социальной роли. Так, в случае интервью, с анализа которого началось данное исследование, после того, как повествование респондента дошло до середины 1950-х гг., она прервала повествование и попросила дальше задавать ей вопросы. Примечательно, что именно в середине 1950-х гг. респондент заняла текущую профессиональную позицию (университетский преподаватель), т. е. сюжет, использованный для построения нарратива, подошел к концу. Аналогичные случаи встречались и в других интервью: собственно биографический рассказ заканчивался на том эпизоде, когда респондент занимал профессиональную позицию, в которой он работал на момент интервью или с которой он уходил на пенсию. Данный тезис иллюстрируется еще одним примером: другой респондент, также университетский преподаватель, потерял руку во время Великой отечественной войны. Рассказывая об этом эпизоде, он акцентировал внимание интервьюера на том, что, если бы не этот случай, он не поступил бы в университет и не стал бы позднее преподавателем. Таким образом, рамки нарратива ограничили его репрезентацию и интерпретацию прошлого: из всей массы последствий данной травмы он выбрал именно то, которое соотнесло это событие с общим сюжетом биографического рассказа о профессиональном росте, причем для этого ему пришлось построить сложную причинно-следственную связь, объясняющую, как травма повлекла за собой выбор профессии.

Не менее любопытным, однако, оказывает и второй сюжет. По контрасту с первым, в его основе лежит подчеркнуто безоценочное повествование. Респондент, выбравший в своей нарративной стратегии этот тип сюжета, представляет свою биографию максимально объективно, стараясь уравнивать события всех уровней. В этом кроется основное отличие данного типа сюжета от предыдущего: если в первом случае все жизненные события ранжированы и оценены, то в этом типе сюжета респондент предоставляет право оценки интервьюеру, а сам старается представить наиболее объективное изложение прошедших событий. Показательно, что подобный нарратив является редкостью – автор встречал его только трижды, причем все трое респондентов, использовавшие его, имели очень хорошее образование – первый был

профессором медицины, второй – выпускник Ленинградского Политехнического университета, инженер высокой квалификации, наконец, третий имеет полное среднее образование и при этом является чрезвычайно начитанным человеком. Однако и этот тип рассказа является нарративом, т. е. данная стратегия биографического рассказа тоже задает его рамки, хоть и гораздо менее жесткие. Респондент точно также выбирает, что будет интересно нам и избегает той информации, что – как он считает – интереса для нас не представляет. В чем-то подобный тип повествования даже опаснее, так как исследователь, «усыпленный» подобной объективностью повествования, может упустить эти рамки из вида.

Переходя к выводам, необходимо отметить, что нарратив, лежащий в основе биографической истории, задает очень жесткие рамки для самоидентификации и, как следствие, очень сильно влияет на ту информацию, которую выдает респондент: во-первых, искажает ее, во-вторых, служит очень мощным фильтром, ограничивающим репрезентацию исторического прошлого. Чтобы извлечь другую информацию, необходимо провести слом нарратива. Для этого можно использовать переход от биографического рассказа к беседе с использованием вопросника. В более сложных случаях, когда и в беседе по вопроснику респондент придерживается предыдущей нарративной стратегии, слом нарратива все же возможен: так, в полевой работе Центра устной истории ПетрГУ практикуется использование ноутбука, который служит как средством цифровой записи, так и носителем мультимедиа-информации (оцифрованные фрагменты послевоенных киножурналов, старые фотографии). Использование этой информации оказывается действенным средством для изменения нарративной стратегии респондента, что приводит к изменению в повествовании и, в конечном итоге, позволяет добиться максимально продуктивного результата.

В. А. Бердинских
Доктор исторических наук, профессор
Вятский государственный гуманитарный университет, г. Вятка, Россия
bva.prof@mail.ru

Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX в.*

Касаясь истории устной истории в Советском Союзе и России, я хочу отметить, что в конце 1980-х гг. стало очевидным, что кризис современной историографии требует качественно новых исследовательских схем. Перспективная молодежь это остро ощущала, и эти поиски были «колумбовым комплексом» для этих людей, которые пытались вырваться из традиционных форм развития профессиональных историков.

В то время – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – мне бы хотелось вспомнить не только родную мне Вятку, наш вуз, где мы собирали первые конференции по устной истории, но так же и кружок устной истории в историко-архивном институте, который вела тогда еще аспирантка Дарья Хубова. Некоторые из кружковцев сохранили эту ориентированность профессионально. Очень интересной была работа Юрия Костяшова из Калининградского университета. До сих пор я вспоминаю те записи рассказов, которые он собирал в Кенигсберге-Калининграде. Центры были довольно разнообразные. Такой центр возник и на Алтае, возник неслучайно, так как интерес к «проточной», с моей точки зрения, культуре, к проходящим народам, всегда здесь функционировал.

Русское крестьянство в XX в., безусловно, завершило свое существование как традиционная, тысячелетняя и в чем-то малоподвижная культура. И, конечно, уход животворящего, культуuroобразующего слоя русской нации вызвал очень много эмоций, мыслей, чувств, много явлений в нашей культуре. Мы все знаем, что нынешнее сельское население Европейской части России – это уже не крестьянство. Это в значительной мере либо сельский пролетариат, либо маргинальная часть нашего общества. И то, что нам удалось опросить

в 1980-е гг. поколение, родившееся в 1900-е и 1910-е гг., – это был уже последний вагон последнего поезда, то, что невосстановимо в принципе. Ментальность, отношения людей – это та живая вещь, на которой и строилась наша работа в области устной истории. Наши музеи полны мертвечины, поскольку соха, которой пахал крестьянин, никогда не расскажет, как реально это дело делалось, то есть что говорил хозяин, как он ее делал и так далее. Ценности прошлого мира – это затонувшая Атлантида, они невосстановимы, но они достаточно велики. Если мы

* Стенограмма выступления В. А. Бердинских на Всероссийском научном семинаре «Устная история: теория и практика», г. Барнаул, 26 сентября 2006 г.

уйдем от сугубо позитивистских рассуждений о прогрессе, регрессе, то я уверен, что современный мир очень много потерял с уходом крестьянства, и не только русского, но и народов Сибири. Я плохо представляю себе функционирование малых народов Сибири, но мне кажется, что процессы идут относительно равномерно, где-то быстрее, где-то медленнее, во всяком случае, в одну сторону. Негативные явления, связанные с уходом из нашей культуры крестьянства, они сейчас очень велики и не осмысливаются по-настоящему.

Я бы хотел, прежде всего, обратиться к научной молодежи. Вы должны явно представлять, что двенадцать поколений историков, которые жили за триста лет до вас в России, оставили многообразное историографическое наследие, но у каждого поколения профессионалов-историков, приходящих в жизнь, были свои конфликты с предыдущим поколением. Проблема отцов и детей характерна для всего пути русской историографии. И здесь вы должны неявно или явно отвергать созданное вашими предшественниками, в том числе сидящими в этом президиуме, и попытаться создать что-то новое, свежее. То есть элемент дилетантизма, куража, «веселой науки», о которой говорил непопулярный в советские годы философ – все эти вещи надо себе отчетливо представлять. Качественно новые вещи можно создать, с одной стороны, впитав предыдущее наследие, а, с другой стороны, что-то в нем критически отвергнув. Мы в конце 1980-х гг. это очень остро ощущали. Советскую историческую науку можно критиковать за «мертвечину», схематизм, традиционализм, идеологизм и прочие вещи, хотя, безусловно, заслуги там гораздо более значительные. В этой связи я бы рекомендовал вам книгу «Русская провинциальная историография», где есть моя статья «Блеск и нищета советской историографии»¹.

Возвращаясь к устной истории, я хочу напомнить, что устная история – это, во-первых, метод, а во-вторых, исследование. Здесь нужна некоторая гармония. Увлечение методикой не должно приводить к творческой импотенции. Нарботанные источники не должны лежать мертвым грузом. Они должны как-то обобщаться, обрабатываться, востребоваться обществом, потому что главный грех академической науки – это уход от живой, реальной, плотной ткани современного бытия. И здесь у нас, у провинциальных историков, при всей нашей порой вторичности в тематике, проблематике, есть очень серьезные козыри перед флагманами отечественной науки. Российская провинция, в том числе сибирская провинция – это очень интересное поле для новаторских исследований, которые невозможны ни в Москве, ни в Петербурге, ни в других европейских центрах. Невозможно перенести западные методики на Россию, поскольку крайне отличны условия жизни, быта, менталитета населения США и Западной Европы от России. Мы должны

¹ *От редакторов:* Бердинских В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. – М., «Новое литературное обозрение», 2003. – 528 стр.

понимать, что все эти методики требуют очень мощной творческой переработки, и сделать это можем только мы. Тем более, что для большинства западных историков устная история – это небольшой этап в их профессиональной жизни. Они занимались этим на каком-то этапе жизни, а затем это дело бросили, развиваясь дальше, поскольку на сегодняшний день есть и другие, гораздо более смелые, интересные новаторские методики.

В чем же заключалась устная история у нас? В том, что миллионам советских людей разрешено было открыть рот, свободно говорить... В том, что некие старушки в исповедальном ключе повествовали о вещах совершенно немыслимых лет за пять до этого. Как мне говорила одна бабушка: «Ты мой адрес не пиши – эти сведения в ГПУ пойдут», в котором она, кстати, бывала.

Эти вещи следует себе представлять – ведь сейчас совсем другая обстановка, другие условия жизни и качественно другие речи людей. Если мы сравним рассказы крестьян 1960-х гг. и 1980-90-х гг., то это совершенно разные вещи. И мы как историки должны отчетливо представлять, что мы создаем качественно новые источники, историзуя прошлое. История – это, прежде всего, историки и историзация прошлого, которое мы с вами производим, условно говоря, как корова производит молоко. То есть мы, конечно от кого-то зависим, но являемся важным ключевым моментом в историзации прошлого.

Повторюсь для молодежи, к которой я и обращаю все эти риторические вещи. Очень важно все-таки профессионально состояться, найти свою тему, самореализоваться. Индивидуальность в исторической науке не менее, а может быть, даже более важна, чем начитанность, хорошие учителя и так далее. Та «обезличка», которая практиковалась в советской науке, полное отсутствие субъективности, то есть то, за что били Зимина... Помните, как он писал: «Я ощутил себя настоящим человеком и историком только после того, как написал “Слово о полку Игореве”», за которое его, собственно, и били...²

Поэтому стоит смелее идти на какие-то смежные, пограничные темы, на историческую демографию, например, на историческую географию, сексологию, на все, что угодно. Это всегда плодотворно, потому что омертвление исторической науки идет, вероятно, с центра, а на границе со смежными областями всегда много живых тем, проблем и так далее.

Безусловно, наше поколение людей, во многом обязано поколению историков-шестидесятников, для которых характерна некоторая свобода мысли, свобода реализации в разрешенных рамках.

Возвращаясь к своей теме, должен отметить, что важнейшая проблема истории России XX века, который уже ушел в прошлое, – это раскрестьянивание страны, то есть реальное создание своеобразной

² *От редакторов:* Эта книга была опубликована только в 2006 г., см.: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 520 с.

промежуточной культуры, когда старая крестьянская культура рухнула, а новое городское население не приноровилось к новой городской культуре. Понятно, что в век мощного индустриального прыжка все эти вещи, промежуточные культуры, создаются одновременно с падением интеллектуальной культуры.

У нас есть невероятно богатое поле для исследований, совершенно замечательная благодаря своим коллизиям история страны, и здесь надо отчетливо представлять, что значительная часть письменных источников является вещью малодостоверной, фальсифицированной, что требует кардинального критического подхода. Написание советской истории исключительно по письменным источникам является делом чрезвычайно порочным, и здесь обращение к устной истории – та живая вода в историографии, которая очень нам нужна.

Таким образом, я призвал бы вас, коллеги, к максимальному проявлению своего «колумбового» комплекса, к стремлению разрушить что-то старое, омертвевшее, создать что-то новое, обратиться к явлениям, которые лежат не на поверхности, а на стыках различных наук.

Предисловие к публикуемым интервью

31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику (КФССР). Новый статус Карелии повлек за собой целый ряд преобразований в культурной жизни республики. Одним из первоочередных мероприятий должно было стать учреждение государственного университета. 2 июня 1940 г. ЦК Компартии и Совета Народных Комиссаров КФССР приняли постановление «Об открытии Карело-Финского государственного университета», 10 июля 1940 г. это постановление утвердил СНК СССР. Карело-Финский государственный университет создавался на базе Карельского государственного педагогического института, и С. П. Сюнев, интервью с которым открывает вторую часть сборника, был одним из студентов, которые начинали учиться в КГПУ, а оканчивали КФГУ. В годы Великой отечественной войны университет базировался в Сыктывкаре, но уже с октября 1944 г., через четыре месяца после освобождения Петрозаводска, вновь начал работу в столице Карелии.

После войны КФГУ (носивший это название до 1956 г. и переименованный в Петрозаводский государственный университет в связи с тем, что в 1956 г. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика была преобразована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР) стал основным источником высококвалифицированных специалистов в Карелии. Выпускники университета работали во всех сферах культуры и народного хозяйства, и в этом отношении его роль в развитии республики трудно переоценить. Не менее интересен и другой феномен – университет (в данном случае, региональный университет) как особая субкультура, возникающая на фоне активного развития послевоенной городской культуры. Впрочем, круг тем, затронутых в публикуемых интервью, крайне широк – это и жизнь в городке, значительная часть которого состояла из спецпереселенцев (К. А. Иойлева), и послереволюционные на примере семьи Тиккоевых (Н. А. Робонен), и целый ряд других.

При подготовке интервью к публикации редакторы столкнулись с целым рядом проблем, связанных с отображением устной речи на письме. Редакторы отказались от точного воспроизведения фонетических и грамматических особенностей устной речи. Интервью рассматриваются нами как исторический источник, и с этой точки зрения стилистика устной речи представляет собой «избыточную» информацию (с точки зрения теории коммуникации), которая затрудняет восприятие основной, т. е. исторической, информации. Впрочем, мы не ставили своей целью «перевести» все интервью на литературный язык. Вот основные

принципы, которыми мы руководствовались при редактировании интервью:

- изменение неправильного порядка слов;
- преобразование длинных предложений, чьи части слабо связаны между собой, в более простые;
- удаление незаконченных предложений (если фраза не несет смысла);
- удаление повторов;
- удаление междометий, а также союзов в начале предложений («А не расскажете...»).

Комментарии редакторов даны в квадратных скобках в тексте интервью. Если комментарий связан с пояснением или расшифровкой персоналии или малопонятного понятия, то в скобках также указаны инициалы редактора. Если респондент вносил правки в текст, то мы указывали, что интервью публикуется в его редакции.

Персоналии, упоминающиеся в интервью, проверены по «Страницам истории Петрозаводского государственного университета» (Петрозаводск, 2005 г.) и по «Памятным книжкам Олонецкой губернии» (Петрозаводск, 1914 и 1916 гг.).

Географические пункты, упоминающиеся в сборнике

Интервью с Сергеем Павловичем Сюневым, 1920 г. р.

*Интервьюер: А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 28 апреля 2006 г.*

*Длительность интервью – 2 часа 30 минут
Редактирование: И. Р. Такала, А. В. Голубев, А. Ю. Осипов*

Интервью приводится в редакции С. П. Сюнева

Меня зовут Сергей Павлович Сюнев. Я родился в 1920 году в бывшем Заонежском районе в деревне Екимово. Это недалеко от Шуньги, известной ярмарками. Там же до школы прожил. Потом мой родитель из деревни ушел, потому что он был приемный сын, у тетки. Тетка родная по матери была. Он уехал в лесную промышленность, в деревню Лобское Медвежьегорского района, где он был счетным работником. И нас с собой привез. Потом мы по лесопунктам поехали, туда-сюда, и кончилось Повенцом [*Повенец – населенный пункт в Медвежьегорском районе Карелии. – А. О.*]. Это было, по-моему, в тридцатом году. Я пошел в повенецкую школу, ее и окончил. Как раз [*Беломоро-Балтийский*] канал в это время строили. Когда я был учеником третьего и четвертого класса, я жил в интернате, голодал. Давали по двести грамм хлеба и какой-то бурды. На выходные мы ходили домой за десять километров от Повенца. Нам мать напечет пирогов, калиток, известных в Карелии. Мы принесем – у каждого тумбочка была на замочке – и уходим на уроки. Приходим – замки вырваны, все съедено. Опять неделя на пище Святого Антония. Поэтому мы ходили на канал просить у шоферов подкормки. Они давали пирог, как карельский рыбник, только с горохом. Шофер разрежет ровно: «Вот, Сережка, тебе. Пашка, тебе». И мы радостные!.. Да еще прокатит на машине – это в то-то время! Мы: «Спасибо, спасибо, дяденька» и прибежали в общежитие. Конечно, пирог у нас здесь был (*показывает на живот*), не украдешь его. Это первое впечатление. Второе, в Повенце был музей Беломорканала. Этим музеем ведал один профессор. Там величины были же на канале! Сам он был ленинградец, филолог. Когда было столетие со дня смерти Пушкина, тридцать седьмой год, он нам показывал полное собрание сочинений, которое готовилось к изданию. Вот такая большая книга, как энциклопедия, один лист заполнен, а тут [*сбоку*] пустое место, для корректора. Он нам показывал, как наводит корректуру. И он так нас привечал, угощал нас конфетами, а в то время конфеты – это была редкость, а ему с Питера кто-то присылал. За что он сидел? Наверно, ни за что. Мы с этим профессором подружились, но потом мне учитель истории говорит: «Сережа, ты с этим профессором больше не общайся. Он же зек, может тебя завербовать. Подозрение может быть». Хотя он никаких попользований не делал. Короче говоря, я потом перестал туда ходить. Ну что еще можно из этой жизни рассказать интересного? Юмористическое, если надо. Там,

в Повенце, поскольку канал строили, интеллигенции много было – учителя, врачи, инженерно-технические работники. Там был дом культуры водников, и при нем – кружок самодеятельности. Артисты. И однажды, поскольку я раньше участвовал в школьной самодеятельности, [где] играли, положим, «Недоросля» Фонвизина, играли ряд сцен из Пушкина, «Корчма на литовской границе», я показался взрослым артистам подходящим для их труппы. И вот однажды ставили «Платона [Кречета]» Корнейчука. Моя роль была очень маленькая – вбежать в кабинет и сказать, что шина лопнула, машина встала. Я врываюсь на сцену и кричу во все горло, что есть мочи: «Машина лопнула, шина встала!!» Зал взорвался от смеха, все повалились. Вот такая сцена была! Увлекался спортом, самодеятельностью, чем только не занимался. Коньками, лыжами. А потом, понимаете, пытался поступить в разные учебные заведения. Вот, мечтал... Было кино про танкистов. Интересное кино.

Это тридцать седьмой год?

Наверно, да. И так загорелась у нас с приятелем душа. Будем танкистами! Восьмой класс только закончен. Написали заявление в военкомат. Нас пригласили, и потом на комиссии забраковали по зрению. Мы так были огорчены! А потом я узнал, что это училище – Полтавское танковое – было во время Финской войны послано на Карельский перешеек и все положено. Так что я до сих пор жив и с вами разговариваю. Второй момент. Заболел я от разговоров с приятелем – у него брат учился в Архангельском мореходном училище – буду моряком! Отец мне говорит: «Нет», а отец мой работал в Управлении канала кассиром-инкассатором. Он приводит ко мне старого капитана, и этот старик спрашивает у меня: «Молодой человек, вы что, хотите стать капитаном?» Я говорю: «Да!» Он говорит: «Не советую. Вот смотрите на меня. Я один, как перст, ни жены, ни детей, не говоря уже о внуках. Никого нет. Ни жилья, ничего. Я живу в общежитии, получаю зарплату, и все. И кто меня похоронит, даже не знаю. Я трижды женился. Один раз в Марселе, другой раз в Неаполе, третий раз в Петербурге. Через шесть месяцев после свадьбы я уходил плавать на полгода, на год, и телеграмма: “Прошу извинить, я выхожу замуж за другого, более постоянного жениха”. И вы что, хотите этой жизни? Потом на воде – болтает в шторм, болтает во все стороны, на железном мостике стоишь, ревматизм я вот нажил». Отец: «Ну как?» Я говорю: «Пап, ты знаешь, я не пойду». Потом вдруг девятый класс заканчиваем – объявление: Карельский пединститут, который здесь базировался, объявляет набор на курсы по подготовке в институт. Мы с приятелем подали заявление, нас приняли и все лето тридцать восьмого года – как раз жаркое очень было – мы здесь пыхтели, изучали основные дисциплины. За два месяца мы закончили десятый класс и нас приняли без всяких экзаменов. И вот я стал студентом

Карельского пединститута исторического [*историко-филологический*. – И. Т.] факультета.

Чем было вызвано решение поступить именно на исторический факультет?

Мне история нравилась в школе. У нас был хороший учитель. Мне нравились два прямо противоположных предмета, в зависимости от учителя: история и химия. Учитель химии [Л. А.] Мазуровский, талантливый человек! Строгий, по-моему, из бывших офицеров царской армии. Всегда подтянутый. Пришел первый раз в класс и говорит: «Чтобы я слышал, как летит муха. Никакого шума, никаких разговоров, никаких шептаний». И мы года три вот так сидели. Но он давал очень интересно и хорошо, и именно поэтому я знал химию прекрасно. А здесь, в институте, работал доцент Лупанов. Вы, наверно, помните Лупанову Ирину Петровну, профессора кафедры литературы. Ее отец был деканом биофака. [*В 1940-1955 гг. доцент П. А. Лупанов был зав. кафедрой неорганической химии КФГУ. – И. Т.*] Он мне говорит: «Сережа, ты биологию-то знаешь, а вот химию... Вам мало давали. Ты не потянешь нагрузку, которую мы даем. Поэтому ты лучше не рискуй». И вот я из двух любимых [*предметов*] выбрал историю. Мы проучились только полтора года, как началась финская война. Студентов в армию не брали. А тогда формировали национальную армию [*Финская народная армия была образована из советских карелов и финнов при Финском народном правительстве О. В. Куусинена. – А. Г.*], у них была отдельная форма – зеленые суконные шинели, какие-то фуражки, точно не помню уже, но что-то необычное. И вот, представляешь, нам говорят: «Занятия прекращаются, здесь будет сборный пункт всех этих [*народо*]армейцев». И вот в аудиториях, [*в том числе и*] в двести пятой, наделали нар, но вскоре их освободили, потому что [*народоармейцев*] всех собрали и сразу отправили на фронт. А тогда ректором был Митропольский Константин Дмитриевич, очень хороший человек, прекрасный педагог – он был кандидатом педагогических наук, доцентом на кафедре педагогики, и в то время ректором [*К. Д. Митропольский был директором пединститута, в 1940 г. назначен проректором по учебной и научной работе только что образованного университета (ректор Тууре Лехен), ректор университета в 1941-1945 гг. – И. Т.*]. Он созвал тех, кто еще не успел уехать из пединститута, и говорит: «Ребята, надо разобрать нары». А там нары были сделаны из таких [*показывает толщину около пяти сантиметров*] досок, солидные. И вот никогда не забуду, как мы с четвертого этажа, открыв окна, эти доски положим на подоконник и – шарах! – туда. А ректорат был там, где сейчас бухгалтерия, внизу [*на первом этаже здания. – А. Г.*]. Он [*К. Д. Митропольский*] услышал такой гром-шум, прибегает к нам: «Что, ребята, бомбят, бомбят?» Финская война же! Мы: «Константин

Дмитриевич, не бомбят. Вот, видите, доски». Они друг на друга падают, гром страшный! Вот это одна из картин, во время финской войны. Вторая картинка, тоже интересная. Я, может, лишнее говорю? Ну, для истории... Вторая картинка: мы жили в ВУЗ-городке. Это на Вытегорском шоссе, там мост железнодорожный, а впереди, перед мостом, есть еще проезд на Ключевую [*микрорайон Петрозаводска. – А. Г.*]. Между кладбищем, короче говоря, и... Там сейчас огромное общежитие пединститута, а тогда там были двухэтажные домишки. И жили по восемь-десять человек в комнате. У живущих рядом народоармейцев были свои кухни, и мы ходили туда, припрашивали кашу. Они варили пшеничную кашу, с мясом, по-солдатски. Нам навалят в тарелку, и мы всей комнатой съедим (*смеется*). Нормально, и в столовую ходить не надо, денег тратить. Хотя тогда столовые неплохо работали, но все равно. Это тоже одна из картин того периода. Короче говоря, учеба была поставлена так: основные дисциплины по истории в основном преподавали ленинградские преподаватели из ЛГУ, из пединститута имени Герцена (*перечисляет имена*). Только мы начали опять учиться – другая война. А я как раз последний экзамен сдал двадцать первого июня. У меня был приятель Миша Антонков, отличник круглейший, со станции Шуйской. Мы с ним поехали домой. Суббота. Только доезжаю до Кондопоги [*город Кондопога, расположенный примерно в 60 км. к северу от Петрозаводска. – А. Г.*], там объявляют, что началась война. Люди выходят и говорят: война. Приезжаю в Медвежку [*город Медвежьегорск, расположенный к северу от Онежского озера. – А. Г.*] – там народ шумит. С Медвежки в Повенец, и там такая же история, волнения. Там меня первое время взяли работать в школу. Но школа просуществовала два месяца, потом началась эвакуация. А меня как студента старших курсов почему-то не брали в армию. Четвертый и пятый курс не брали в армию. И меня направили в поселок Немино-3. Там я вел историю, географию. Там еще было два учителя-мужчины, один вел физмат, а другой литературу и русский язык. Семилетка была. Только начали работать – и оттуда началась эвакуация в Пудож [*райцентр КФССР (РК), расположен к востоку от Онежского озера. – А. Г.*]. А меня в военкомат вызывают и говорят: «Поезжай в Сыктывкар, ваш университет там». Я приехал в Пудож, смотрю – в Пудоже человек пять или шесть наших бывших студентов: физматчики, историки, филологи. Их демобилизовали из армии, из архангельского [*военного*] училища, где все учились, их демобилизовали: идите, доучивайтесь, потом мы вас возьмем. Мы доехали до Сыктывкара, и там я год проучился, сдал все экзамены за четвертый курс, за пятый. Как [*мы*] учились – лекции были, но трем человекам читал [*какой-нибудь*] ленинградский профессор. Там другие профессора были, в основном все из Ленинграда. А потом мы окончили, и мне не дали ни госэкзамены сдавать, ни диплом написать – сразу в армию. Из Тулы меня отпускали для сдачи госэкзаменов. В армии

я пробыл до мая сорок шестого года. Когда демобилизовался, меня взяли в ЦК комсомола республики.

Как вы работали в ЦК комсомола?

В ЦК комсомола работали, кроме меня, человека два таких же бывших солдата, а в основном партизаны, подпольщики. Женя Морозов рассказывал, что он был заброшен на дорогу около станции Шуйской и записывал, какие машины идут в город, какие из города, а потом по рации передавал куда-то в центр. Вот такие парни были. Были чистые партизаны, которые ходили в походы. Отношения между людьми были очень хорошие. Все компанейские были, дружные. Я там прижился как-то сразу. А потом перевели меня на работу лектором в ЦК компартии Карело-Финской ССР. Вскоре меня отправили учиться в Москву в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, это был пятидесятый год. А диплом я написал, когда был в армии. Служил я в Туле, во внутренних войсках, и мне начальник политотдела дивизии разрешил ходить в увольнительные по библиотекам. Яков Алексеевич Балагуров был у меня руководителем. В госкомиссии был [И. И.] Кяйвярйнен [историк, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории ПетрГУ в 1945-1982 гг. – И. Т.] и кто-то еще. Из армии я вернулся уже с корочками в кармане. Аспирантуру в Москве я окончил в 1953 г., при распределении мне предлагали работу на телевидении, всесоюзном радио, но я почему-то по глупости своей провинциальной поехал в Карелию, в свою alma mater. В конечном итоге, я проработал в обкоме партии четыре года, и потом Иван Иванович [Кяйвярйнен – А. О.] меня уже знал по Сыктывкару – предложил: «Тут освобождается место востоковеда, была ленинградка, она не хочет больше у нас работать, пожалуйста, приходи». Репутация у меня, видимо, была неплохая, меня с трудом отпустили из обкома партии и сказали: «Если там не понравится, приходи, снова возьмем на ту же работу».

Это в каком году?

Шестидесятый год. С сентября я начал здесь [преподавать]. Иван Иванович дал мне солидную нагрузку. Во-первых, весь Восток – средняя, новая и новейшая [история]. Дальше, второй период Новой истории от Парижской коммуны до Октябрьской революции, [которая] считалась рубежом между новой и новейшей историей. Не было ни одной ночи, чтобы я за эти годы спал нормально. Вздремнешь час-другой, и снова за книги, за конспекты. Очень трудно было. Потом с меня все это сняли, оставили новейшую историю Востока. Но тоже работать пришлось много, поскольку это новейшая история. Нет учебников. Учебники, [которые] есть, написаны, может, десять лет назад – а что было в этой стране за эти годы? Я должен узнать из журналов, из газет, радио –

ну, телевидение было еще в начале своего развития. Короче говоря, проработал я года полтора, вдруг меня вызывают в ректорат, и меня сагитировали стать деканом историко-филологического факультета. Первое время я привыкал, но как-то быстро адаптировался, поскольку с народом всю жизнь работал. Как-то у меня получалось нормально. Потом я приболел, четыре года проработал, кажется, и запросился у Стефанихина [*профессор В. В. Стефанихин был ректором университета в 1957-1973 гг. – И. Т.*] уйти с поста. Вместо меня деканом стал [А. Л.] Витухновский [*А. Л. Витухновский – ученый, историк, специалист в области новейшей истории и истории международного рабочего движения, доцент ПетрГУ. Приехал в Петрозаводск после окончания аспирантуры в Ленинграде. – А. О.*]. Стефанихин относился к нему уважительно. Но Витухновский проработал сравнительно недолго, а меня вновь вызвали в партком: давай на второй круг. И я второй раз пробыл уже два срока.

Что я расскажу о нашем факультете? Он тогда был многопрофильным. Историки, филологи, финно-угры. Человек шестьсот было у нас студентов. Кафедры были: кафедра финского языка, кафедра истории СССР – одна, кафедра всеобщей истории – одна, кафедра литературы, кафедра русского языка. Деканат был на втором этаже. Должен сказать, студент был законопослушный. Ребята хорошие были. Очень много из армии попадало. Однажды ко мне пришло на историю человек двадцать парней, солдат. Потом вдруг один пишет заявление: «Прошу меня отчислить из университета, поскольку у меня семья». Другой тоже, третий тоже. Я иду к Стефанихину: «Владимир Васильевич, у меня разбегаются парни» – «А ты куда смотрел?! Надо агитировать их!» – «Ну как же, посмотри: у Александрова мать работает на станции Шуйской на лесопилке, отчим – ноги отнялись, он лежит не ходит, я один из всей семьи кормилец. Ребенок есть». Ну куда? «Ладно» – подписывает, [*перевести*] на заочный. Всех на заочный переводили. Короче, все эти парни составляли основу комсомольского актива, профсоюзного [*актива*]. Все вожди комсомола университета были с нашего факультета, и профсоюзные лидеры были тоже наши выпускники. Надо сказать, что жизнь была очень интересной. Фестивали проходили факультетские, конкурсы разные проводились, довольно интересные. Вот еще хочу остановиться на распределении. Мы распределяли всех студентов. Тогда порядок был: каждому рабочее место, каждому жилью, хоть какое-то. Необязательно хоромы. Как правило, довольно прозаически жили. Но всем давали работу. Но, что было плохо, приходит студент или студентка: я не могу выехать туда-то, потому что у меня мама больна. Вот с этим столько было волнений у меня, я так жалел ребят, что... А все равно заставляли иногда ехать, но, в крайнем случае, иногда освобождали, говорили: самостоятельно устраивайся. В общем-то, все было более-менее нормально с распределением. Но, конечно, на местах

ребят встречали плохо. Никаких жилищных условий настоящих не было, ребята мучились. Однажды я был в Муезерском районе в командировке по линии минпроса нашей республики, проверял программу преподавания истории. Как раз преподавала историю девушка, которая только что окончила наш факультет. Между прочим, дочь здешнего генерала, замкомандующего округом – тогда еще округ здесь был. «Сергей Павлович, мы мучаемся, живем впроголодь, потому что столовая работает плохо, и пока мы в школе, она закрывается. Нам нужно напилить дров,» – а девчонки такие, знаешь, – «затопить печь сырыми дровами, и прочее, сварить что-то, в магазин сбегать». И, говорит, хорошо, что парни, местные лесорубы, видят, девушки интересные, иногда в порядке заигрывания они ходили к ним пилить и колоть дрова. Они мне говорят: «Сергей Павлович, мы бы вас пригласили, но у нас обед и ужин будет часов в двенадцать ночи». Пока растопят, пока сварят. Вот так жили ребята. Основная масса потом адаптировалась, часть разбежалась, кто куда. У нас все телевидение, почти все радио, газеты, особенно финские, потом еще куда-то – все это выпускники нашего факультета. Так что если куда пойдешь, везде твои знакомые ученики и друзья. Причем все встречают меня очень приветливо. Ну, я как-то слыл либералом (*смеется*), поэтому они хорошо ко мне относились.

Вот насчет кадров преподавателей. На [*кафедре*] истории СССР, когда я пришел, был заведующим кафедрой доцент Черевань. После него [Н. Ф.] Славин [*Н. Ф. Славин – в то время кандидат исторических наук, доцент ПетрГУ. – А. Г.*] – очень квалифицированный специалист. Он кончал Архивный институт в Москве, он, кажется, и сейчас есть. На [*кафедре*] всеобщей истории [А. А.] Витухновский, окончил Ленинградский университет. [Т. В.] Старостина, тоже окончила Ленинградский университет, очень начитанная! Вся жила в истории. Двух сыновей родила. Она была очень подготовленным человеком, сама родом из Новгорода. Не поспела она написать диссертацию, но труды имела свои. Она преподавала историю СССР, с самой древности и до Петра I. [А. М.] Борисов, инвалид войны, без руки, тоже работал на кафедре истории СССР. С ними же работал [Е. П.] Еленевский. Очень начитанный, очень толковый. В основном, люди были воспитанные, очень толковые. Вот на нашей кафедре был, конечно, Иван Иванович Кяйвярайнен. Выдержанный, сухой – вы не видели его ни разу? Он написал диссертацию по Финляндии, присоединение Финляндии к России. [А. А.] Витухновский читал новейшую историю стран Европы. Ратнер по древней истории. По средневековой истории [*лекции*] читала Данилова. Она написала и защитила докторскую, но вскоре ее уволили по старости. Представляете, какой удар для женщины был? Уже доктор наук, а ей говорят: давайте за дверь. Были всякие артисты на нашей кафедре. Вот, Баранов, аспирант Ленинградского университета. За ним был хвост по линии органов КГБ. Что он там в Ленинграде натворил,

не знаю. Преподавателем новой истории Востока был Джемелинский. Вот оригинал! Фамилия славянская, а сам азербайджанец. У него все было в ажуре, такой изысканный, и костюм, и манеры. Но читал он неинтересно, поэтому года два поработал, видит, что не уха, и удалился. В общем, разные люди. В основном, Кяйвяряйнен, Ратнер, Данилова, Витухновский – вот это наша кафедра была.

Что в вашей семье знали о семейных корнях?

Практически до меня никто ничего не знал. Отец был сиротой при тетушке, сестре матери. Она была бездетная, жила в Екимово, а отец жил в деревне Лазарево. Была такая деревня, гнездо Сюневское. Дед мой умер рано, вслед за ним бабушка Татьяна умерла рано. И там было три брата и сестра, и всех распихали по родственникам. Мой отец попал в эту деревню к тетушке, и там мы родились. Кстати, он женился не на местной, а на нижегородской девушке из села Починки Нижегородской области. К концу гражданской войны стали вербовать в Карелию на восстановление железной дороги. Они с сестрой – а у сестры четверо ребят – ринулись сюда очертя голову. Мой отец работал на станции Масельская десятником на лесопункте, который готовил шпалы для железки. Там шуры-муры, они и поженились. Вот нижегородская женщина и заонежский парень. Поэтому они мне ничего не рассказывали, не могли рассказать. У матери примерно такая же история. Там, в Починках ее родители тоже рано умерли, и она жила со старшей сестрой, у которой муж погиб на Первой мировой войне. Рассказывали, снаряд попал в живот, все кишки... Знаю о тетушке, у которой отец жил, что ее муж тоже рано умер. Я его не видел, мне только мать говорила, что когда я родился, при мне он жил только один год. Тетушку папы мы звали бабушкой, поскольку мы у нее выросли. Мы до школы – а я был старший сын в семье – у нее и жили. Потом, будучи учеником Повенецкой школы, наезжал летом на каникулы, как обычно к бабушкам-дедушкам.

Вы помните бытовые условия, в которых жили?

Это прекрасно помню! Хотел, между прочим, сам рассказать – хорошо, что напомнили. Вот деревня Екимово. Дом, как обычно в Карелии, по образу и подобию всех карельских деревень. Изба, горница, коридор – сени назывались – крыльцо, конечно, у кого какое – у кого повыше, у кого пониже. Дом наш был хороший, потому что был построен незадолго до Первой мировой войны. Все было почти новое, и бревна, и лестницы, и полы, и потолки. Но убранство! И если сравнить сейчас убранство деревенского жителя средней руки с [убранством] жителя того времени, то это день и ночь! Вот вы входите в избу. Избища огромная! Не знаю, сколько метров, может, двадцать, не могу сказать. В красном

углу, у окна, стоит длинный стол, не такое, конечно, изделие (*показывает на стол, за которым сидит*), а просто березовые доски, хорошо оструганные. Со временем мы их драили, чистили всякими, в том числе и песком, чтобы он чистым был. Чистота, конечно, была идеальная. Кровати были тоже деревянные, но вы скажете, так и сейчас деревянные. Но самодельной работы. Какие-то мастера того времени, как могли. Во-первых, у них и навыков не было делать современные кровати, а, во-вторых, попробуйте из Петербурга привезти туда кровать! Это мог только очень богатый человек, а богатые были, в Шуньге в том числе, но я многих и фамилии не помню, Щепины были какие-то, еще... Потом, несколько стульев, тоже не топорной работы, деревянные стулья, обыкновенные, не фабричной работы – какой-то мастерской их делал. Иконы были, иконостас.

Ваша семья была религиозной?

Я бы не сказал. Отец-то нет, мать так, наполовину. Бабушка тоже в церковь не ходила, а праздники все праздновали. Между прочим, очень интересно праздновали праздники. У меня есть маленькая статейка в брошюрке, которую издает наше заонежское землячество. Там я написал статью «Спасов день в деревне Екимово». Сегодня в вашей деревне праздник – Спасов день. Вся ваша родня – братья, сестры – а у моей бабушки было два брата и пять сестер, представляете, какая орда! Каждый приезжает в кабриолете, бородачи, это еще до колхозов, лошади хорошие. Они проходят, важные, бородатые, не идут, а несут себя, как теперь выражаются. И все сидят, степенно разговаривают. Потом чаепитие, угощение, вернее. Всякие рыбники, калитки, так называемые налитушки – это тесто потолще делается, и там пюре или пшено. Похоже на калитку, но погрубей. Блины, компоты разные – из черники, из брусники, всякой всячины. Кулебяки – а кулебяка, у ней такой вид, как пасха, но из теста, а начинка мясная. И все это парилось в русской печке. Вкуснятина вот такая, я вам скажу! Вот все эти старики откушают, потом идут чай пить. Подают желающим. Потом идут – я сейчас слово произнесу, которые вы, наверно, ни разу и не слышали – удновать идут. По-заонежски это значит отдыхать, полежать, подремать. Кто на кроватях, кто на лавках, кто в сарай на сено идет. А молодежь, конечно, идет в соседнюю деревню, Тельпозеро – туда было с полкилометра, наверно – на гулянья. Там люди и ходят, наряженные, у девчонок в косах ленты, платья в кружевах, в рисунках разных. И вот они гуляют по кругу, а парни идут сзади за ними и... Я раза два там бывал, пацаном еще, но запомнил. Мы в это время хулиганили: рвали репей и бросали девчонкам в волосы. Те за нами гонялись, и говорили: «Мы вас поймаем, отлупим». Вот такое было дело. Потом, когда молодежь отгуляла, приходят к тетке. Так в каждом доме было. Родители говорят: «Поехали по домам», и по домам разъезжаются. Самая дальняя

деревня была километрах в пяти, остальные-то поблизости. Вот так праздники отмечали.

Вы помните, как вас воспитывали? Было какое-либо воспитание или родителям не до этого было?

Честно говоря, не помню. Все были погружены в труд, в труд и труд. Деревенский труд настолько тяжелый. У меня сейчас есть дача, я уже два года не сею и не пашу и не жну. А труд изнуряющий. На даче я как раз понял, что это такое. Шесть соток, из них три или четыре сотки занято строениями – дом, сарай, липовая баня, тогда же не разрешали строить баню. Две теплицы было, кусты разные. А представляете, если с этого кормиться? Причем еще земля в Заонежье – плодородная, но камень на камне! Вот сейчас там все заброшено, потому что техника не может быть использована на такой земле. Там пробовали собирать камни, но разве там соберешь, если они... Вы соберете сегодня, а морозом снова выдавит очередную порцию. Попробуйте собирать! Нужно десять лет собирать камни.

Вы помните, как пошли в школу? Как было принято решение отправить вас в интернат?

В школу я пошел так. Жили мы, конечно, бедно. Корова была у нас, лошадь. Потом, когда мы отсюда, с деревни, снялись и переехали к отцу. Он был счетоводом лесопункта, у него зарплата – пятьдесят-шестьдесят рублей того времени. А нас четверо, плюс мать и отец. Конечно, жили небогато, с хлеба на квас, как говорят. Но в школу надо – сапог нет. Отец берется сам, молодой мужик для того времени. Он тысяча девятисотого года рождения, это было в двадцать девятом году – двадцать девять лет. Он, кстати, вырос практически не в деревне, а в Питере. Вот я забыл об этом сказать. Когда он кончил три класса деревенской Шуньгской школы, все братья удалились от тетюшек и дедушек в Питер, и работали они там в магазине молочных продуктов. Хозяином этого магазина был заонежский купец, тоже наш земляк, из деревни Хашезеро, известной хашезерской вышивкой. В свое время славилась. Они у него работали. Отец назывался мальчиком. Что входило в функции мальчика. Вот приходит господин, [смотрит] в пенсне: «Мне сырочку грамм двести, сметанки сто грамм, молочка литр. Вот моя визитная карточка, принесите мне по такому-то адресу». Хозяин: «Ну-ка, Павлуха, иди сюда! Бери карточку и иди. Вот господин». Или с ним, с господином, ты идешь, или к назначенному часу нужно отнести. Холодильников не было, были под магазином подвалы, ледники. Там [хранился] лед, специально покупали нарезанные глыбы льда. Посыпали лед опилками, чтобы он таял не так быстро, потом хозяин кричит: «Павлуха, иди сюда!», Павлуха прибегает и по адресу разносит товар. А два брата были уже приказчиками. Павлухе

было вменено в обязанность каждое утро проснуться раньше приказчиков, принести из соседнего магазина булки – тогда они французскими назывались, сейчас их нет почему-то в городе. Масло и сметана у них в магазине была своя. Подготовишь кофе: «Господа приказчики, извольте откушать!», ты же должен стоять вот здесь (*показывает на место рядом со столом*). Вторая обязанность – пока они кушают, надраить сапоги, начистить их до блеска. У всех были хромовые сапоги. Начистить, чтобы они блестели. Всем выдать фартуки, и чтобы фартук был чистый и отглажен. Вот отец мне рассказывал эти истории. Масса историй была во время переноса товаров. Смешные, полутрагические.

Потом, когда Февральская революция свершалась, они там заколебались все. Почему их не брали в армию на Первую мировую войну, не знаю, двух-то братьев можно было вполне брать, не брали, видимо, хозяин откупался, как и сейчас откупаются. Короче говоря, потом грянула Октябрьская революция. Хозяин сдал свой магазин новым властям и подался в деревню. Мой земляк [А. И.] Мошин занимается историей Заонежья, он мне рассказывал: «Сергей Павлович, этот купец Качалов, у которого твой батя работал, после революции приехал в деревню». Правда, был крутого нрава, жену бил страшным образом – и там бил, и в деревне бил, в конце концов забил, женщина умерла раньше срока. Когда основали колхозы, его определили конюхом. Мошин рассказал историю, как Качалов нашел свой капитал. Не знаю, насколько это достоверно, но можно сказать. Идет по Питеру в пургу, вдруг смотрит – что-то под ногами. Смотрит: какой-то ларец. Он этот ларец под тужурку и пошел. И говорят, что в этом ларце были такие сокровища, что он смог купить себе магазин. Ингерманландцы, которые под Питером были и снабжали [*город*] молоком, мясом, сметаной, маслом и так далее – вот он с ними имел дело, торговал. Так он стал купцом. Отец и братья сразу вернулись сюда, братья стали работать в сельпо, раз они в Питере приказчиками были, мой батя потолкался у тетушки, к работе сельскохозяйственной не привык, и сразу смотался из деревни на станцию Масельгская.

Вы начали рассказывать, как он делал вам сапоги для школы.

Да, сапоги. Он где-то в деревне Лобское нашел колодки, там у него, наверно, знакомый сапожник. Дратва была нужна, потом щетина. Дратва – нитка суровая из льна, в нее вплетается щетинка, чтобы в отверстие попасть. Проколешь шилом и тянешь. Я наблюдал один раз, но уже не помню, конечно, как это делается. В общем, в школу я пришел в сапогах. Сапоги были, как тогда называлось, яловые, т. е. самодельные – из кожи телянка или бычка. В этих сапогах я форсил. Но в школе не повезло.

Это был интернат?

Нет, в Лобском я жил дома, с родителями, год. Вдруг учительница выходит замуж. А она одна – четыре класса в одной комнате, вот ряд – первый класс, второй, третий, четвертый. Выходит замуж, и два или даже три месяца не было никакой учебы. Мы бегали, носились на улице. Мне отец говорит: «Поезжай-ка снова к бабушке в деревню и иди в шуныгскую школу». Из Лобского в Шуныгу нужно идти через Повенецкую губу, несколько километров. Апрель, на озере уже по колено воды. Прихожу в шуныгскую школу.

Это уже тридцатый год?

Да. Прихожу в школу – Нина Александровна, учительница, до сих пор помню, полноватая, но симпатичная женщина, говорит: «Сережа, мы так далеко ушли. Ты же ничего не можешь догнать. Так что приходи в следующем году снова в первый класс». В Лобском я ходил в первый класс, и тут опять в первый класс. Вот первый класс окончил, потом снова в Лобское уехали, потом по лесопунктам. В общем, повенецкая школа – это основная школа, в которой я учился.

Что она из себя представляла?

Там была отдельно начальная школа и отдельно семилетняя. Начальная школа была на берегу реки Повенчанки, одноэтажное здание, довольно прилично выглядело. Во дворе был небольшой скверик, мы называли его садом, там малина росла, крыжовник и что-то еще. А потом, когда я окончил эту школу, переехали мы в среднюю школу. В средней школе тоже было два здания – Повенец тогда считался городом, и при царской власти и после войны много лет он считался городом, поэтому там школы довольно приличные были. Все обшиты вагонкой, все желтые, хорошо покрашенные. Порядок, классы были чистые. Учителя были приличные. *Кто преобладал – старые или советские учителя?*

Было примерно наполовину старых. Историк новый, географ новый, русский язык и литературу почему-то два человека преподавали, математику и физику тоже старые учителя, но они не старики. Вот была по литературе Василова Любовь Николаевна, грузная питерская дама. Почему она оказалась в Повенце? Потому что ее муж был главным инженером Беломорканала. Она очень эрудированная, воспитанная, в общем, культурная дама. Она с Толстым переписывалась, будучи студенткой женской гимназии. С Львом Николаевичем общалась, письма от него показывала. Но сама она была нетребовательная к нарядам, и как-то все у нее наперекосяк было. Самое оригинальное, когда она шла в школу, портфель у нее был расстегнут. Она никак не могла его

застегнуть. Мог же ей муж сделать, чтобы он работал, мог поправить замок! В общем, она шла, портфель у нее был расстегнут. Там наши работы были – диктанты, сочинения. Дождь идет, туда капает. Плюс она еще купит пряников медовых, они растают от дождя (*смеется*). Приходит, предположим, к Тамаре Пикалевой – сейчас в Петрозаводске живет, рядом со мной. Она: «Тамара, ты извини, я тут пряников купила, так вот хочешь пряника?» Даст пряник. Такой оригинал. «Сереза, ну ты... не осуди, от пряников... дождь шел». Но знала, конечно, литературу хорошо.

Сильно различались старые и новые учителя?

Конечно, новые учителя... опыта, по-моему, у них не было. Молодые были. И физик, хотя его директором школы назначили. Историк более-менее, хотя тоже – после семилетней школы он окончил какие-то курсы исторического факультета в Нижнем Новгороде. Конечно, не ахти что, но ничего. Зато самодеятельность у нас была хорошая. Мы ставили по случаю и без случая разные пьесы. Я уже говорил про «Недоросль» Фонвизина. Я там играл, кажется, Скотинина. Потом, пушкинские дни были, потом день Парижской коммуны, восемнадцатого марта, там тоже какие-то отдельные сцены играли. Руководил нами [К. Н.] Соколов, математик, бывший директор школы, человек довольно интеллигентный. Брат у него был артист в каком-то петербургском театре, летом он приезжал сюда и нас инспектировал. Учил нас, как говорить, как вести себя на сцене. В общем, наставник был хороший, и сам Клавдий Николаевич, и его брат – они много нам давали, учили как играть на сцене. Занятно было.

Какие кружки были у вас в школе?

Я, честно говоря, ни в один такой кружок не ходил. Я выбрал самодеятельность и спорт. Лыжи и коньки, а еще футбол и волейбол, этим увлекался. По волейболу я в школе был в сборной команде, потом в ПГУ поступил, тоже в университетской команде по волейболу был, потом в армии в дивизии. После войны мы пытались в ЦК комсомола создать команду, но как-то не получилось. Ходили в Парк пионеров, ныне Державинский, там была волейбольная площадка, и мы там рублились. Приходили молодые инженеры, врачи, в том числе тот, что потом был министром здравоохранения, потом какие-то юристы приходили, молодые парни, только после вуза. Энергии у них много, у нас тоже, и мы там резались часами на этой площадке.

В школе для вас организовывали походы, пионерские лагеря?

В школе походов никаких не было, а были пионерские лагеря. Наша

школа заканчивала работу, и со всего района приезжали в Повенец ребята в пионерский лагерь. И вот должен похвастаться, что после седьмого класса – представляете, какая нужда была в кадрах подобного рода – был назначен... полмесяца я пробыл как пионер, а потом видят, что товарищ активный, вызывает меня старший пионервожатый и говорит: «Сережа, может, ты вожатым поработаешь?» Мне польстило, конечно. Я говорю: «Пожалуй, я поработаю». Не задумался, что сложно может быть. И эту половину смены, и еще вторую смену – три смены было обычно – я был вожатым.

Это была ваша первая работа?

Да, первая работа. После седьмого был вожатым, после восьмого был вожатым, и потом здесь, когда пионерскую практику проходили, нас отправили по лагерям, я был в Шелтозеро, там был шелтозерский пионерский лагерь. Кому он принадлежал, я точно не знаю – тогда организации в основном создавали лагеря. В шелтозерской школе мы тоже были. Весело было и нам, и ребятам. И кормили три-четыре раза в день, и такие изысканные блюда, колбасы, мясные блюда, кисели, молоко, творог. Во всех лагерях. Было очень хорошо, и родители с удовольствием отправляли в лагерь. Походы совершали, особенно в Шолтозере. В военные игры играли обязательно. Лагерь разбивался на три части, одни, например, красные, другие – зеленые, и так далее, и они сражались. Мы командирами были. Довольно занятно смотреть.

Повенецкая школа была русской?

Только русской. Там Заонежье, Повенец... В Карелии ведь идет железная дорога – если отсюда [со стороны Петрозаводска, т. е. с юга на север . – А. Г.] едешь, слева – карельский район, справа – только русский. Весь кондопожский район, по существу, русский, Заонежье тем более. В Заонежье все потомки новгородцев или псковичей. Тамара Гавриловна Доля [доцент кафедры русского языка ПетрГУ – А. Г.] на основании изучения диалектов даже говорит: «Сергей Павлович, вы – пскович. Только, конечно, псковский диалект другой уже, а вы сохранили, как в банке. Вот я сейчас вам одну фразу произнесу: «Пойди, пойди ко мне, як тебе всёгда, а ты ко мне никогды. Подь, попьем чаёчку с сахарочком». Вы поняли меня, нет? Не всё? «Заходи, заходи ко мне, пойди. Я к тебе всегда, а ты ко мне никогда». Или вот такая хохма про заонежских людей сочинена. Старуха отправляет старика в Великой губе на пароходе в Петрозаводск. Вот он с парохода кричит: «Настя! Там у меня ключ-то положен в дельничке». Дельничка – это рукавица. «Дельничка в тряпичке. Тряпичка в кладовке в кадушке. Ключ от кладовки на дверях входных висит». Вот такая речь. В общем, диалект совсем другой. Я после войны первый раз приезжаю в деревню, тетушка

говорит: «Сережа, ты наверно ведь в баню-то не ходил в городе?» Я говорю: «Как не ходил, регулярно хожу в баню». – «Ну ты по деревням, говоришь, ночевал, и в Великой губе ночевал, и в Фоймогубе ночевал в грязной избе, я боюсь, как бы у тебя вшей не было. Вот баня, дрова тут, натаскай воды в котел, истопи баню, вымойся, а одежду всю повесь на жердь, что если вши есть, чтобы они сгорели там от температуры». Потом последняя фраза, когда я пошел уже туда: «Веник-то возьми, похвоцись». Догадываетесь, что она посоветовала мне? Попариться веником! Я много лет думал насчет этого слова, *похвоцись*. Видимо, или из Пскова привезено, из древнепсковского языка, или вообще тут выдумали сами. От слова – хвостом машет скот, лошади или коровы, так вот, тоже – помашишь. Незнакомому человеку трудно разобраться.

Можно ли сказать, что школа воспитала у вас чувство принадлежности к советскому народу?

Это происходило как-то незаметно, эволюционно. И школа... Мы ведь были, как сейчас говорят, законопослушные. Но я вам скажу, что никакого гнета [*не было*], как некоторые теперь пишут и жалуется, что их угнетали, особенно творческая интеллигенция, ссылали. Никогда меня не ссылали, никуда меня не вызывали, никуда меня не агитировали. На днях я прочитал [*книгу*] Александра Зиновьева про Сталина «Нашей юности полет». В предисловии написано, что Зиновьев и ругает строй, и в то же время выражает к нему любовь. Вот так примерно, может, я неточно немножко произнес, но суть эта. Он критикует, как вербовали людей, как в армии дедовщина была, как пьянствовали, безобразничали, но... Может быть, это и было. Но я честно скажу – я не видел ни того, ни другого, ни третьего. Я был законопослушным, как и большинство. Я не знаю, были ли у нас стукачи, когда я учился студентом, были ли у нас стукачи, когда я уже работал. Я не ощущал, и, конечно, мы антисоветскую пропаганду не вели и антисоветские высказывания не произносили, и мне казалось, что никого никуда не вызывали для объяснений.

Репрессии конца тридцатых годов вас не коснулись?

Нет.

Вы о них даже не слышали?

Слышал, слышал. Я жил в Повенце. В тридцать седьмом году я как раз девятый класс заканчивал. Вот мы тут с Ириной – моя одноклассница, я с ней десятый класс заканчивал – она говорит: «Сережа, были в репрессии». А я все утверждаю, что у нас в Повенце никого не брали,

и у меня аргумент такой, почему не брали: там все были или местные, которых бесполезно брать, хотя таких тоже брали, и есть тысячи примеров, когда неграмотного мужика брали как врага народа. А тут часть местного населения, и часть ссыльных, так куда их еще брать? Бывшие зеки освободились без права выезда в Питер, в Москву. Так зачем? Кого арестовывать? Я не знаю ни одного человека из моих знакомых или соседей. Повенец небольшой городишко, тысячи три там население было – [репрессий] не было. Не помню я. Не видел, не слышал, чтобы какой-нибудь ученик приходил в школу [и рассказывал], что моего папу арестовали. Не было. В деревнях было. Жуть, что творилось! Рядом с Марциальными водами была деревня Галлезеро, там домов десять-двенадцать – не было дома, чтобы никого не взяли. Всех мужиков. Я еще другие деревни знаю. В Лобском было, в Пяльме, в Римском. Кто-то болтанул где-то, а какой-то стукач донес. Правильно пишет Зиновьев, что многие среди интеллигенции, ученых мужей решили: мне нужно, например, ваш пост занять, я на вас капаю, вас забирают, я сажусь сюда. Вот такие подлецы были.

Вы уже тогда знали об этом?

Да что вы. Но эти истории повторялись и в сороковом году. Отрыжка, хотя уже считали, что было постановление ЦК партии, что прекратите пока. И Ягоду расстреляли, и Ежова, который в ежовых рукавицах, арестовали и расстреляли. Я расскажу о себе один случай. Вдруг перед самой войной ввели плату за обучение. По-моему, не триста ли рублей? Триста рублей для того времени, знаешь, сколько! Собрание проходит, на четвертом этаже в большой аудитории. Выступает ректор, из прессы товарищ. А я был активный, замсекретаря комсомольской организации факультета. Я сижу в конце аудитории, а ректор выступает и говорит: «Я слышал, что некоторые дамочки», – а у нас много жен офицеров было, в основном филологини, – «Я слышал, что некоторые дамочки хотят бросить учебу. Я советую, продайте своих лис и заплатите за учебу, продолжайте учебу». Я из конца зала крикнул: «Константин Дмитриевич, вы что, в дверную скважину подслушивали, подсматривали эти слухи?» О, Господи! Тут секретарь парткома, мой однокурсник, взрослый мужик, работал в министерстве просвещения, потом, не имея высшего образования, был отправлен учиться вместе с нами, пацанами. Как начали! Ой, что тут было. Меня трижды или четырежды таскали на заседания комитета комсомола. Комитет комсомола был здесь наверху, за сценой [актового зала университета. – А. Г.] такая комнатка, там был комитет комсомольской организации. Секретарь парткома Криворучко, секретарь комсомола, женщина, преподавательница русского языка, только что сама закончившая, на меня наваливаются. А ребята, рядовые студенты, решили меня не выдавать и говорят: «Сереза Сюнев ничего особенного не произнес». Начали клеветать.

Я чувствую, что дело пахнет керосином. Исключают из университета. А я еще мало додумал тогда, не было опыта – вот я «Дети Арбата» Рыбакова прочитал, я понял, чем бы могло кончиться (*показывает скрещенные пальцы*) даже в то время, уже когда спад начался. Один раз вызывают. Криворучко предлагает исключить из комсомола, парни и девчата все против. Второй раз, третий раз. Потом случайно – а я до этого был избран председателем ревкомиссии [*ревизионная комиссия, в чьи функции входила проверка деятельность соответствующих комсомольских организаций. – А. Г.*] – вызывают меня в горком комсомола и говорят: «Товарищ Сюнев, идите в Октябрьский райком комсомола и проверьте, что положено председателю ревизионной комиссии». Это финансы, протоколы, как собирались собрания, пленумы проводят, как бюро заседает, регулярно ли все это соблюдается, как денежки расходуются. Я пошел туда, а секретарем райкома комсомола оказалась жена Андропова. Он в это время был секретарем ЦК комсомола. Я сначала доложил ей, что я выявил – там порядок был, а потом говорю: «У меня к вам личный вопрос есть. Объясните мне, меня затаскали за одно слово». Она: «Глупость какая. Ладно, я с Юрием Владимировичем поговорю, и вас вызову или позвоню». Она, правда, не вызывала меня, не звонила мне, конечно – куда мне, я в общежитии жил здесь. Но смотрю – как будто языком слизало эту проблему. Все замолкло.

Чем было вызвано ваше желание поступить в университет? Что было основным фактором?

Поветрие, я бы сказал. Все идут куда-то, а почему я не пойду? Я учился средне, не был отличником. У меня были тройки, четверки – в основном четверки все-таки. По истории и по химии пять. Я стремился скорее работать, чтобы была какая-то специальность. Я уже говорил, что и танкистом хотел быть, и моряком хотел быть. В конце концов, пошел на учителя. Тогда было кино «Учитель», кстати говоря, очень оригинальное, там Чирков играл какого-то сельского учителя, и старик пришел к нему, ушанка – ухо одно торчит так, другое так, как в кинофильме «Чапаев». Он говорит: «Ну что, Иван Николаевич», – по-моему, Иван Николаевич, – «Ну что, Иван Николаевич, земляк ты наш, но, видать, бестолковый ты мужик. Танкиста из тебя не получилось, летчика не получилось, на учителя, слава Богу, ты хоть выучился» (*смеется*). Вот и я тоже, думаю, Бог с ним, хоть учителем. Работа мне нравилась, интересная, с ребятами. И потом, во время Финской войны, я работал в школе, когда был на втором курсе, нас отправили в конце концов работать в школу. Я работал в поселке Кяргозеро, был такой поселок в Сегежском районе. Там были переселенцы, они были высланы с детьми, скарбом – бывшие кулаки. Они построили там себе поселок, культурненький, хорошенький.

Они были из Белоруссии?

Нет, они все из России, в основном, с Поволжья. Меня отправили в эту кяргозерскую школу учителем истории и географии. Пришел туда, директор мне – а мужчина был – объяснил, как надо вести себя на уроках, что за классы, что за ребята, а ребята были великовозрастные, многие мои одноклассники. Почему – потому что пока их выселяли, пока школу строили, они не могли учиться. Я одну только картинку обрисую. Спрашиваю одного парня, такого здорового – какой-то вопрос по истории задаю, он говорит: «А я не выучил ничего». Я: «Почему не выучил?» – «А с Настей всю ночь прогуляли». (*смеется*) Представляешь? Учителю такое говорит ученик. Он с Настей всю ночь прогулял. Прообщивался, поцеловался. Вот эта работа в школе мне тогда понравилась, когда работал в Кяргозере. Разные эксперименты проводил, с неудниками работал, находил с ними общий язык, настраивал их на лучший лад – в общем, получалось неплохо. Потом еще утвердился я в этом желании. Потом вообще, когда был деканом, я всех агитировал, в районы однажды или дважды даже ездил, агитировал идти в вузы. И вообще считаю, что... сейчас, правда, с оплатой плоховато, но что эта работа – одна из лучших, учителем быть. Вот мои такие прозаические доводы. Первое: каникулы два месяца. Где ты найдешь отпуск два месяца? Раз. В лучшее время года. Второе – и это главное. Ты работаешь с детьми. Это народ живой. Я ведь сколько дочку уговаривал – не иди на врача. Каждый день ты будешь выслушивать одну боль. Тут болит, тут болит, Людмила Сергеевна, вот тут у меня болит, помогите, помогите. Ты же оттуда придешь больная! А я буду крепким веселым парнем. И в университете мы со студентами дружно были, они меня уважали и слушались. А в школе ты работаешь с молодежью. Они носятся по лестницам, друг другу пинки дают, подзатыльники. Это же естественно! У них энергия избыточная! Сорок пять минут просидишь и потом надо вырваться на волю, энергию выпустить. Мне нравилось, мне нравится и сейчас, и сейчас я всех агитирую до сих пор, если кто приходит из знакомых родственников – идите на учителя, честно скажу, хорошая работа.

Вы помните, как открывали Карело-Финский государственный университет?

Ну, немного помню. Я тогда уже учился. Мне дали пригласительный билет, он, по-моему, находится в музее [*ПетрГУ*], с моей фамилией. Такой желтенький, маленький. Актный зал был там, где и сейчас, а фойе перед ним мы, кстати, использовали для танцев. Каждую неделю мы здесь проводили танцы. Финн на аккордеоне играл. Но я отвлекаюсь. Короче говоря, вдруг идет какая-то делегация. Куприянов [*Г. Н. Куприянов в 1940 г. был первым секретарем обкома ЦК КП*

КФССР. – А. Г.] идет во главе, первый секретарь Карело-Финского ЦК компартии республики. Андропов [Ю. В. Андропов в 1940 г. был первым секретарем ЦК ВЛКСМ КФССР. – А. Г.], какие-то другие вожди. Идут, в зал проходят, там ректор... как это принято обычно. И заседание. Антикайнен был, Тойво Антикайнен [один из организаторов и руководителей Компартии Финляндии, участник Гражданской войны в Карелии. – А. Г.]. Но кто говорил, что говорил – не помню. Сколько раз пытался вспомнить, кто и что там говорил, я ничего не помню. Я только помню вход делегации в этот зал и то, что я был примерно в середине зала, в центральной части.

Давайте перескочим войну и вернемся в сорок шестой год, когда вы вернулись сюда из армии. На войне погибло очень много мужчин. Как девушки выходили из этой ситуации? Выходили за первого попавшегося? Пытались разбить семью? Или смирялись?

Ой, не знаю, в этом деле я слаб. Понимаете, я жил в городе, а в городе как-то мужиков хватало. В деревнях, конечно, женщины страдали. Удирали сюда, в города. Как-то находили, кто разведенные, то жена где-то погибла. Вот так выходили из положения. В общем-то, случаев, когда что-то сверх выходящее за пределы нравственности, я не припомню. Не отбивали никого.

Рожали вне брака?

Нет, нет. Не было ни среди знакомых, ни среди студентов, чтобы вне брака.

Как после войны проводили свободное время?

Тогда были часто командировки – раз в месяц. В кино ходили, в театр ходили. Летом в волейбол резались, на лыжах совершали прогулки, на тот берег [*Петрозаводской губы Онежского озера. – А. Г.*] я ходил несколько раз. Человека два-три соберутся, парни, и пошли туда. На танцы приходили сюда в университет. Тогда зал был в другом доме, где сейчас пединститут, через дорогу. Там мы [*КФГУ*] были частично, потом институту отдали.

В городе были любимые места?

Парк культуры и отдыха, и то редко. У меня же была семья, мама очень больная была, не ходила совершенно. Сестра маленькая была, училась в кооперативном техникуме. Как-то обыденно, занимались житейскими делами, бытовыми проблемами. То мать помыть, то убрать... Сестра занималась этим делом.

Чистым был город после войны? Как чистота поддерживалась?

Так-то чистый, но очень-очень древний, бедный... Вот общежитие номер один [*здание, прилегающее к основному зданию университета. – А. Г.*], за углом, там, на этом месте стояло два домика [*с одной стороны*] и два домика [*с другой*]. Маленькие домишки, там, наверно, помещение чуть побольше [*чем комната, где проводилось интервью – помещение примерно 4,5 на 3 метра. – А. Г.*], метр еще был территории, два окошечка. Вот такие домишки, еле живые. Через дорогу тоже были... Когда мы учились в университете, туалетов не было здесь, и отхожее место на улице было, где общежитие номер два [*также здание, прилегающее непосредственно к основному зданию университета. – А. Г.*]. Свободного времени не так много... Не шатались, не болтались. То дела бытовые, то спортом занимались, то командировки, то в кино, то в театр ходили часто. Особенно в кино.

Делали вы какие-нибудь крупные покупки после войны?

Делал. Купил как-то пару железных кроватей. С никелированными дужками. До сих пор они у меня на даче без дела лежат. Потом, позже, купил диван. Напечатал в «Ленинской правде» статью о Северо-Атлантическом блоке. Большая статья была. На гонорар купил себе диван. Также, по-моему, на даче. Особо больших покупок не делали. На себя нужно было купить. Жили довольно скромно.

Кто в вашей семье отвечал за бюджет? Вы или ваша жена?

Я женился довольно поздно, в сорок восьмом году. Продукты покупали, когда были карточки – по карточкам, потом стало свободно, купим, что нам нравится. Одежду, костюм купить надо, платье ей, туфли, ботинки. Такое, в общем. Бытовые вещи.

Занимать приходилось деньги? Или хватало?

Обычно хватало. Я только занимал, когда работал здесь в университете, хотя у меня ставка для того времени была сравнительно большая. Когда я покупал машину, я занимал, в том числе у Муллонен Марьи Ивановны [*доцент кафедры финского языка ПетрГУ. – И. Т.*], потом у Кузьминой Зинаиды Александровны. У меня были деньжата малые, эти женщины мне помогли, потом в течение полугода рассчитался, и у меня была машина «Жигули 21011». Очень хорошая. До сих пор ходит, а это было в семьдесят пятом году.

Как вы познакомились с женой? Уже здесь?

Мы работали с ней в ЦК комсомола. Она была заведомом рабочей молодежи, а я заведующий лекторской группой. Приглянулись друг другу, я год за ней ухаживал, уговаривал выйти замуж. Ей уже тогда было двадцать семь, а мне двадцать восемь. Поженились. Детей сначала не было. Поженились в сорок восьмом, а дочка родилась только через пять лет, в пятьдесят третьем году.

Как прошла ваша свадьба? Долго готовились?

Тогда была еще карточная система. Жить я перешел к ней, потому что моя мама, сестра и я жили вот в такой комнатке (*показывает помещение размером примерно 2,5 на 2,5 метра*) втроем. На том месте, где сейчас магазин «Мариинский», там были два дома – один державинский, и еще один.

Там сейчас мемориальная доска в честь Державина.

Да-да. И куда? Жену не приведешь туда, вот я к ней и подался. А у них тоже одна комната была, брат с женой и ребенком, мать ее и мы, молодые. Две молодые пары, одни здесь спят, другие тут, теща тут спит. Конечно, все это было довольно сложно. Но потом постепенно нам дали комнату, потом другую, потом третью уже дали в доме, назывался «Дом специалистов», это угол Кирова и Ленина. Там сейчас внизу магазин в подвале есть, «Свитанок», белорусскими свитанками торгует. В этом доме живет [А. В.] Суни [А. В. Суни – историк, профессор ПетрГУ. – А. Г.]. Он на втором этаже, а мы жили на четвертом. Потом мне дали очень хорошую квартиру в доме, где я и сейчас живу. Сорок лет живу там. Постепенно все улучшалось, по ходу дела.

Вы упоминали, что в ЦК у вас был дружный коллектив. Трудовых конфликтов не было?

Не помню, никогда... Случаев, чтобы скандал – что вы, нет. Первый секретарь обкома, Голубев, бывший комсомольский вожак Петрозаводского погранокруга – милейший человек, хороший. По пропаганде был прислан из Москвы Зотов, после него был Петр Соколов, олонечский карел. Он демобилизовался из армии из Болгарии. А там, знаешь, как их принимали? «Братушка, братушка». Только появишься на улице, сразу старики соберутся, один тебя к себе, другой к себе – и в подвал, а там бочки стоят. И пока ты оттуда не выползешь... (*смеется*). Там он и приучился к выпивону. До войны он был секретарем райкома комсомола, а раз приехал – капитан, артиллерист, его сразу

в комсомол пригласили, сразу пост секретаря по идеологии дали, а он в ней не разбирался.

Были ли на службе выскочки?

Не было. Не заметил я. Да не было, не было. Я говорю, мы какие-то законопослушные были. Вызовут на бюро: вот тебе такой-то пост. Если соглашаешься – пожалуйста, не соглашаешься – оставайся на этом посту, а хочешь – уходи, пожалуйста.

Были неработающие среди ваших знакомых?

Ну что ты, не было таких людей и не могло быть! Потому что первое время после войны карточки, не работаешь – значит, не ешь. Если инвалид, старушки, старики, жены многосемейные, они получали, конечно, карточки, но они получали карточки иждивенца, четыреста грамм, а работающим пятьсот или шестьсот грамм хлеба, плюс крупы, сахар, мясо, рыба.

Какое было отношение к евреям в университете?

Вы знаете, очень хорошее. У нас было много евреев. У нас были Витухновский, Ратнер... У филологов много было. А насчет притеснений... Нет, не было такого.

Вы не помните, был ли в Петрозаводске памятник Сталину?

Помню! Не было никогда! И до войны не было ни памятника Сталину, ни улицы Сталина. И все время над этой проблемой я задумываюсь. Ну почему из подхалимажных соображений мы не назвали? Видимо, город производил впечатление большой деревни. Ну где около этих домов поставить памятник Сталину? Или назвать эту улицу? Ленина тоже назвали недавно. Одна только улица Карла Маркса была мощеной. Там асфальт, а тротуары были выложены из мощеных плит.

Каким было ваше отношение к Сталину при его жизни?

Положительное. Конечно, я много задумываюсь сейчас, на старости лет, и вот я прихожу к выводу: конечно, он много натворил и много сделал. Я, может быть неточно, процитирую одно место из мемуаров Черчилля. И что говорит Черчилль: когда Сталин пришел к власти, Россия была с деревянной бороной и сохой. Когда он ушел, она имела атомную бомбу. Она имела современную армию с прекрасным для того времени вооружением. Вот так.

Как вы отнеслись к смерти Сталина? Вы и ваши знакомые?

Моя мать, к сожалению... Человек верующий, а к концу жизни больной... Так вот, мать плакала. Я в пятьдесят третьем году, при смерти Сталина, был там [в Москве], и когда приехал сюда, спрашиваю: «Мама, ты как?» – «А я плакала: как же мы будем без Сталина?» Вот до чего внушили человеку. Неграмотному, с тремя классами образования, но интеллект определенный был у нее, но больная. И так говорит про себя...

А вы?

А я как-то... не ревел, но проявил любопытство. Я был на похоронах Сталина. Я как раз учился в аспирантуре. Мы даже ходили туда – нужно было прорваться через все кордоны.

С женой?

Да, с женой. Она от меня отстала, где-то в другом месте прорвалась под сомкнутыми руками милиционеров, я таким же образом прорвался. В колонном зале Дома Союзов у гроба Сталина стояли все вожди – Берия, Молотов, Маленков. Мы идем мимо них, и в это время, как я зашел, был такой случай. Не знаю, страшный или как его назвать – подхожу примерно так, с этой стороны люди идут, с той идут, и вдруг женщина: «А-а-а-а»... В обморок. Охрана ее подхватила под руки и унесла. Видите, как человек принял смерть Сталина. Ей так было больно... Не знаю как сказать, больно – не больно, но трагически восприняла смерть Сталина. А вообще, что-то не помню особых своих страданий. Даже никаких не было.

Донеслась до вас борьба за власть после смерти Сталина?

Вскоре Берию арестовали. В марте умер Сталин, и в июне арестовали и Берию. На улице аспиранты говорили, что арестовали Берию. Потом уже доклад Хрущева на XX съезде партии, потом какие-то документы нам читали, я член партии был. Масса была объяснений насчет Берии, что он враг народа, что предал всю агентуру, что за границей была, что шпион американский...

Расскажите про знаменитый доклад Хрущева на двадцатом съезде КПСС. Как все это происходило в отношении вас?

Нам зачитали доклад. Он произвел ошеломляющее впечатление, причем на всех. То, что умер Сталин... Рассуждали, ну, положено человеку умирать, хоть он и полубог. А тут, когда все это раскрыли, все обвинили, тут вообще.

Вы поверили этой информации?

Поверил, а теперь я начинаю подвергать сомнению. У того же Зиновьева в книге про Сталина «Нашей юности полет», он Хрущева ругает за этот доклад, что он много приврал и наговорил лишнего.

Что из событий предвоенного времени больше всего повлияло на то, как складывалась ваша личность?

Трудно сказать. В целом... У меня отец работал на двух работах, как некоторые ваши преподаватели, ему некогда было с нами заниматься, занималась с нами мать, да и мать воспитанием не занималась, она только нас обеспечивала – обстирывала, одевала, кормила, поила. Нас воспитывала школа. Это пионерская организация, это комсомол. Они же плохому не учили, вот поверьте мне, старому человеку, плохому в комсомоле не учили. В последние годы я о комсомоле скажу нелестно. В последние годы, перед крахом нашей страны, Советского Союза, они там тоже разложились. Мне говорили мои студенты, которые там работали. Некоторые просто рассказывали, как успехи, а я-то сразу понимал, что это безобразие, что они рассказывают, а другие критически относились. Один эпизод только расскажу. Представляете, секретарь обкома комсомола. Приезжает какой-нибудь инструктор ЦК ВЛКСМ. Шишка невелика, но к нему надо подход. В партии построже с этим делом, но тоже вождям всяким. Местные-то еще ничего. [*И. И.*] Сенькин был много лет первым секретарем обкома КПСС, о нем скажу только положительно [*И. И. Сенькин, первый секретарь Карельского обкома КПСС в 1958-1984 гг. Затем председатель Президиума Верховного совета КАССР. – И. Т.*]. Очень хороший, честный-пречестный человек. Работал на совесть. К нему можно было в любой момент придти, пожаловаться, попросить помочь – он вникнет в твоё дело. И до него были – Лубенников [*Л. И. Лубенников, первый секретарь ЦК КП КФССР и Каробкоме КПСС в 1955-1958 гг. – И. Т.*], из Белоруссии приехал, из минского обкома. Тоже неплохой был человек. А до Лубенникова был Егоров [*А. Н. Егоров, первый секретарь ЦК КП(б) КФССР в 1950-1955 гг. – И. Т.*]. Он имел какое-то образование по области культуры, казалось бы, интеллигентность должна быть – но нет, очень грубый и резкий человек был. Грубо поступал. Методы у него были интересные. Вот ты работаешь при нем в обкоме, что-то возникло там, он отчитает тебя, потом [*говорит*]: «Вот, товарищ, есть предложение назначить вас первым секретарем Лахденпохского райкома партии». Вроде повышение – тут инструктором или замотделом или завотделом, а там – секретарем райкома. Человек едет туда. Потом [*Егоров*] через некоторое время приезжает с целой командой инструкторов, и после этого говорит: мы вам, товарищ Петров, доверили целый район, один из лучших районов в Карелии! До чего вы дело довели! Есть предложение снять с работы!

Вот такие методы у Егорова были. Лубенников с Сенькиным никогда так не позволяли. Мемориальная доска есть на доме, где он жил, на улице Свердлова. Там живут бывшие работники обкома, работники вуза есть – Михаил Васильевич Спиридонов [*доцент педуниверситета. – И. Т.*]. Хотели и улицу Свердлова назвать в честь Сенькина, и что-то никак не могут. Власти, видимо, боятся: как же, партия осуждена, партия была распущена, и вдруг в честь бывшего секретаря обкома назвать... боятся. А Свердлов как раз тот тип, от которого надо открещиваться. Судя по всем документам, и расстрел царской семьи [*на нем*] – хотя царь, я считаю, может и заслуживает расстрела, иначе бы он сбежал, если бы не расстреляли, и вообще эпоха царей прошла – и шахов, и султанов, всех прошла.

И последний вопрос: как вы можете охарактеризовать советское общество в эти два периода: перед войной и первые десять лет после войны.

Очень сложный вопрос. С одной стороны, все, что создано Советской властью, очень [*хорошо*]. Повторяю: от сохи и деревянной бороны до атомной бомбы. Это одно. Другое, я три момента осуждаю в деятельности Сталина. Это коллективизация. Принудительно туда сгоняли – это безобразие. Вторая ошибка Сталина – репрессии. Я считаю, что с очень большим перебором все сделано. И третья ошибка или упрямство – прозевал начало войны. Вот я, простой гражданин, считаю, три у него было ошибки. А тот же Зиновьев говорит, что Сталин не сам рвался к власти... Он правильно говорит: его обстановка, семейные обстоятельства и свои коллеги выдвигали туда, наверх. И выпихали. Это исторически неизбежно, он стал исторической неизбежностью. А мы говорим, что он локтями всех... Это было уже потом. Молотов потом в своих мемуарах объясняет: эти репрессии, конечно, перебор был, но мы ликвидировали пятую колонну в нашей стране перед войной. Но мы наделали с военачальниками? И Тухачевского, и Блюхера, и других. Прославленные герои Гражданской войны, талантливые люди! И Буденного с Ворошиловым оставили, которые ни хрена не разбирались. Хотел сильнее сказать, да вовремя опомнился. Они отставшие донельзя. Ворошилов и Буденный только интригами занимались. Буденный еще в меньшей степени, а Ворошилов возле Сталина, все поддакивал. В общем, эпоха была очень беспокойная, но по-разному оценивается, смотря с какой точки зрения. С одной стороны, прогресс колоссальный. С другой стороны, интеллигенцию создали. Вот я хотел бы такой акцент сделать на таком моменте – почему я после девятого класса попал в Пединститут, куда принимали со средним образованием. Тут же был рабфак, рабочий факультет, который готовил тоже до среднего уровня. Нас на курсах – двадцать пять человек парней было и несколько девчонок – нас готовили, потому что кадров не было,

надо срочно готовить кадры, тем более началась стабилизироваться обстановка в стране. Надо кадры. Надо быстрее, и инженеров тоже надо готовить... Вот так.

Спасибо!

Интервью с Ниной Алексеевной Робонен, 1926 г. р.

*Интервьюеры: А. В. Голубев, А. А. Савицкий
г. Петрозаводск, 29 мая 2006 г.*

*Длительность интервью – 2 часа 30 минут
Редактирование: А. В. Голубев, А. Ю. Осипов*

Меня зовут Нина Алексеевна Робонен, в девичестве Тиккоева.

Это карельское имя?

Нет, не карельское. Представьте себе, похоже на карельское, но мой дедушка был родом из Ялгубы [*село на северном берегу Онежского озера. – А. Г.*], в Ялгубе живут русские, в Заонежье тоже исключительно русские живут. По маминной линии у меня все из Заонежья, вся мамин родня из Заонежья, но они очень хитренькие оказались, быстренько перебрались в Ленинград. Мама моя, ее брат, сестра – все родились в Питере, там учились, гимназию закончили, их отец учил как следует, поэтому все трое были с высшим образованием, все кончили гимназию, дед платил за них дорого, не знаю, как он зарабатывал столько, а работал он в фирме немца, они его ценили за то, что он был честный, деловой человек. Это по линии мамы. А по линии Тиккоевых, которые из Ялгубы, они нет, не такие деловые. У моего дедушки Тиккоева [*С. А. Тиккоев в начале XX в. был один из самых влиятельных петрозаводских купцов. – А. Г.*] было девять детей, из них шесть мальчики и три дочери. Дочери как дочери, а из мальчиков только один из шести не стал пить, а пять пили все, это было несчастье. Поэтому жили неважно, раз пили, никто не живет хорошо, где пьют. Маминна, заонежская родня – староверы, а они ведь в рот не берут ничего алкогольного, ни папирос, поэтому у мамы в родне никто, никогда, даже в гостях сидят – никто не пьет. Дядя приходит, все уговаривают: «Николай Иванович, как же, за хозяйку, надо хоть маленькую» – «Нет, мне нельзя, мне мама говорила, что нельзя, и я уже не могу». Мама ему сказала, что нельзя. «А что мама вам еще не разрешала?» – «Мороженное есть, потому что от него может заболеть горло». И он эту рюмочку ни за что не выпьет и не съест мороженное. Вот староверы какие упорные. А родилась я в Петрозаводске, шестого января 1926 года, на улице Военной, сейчас она называется улица Федосовой. А мы-то жили на проспекте Ленина, наш дом был третий или четвертый от озера по левой стороне, а угловой, самый первый дом по проспекту Ленина по четной стороне, был дедушкиного брата. Тот был богатый человек, успешный купец, поэтому у него был большой двухэтажный дом.

Расскажите, что вы знаете про историю вашей семьи.

Я знаю только одно – я мало, конечно, знаю – что моя тиккоевская родня из Ялгубы. Что там в Ялгубе смотреть? Там нечего смотреть в Ялгубе, маленькая деревня, там в основном жили русские. Там была лавка, в которой торговал купец, но это был не мой дедушка, а его старший брат. И у этого старшего брата дочка, двоюродная племянница моего отца, вышла замуж за племянника Надежды Константиновны Крупской, был такой Кирилл Крупский. А Крупский в это время строил здесь железную дорогу. Кирилл познакомился с этой Маней Тиккоевой и на ней женился. Очень красивая женщина была и очень богатая, ее отец был очень успешным купцом. И в это время на дороге обнаружили, что что-то неправильно делают, что кто-то что-то похитил. И всех начали – кого расстрелять, кого на Колыму, а Кирилла, так как он племянник Надежды Константиновны Крупской, не тронули, а ему предложили – вызвали в какие-то органы прямо здесь, в Петрозаводске – немедленно уехать в Ялту, потому что в Ялте жили его родители и еще один брат жил. На берегу, в Ялте, стоял маленький домик, и они там жили. После войны мы со своими детишками туда ездили, в Ялту, к тете Мане, правда, мы там не останавливались, но нам было за удовольствие слушать то, что она расскажет. Она мне рассказала, что когда моя мама выходила замуж, то дедушка мой, Тиккоев, купец, так [она рассказывает]: «Когда твой отец хотел на маме жениться, то дедушка им сказал, что здесь нельзя венчаться. Если Леша, твой отец, будет венчаться с Верой, то дедушку могут за это, – как они говорили, – прикнопить. Нельзя». Нельзя было венчаться, нельзя было с попами общаться, попов же убивали, очень плохо к ним относились в Петрозаводске. Тогда им эта Маня Крупская предложила: «Нужно венчаться, Верочка, конечно, обязательно, будете венчаться в Питере, там никто вас не знает, не знает, что ваш дедушка – купец, вас никто не тронет». А мама говорит: «А кто организует?» «Мы с Надеждой Константиновной организуем, только она не может пойти венчание, потому что ей Вовочка не разрешит идти в церковь на венчание, но на свадьбу она придет». Так и была она потом у мамы на свадьбе. Мама говорила, что очень приличная, очень воспитанная женщина. А здесь боялись, что дедушке что-то как-то...

А когда я была маленькая, как мне дали это имя, Нина. Дедушка спросил у мамы, мама сказала: «Я хочу, чтобы девочка была Маргарита». Папа сказал, что Татьяна. Тогда дедушка сказал, что не будет ни Маргарита, ни Татьяна, поскольку я не хочу сделать так, как хочет сын, и не хочу сделать, как хочет невестка, тогда сын обидится. Ни Маргарита, ни Татьяна. Я-то уж думала, хорошо бы Маргаритой назвали. Но уж не назвали. Тогда дедушка стал советоваться со своим другом. Старожилы петрозаводские все его знают, был такой глазной врач Шехман Илья Александрович. Он жил напротив нашего, тиккоевского

дома, на другой стороне, в своем доме. Этот Илья Александрович и дедушка учились в школе, а потом дружили всю жизнь, всю жизнь играли в шахматы. Я даже помню, как это было: маленький столик, сами его сколотили из досочек. Он был лучший на Северо-Западе [*глазной*] хирург, лучше его не было хирурга. Так вот, они сидели за этим маленьким столиком, играли в шахматы, а рядом стоял маленький графинчик и две маленькие рюмочки. Я это запомнила с детских лет. Так вот, они стали совещаться. Дедушка говорит: «Илья, мне надо внучку записывать, внучка-то родилась». А была как раз зима, шестое января, было Рождество – я же родилась в ночь на Рождество. Значит, надо ехать и ее записывать. Надо об имени подумать. Дедка Илье Александровичу и говорит: «Маргаритой не будет и Татьяной не будет. Маргаритой не будет, потому что сын обидится, а Татьяной не будет, потому что есть племянница Татьяна», которую он терпеть не мог, она такая тюля, ничего не умеет делать, никому не нравится, так он боялся, что такая внучка вырастет. Все боялся, что я буду, как та Татьяна Степина. У дедушки было две лошади, он запряг лошадей, были такие культурненькие саночки, верх у них даже закрывался. Когда ездили на кладбище, мне брали, чтобы я посидела в этих санках, пока они ходят на могилы. А тут, значит, они сели с этим Ильей Александровичем, чтобы записывать меня, и на ходу решили придумать имя. Тогда Илья Александрович говорит: «Надо брать имена разных народов нашей страны. Вот давай назовем твою внучку Нина, это грузинское имя, давай назовем ее Нина». С чего он придумал, не знаю, я на грузинку нисколько не похожа, хоть бы я была черненькая, и то бы хорошо. Меня называли Ниной. Мама говорила, что приняла, как положено, раз свекор назвал, так что же делать. Папа тоже согласился, что раз уж Татьяна нельзя, Маргарита нельзя, то ладно, пусть будет Нина. Так я получилась Нина. А потом, когда родилась у этого Шехмана внучка, он сказал: «Я знаю еще одно грузинское имя, и мою внучку назовем грузинским именем». Я сомневаюсь, грузинское это имя или нет. И когда у дочери Шехмана родилась девочка, ее называли Ия. Они-то думали, что это тоже грузинское имя. Она Ия Владимировна.

Кто какую роль играл в вашей семье?

Дедушка, Тиккоев, был большим авторитетом. Бабушка его безукоризненно слушалась. Он, между прочим, покупал все товары в Белоруссии, в Витебске, он ездил на своих лошадях, потом привозил сюда, здесь был Гостиный двор, в Гостином дворе была лавка. Дедушка сам за прилавком никогда не стоял, был нанят продавец. А дети – мой папа тогда еще учился, потом ведь была гражданская война, его туда гоняли, на гражданскую войну, ему некогда было, и он был рад, что ему не надо было в лавке ничего делать: ни товары возить, ни торговать. А все остальные дети не работали, три дочки было, только вышивали,

а младшие ухаживали за лошадьми, три лошади было, да домашними делами. Дом двухэтажный, надо же тоже что-то делать, дрова пилить, и надо возить лед с озера, выпилить лед и потом эти квадраты привезти, такие кубы, положить в сарае, засыпать опилками. Купят в деревне мясо, привезут туда, положат – это вместо холодильника.

А чем занимался ваш дедушка в тридцатые годы?

Этого я не знаю даже, я знаю только то, что его все время преследовали. Он еще был активист, на площади Кирова был большой храм, в этом храме потом был детский сад, я туда ходила.

Он был там, где [Русский драматический] театр?

Не совсем, немного в стороне, потом взорвали его. Там был детский сад, там была столовая, которая вечером работала как ресторан. Так вот, детский сад был плохой, там было плохо и грязно, но все-таки я туда ходила, куда денешься. А потом сделали парашютную вышку, и парашют прикрепленный, не отделялся человек от него, а захватывался руками, прыгал, и парашют его как будто немножко поддерживал. Один раз едем на лодке по озеру, папа меня и маму катал, смотрим – бинокль был с собой – папин младший брат, дядя Сережа, прыгает с этим парашютом и ноги болтаются. И нам видно, как он с этого собора прыгает с этим дурацким искусственным парашютом. Все равно, что на зонтике.

Чем занимались ваши родители?

Отец был бухгалтером, окончил какое-то училище, а мама окончила планово-экономический институт, была экономист-плановик и работала все время по специальности. Во время войны, когда узнали, что она – экономист-плановик, начальник госпиталя это узнала, говорит: «Все, будете работать теперь на войну, помогать». Нужны были медстатистики, в каждом госпитале нужен был медстатистик, который подсчитает все в течение срока работы вплоть до того, сколько пошло обратно в армию, на фронт, и сколько домой, какими они пошли – инвалидами или более-менее восстановленными. Мама ночами сидела – у нее начальница была, и они вдвоем сидели и считали все это по карточкам больных.

Где они работали в тридцатые годы?

Мой отец, наверно, нигде не работал, помогал деду привозить из Витебска продукты. А мама, когда из Питера приехала, когда революция в семнадцатом году прошла... Для них это было несчастье, у деда – маминого отца – Романова, он был очень дельный человек, у него воспалился аппендицит и начался перитонит. А при перитоните,

если нет врача, то это смерть. Он умер в больнице от перитонита, и осталась [одна]. Она была сельской учительницей, окончила здесь, в Петрозаводске, училище, и в Заонежье она была одна такая культурная, женщина-учительница. Она была тоже очень деловая. А дедушка не имел никакого образования, но у него тоже была очень интересная судьба в жизни. Он был маленький, и его дедушка, отец отца, тяжело заболел какой-то болезнью. И фельдшер или кто там у них был в Заонежье, в Кижях, говорит, что от этого поправиться нельзя, только если Бог поможет, и тогда дедушка был отправлен своим отцом на Соловки. Ему было десять лет, и его отправили на Соловки, велели год отработать на монахов и трудиться, трудиться, трудиться, и тогда Бог пошлет деду исцеление. Он там год отработал, приехал обратно в Заонежье. И действительно, дед выжил. И какая польза была от этого: монахи научили его самому главному: тому, что и я не умею и что вы тоже не умеете. Монахи научили его самостоятельно учиться, подбирать литературу, и как воспринять все это, не просто так взять и прочитать книжки. Научили учиться. И тогда, когда он приехал оттуда, отец отправил его в Питер работать мальчиком, у немецкого хозяина разносить по домам покупки. Он разносил покупки по домам, у него уже была какая-то плата за работу, но он тогда не истратил деньги ни на что, ни на баловство никакое. Даже когда он приезжал в Заонежье, то не вез никаких сушек, ни конфет, за это на него все сердились, что он ничего не везет. А он на все деньги покупал книги и учился самостоятельно, так эти соловецкие монахи научили его учиться, как использовать эту литературу. И в итоге он так учился, что потому он в вуз поступил, не заканчивая больше ничего, стал инженером.

Помните, как взорвали собор [Святодуховский кафедральный собор, центральный собор Петрозаводска, был взорван в 1936 г. – А. Г.]?

Я помню, когда его разрушили, пришла смотреть, и у меня слезы потекли. Там стены были метровой толщины, все ведь это люди строили, так зачем же было так подло разрушить, как и Гостиный двор [Петрозаводский гостиный двор – аналог Гостиного двора в Санкт-Петербурге – был разрушен только во время Великой отечественной войны. – А. Г.]? Было ведь очень удобно. Были магазины, магазины, магазины, а на втором этаже тоже магазины. А разрушили это потому, что там ведь торговали купцы, чтобы у них отобрать. Потом ведь государственные стали магазины, в том же Гостином дворе. И почему надо было разрушать такое хорошее сооружение? На набережной был Дворец пионеров, мы туда все ходили. Тогда можно было поступать хоть в пять кружков. Я ходила: на фортепиано училась играть, бальными танцами занималась, в кружок художественной вышивки ходила и в хоровой кружок ходила. Тогда была даже такая песня: «Танцкружок,

кружок по фото, А мне еще и петть охота». У нас так и было, кто сколько хотел, тот и ходил, и ничего никому платить не надо.

Расскажите, что представлял из себя дом, в котором вы жили.

Это был деревянный дом, который строили канадские финны. Из Канады приехали сюда, чтобы строить коммунизм. И вот они строили коммунизм, а их потом всех перестреляли как врагов народа, осталось только несколько человек. Во-первых, потому что они финны. А финны ведь как хорошо работали! Какой хороший был дом, деревянный, хорошая была квартира, конечно, там не было ни парового отопления, никакого водопровода не было, туалет был примерно метрах в ста от дома, на таком расстоянии – как раз на том месте, где стоит памятник Куусинену. Там был туалет, там же была и помойка, все время вода грязная стояла. Дом был многоквартирный, восемь квартир, в каждой по три комнаты, причем все сначала вносили деньги, а мой дядя – мамин брат – уже работал, а до этого он учился в институте, а когда окончил учиться, стал приносить в дом деньги и построил вот эту трехкомнатную квартиру. Мы все там и разместились, потому что в доме моего деда мама не хотела жить, там было грязно, тесно, в общем, ей все не нравилось. А здесь были большие окна, все по-канадски было сделано.

Сколько человек жило в этой новой квартире?

Сначала дядя со своей женой, я, мама, папа – то есть пять человек в трех комнатах. А потом, когда мы приехали с войны, нам в этой квартире дали только одну комнату из этого дома, и там была совсем другая картина. Дали нам всего одну комнату, потому что дядя в это время не был в Петрозаводске, а тетя, его жена, жила у своих родителей, потому что была маленькая девочка, чтобы мать нянчила. А нам дали всего одну комнату, правда, двадцать [квадратных] метров. В этой комнате жили я, мама, папа вскоре умер... Его еще в Маньчжурию гоняли, там он простудился, получил воспаление легких, приехал – а это перешло в туберкулез, и он сразу же умер. Не успел после войны пожить ни одного дня. Значит, жили я, моя мама, я вышла замуж, потом родился сын, потом дочка. И вот нас было пятеро в этой двадцатиметровой комнате. И ничего, не так уж было ужасно. А в этой квартире [квартира, в которой берется интервью. – А. Г.], где четыре комнаты, в какой-то момент жило девять человек. Люди тоже удивлялись: как вам хватает места. Жили дочка с мужем и дочкой, невестка с сыном, тоже девочка у них, их трое. Вот шесть, да еще я, мой муж, мама моя: нас девять человек жило, и в самый раз. Я бы жила и сейчас так, мне очень нравится, когда живут семьями по старинным правилам, большой семьей.

Давайте вернемся к довоенному времени. Устраивали для вас дома детские праздники?

Устраивали, как же. Во-первых, елка была. Помню, как-то папа достал большую елку, а тетки сказали, что игрушек мы не дадим.

В каком году это было?

Вот не знаю, когда разрешили... [В 1935 г. – А. Г.] Наверное, мне было лет семь, когда разрешили елку. До этого не разрешалось, считалось, это буржуазный пережиток, поэтому не разрешали. Тогда я хотела и папа хотел, чтобы тетки дали игрушки, какие у них были на чердаке, а они сказали (*говорит шепотом*): «Нельзя, нельзя показывать, а не то нас всех в тюрьму посадят. Мы не можем показывать». Там были игрушки с крестами, Иисус Христос, в общем разные, все, которые нельзя. Мне не дали ни одной игрушки, которые были, а там была большая, огромная корзина, чем-то была она закрыта, и там были такие игрушки! Теперь, конечно, таких уже не увидишь, а мы сидели и клеили из цветной бумаги гирлянды и развешивали.

А для вас специально устраивали праздники? Дни рожденья, например.

День рождения устраивали, но очень редко.

То есть не каждый год?

Нет, не каждый год.

Не помните, почему?

Нет, не знаю, правда не знаю. Даже мама никогда свой день рождения не справляла.

Не было принято?

Нет, не было принято, а потом стало принято, когда уже у нас были дети. Каждый раз мы справляли, и елку им делали, детей приглашали очень много.

К вашим родителям часто приходили гости, друзья?

Друзья-то были, но приходили очень редко. Надо сказать все-таки, до войны у родителей не было средств. Один раз мой папочка выиграл на облигацию какую-то крупную сумму, мы же ведь тогда подписывались на облигации, и вот его облигация выиграла. Мама

говорит: «Раз твои облигации, ты тогда и выбирай, как [потратить]», а он: «Я уже выбрал». Он работал бухгалтером в какой-то транспортной конторе. «Я уже выбран, на работе уже все знают, что я выиграл, и нанят грузовик и нанят баянист, который будет на аккордеоне играть, покупаем продуктов и едем на Кивач». Тогда ездили на Кивач, теперь в другие места ездят. А мама говорит: «Я-то мечтала, что такой большой выигрыш, купим шкаф, хоть плохую нашу одежду в шкаф положим», потому что у нас ничего ведь не было, а то, что было у бабушки с дедушкой, то там остались все какие-то старые, старинные вещи. А оказалось, что надо ехать на Кивач, и все это они, в общем, прогуляли.

Отличалась у вас дома праздничная еда от обычной? Делали что-то, пекли особенное?

Ой, мама пекла и выдывала такие фокусы! Как жаль, что я ничего этого не умею, не научилась. А так мама умела все: и торты умела делать, абсолютно все. Папа часто требовал кулебяку, я этой кулебяки не ела, а он все время требовал: «Вера, ты же умеешь делать, сделай кулебяку». А папа же у меня деревенский, ялгубский, а мама из Питера, так она все время важничала, что, мол, ты же деревенщина. Так не говорила, конечно...

В какие игры вы играли, когда были ребенком?

В лапту, в прятки, в казаки-разбойники, в салочки. Кстати, когда играли под вечер, я не играла, уходила домой, у меня была, наверно, природная куриная слепота. Я плохо видела вечером, и когда кто-то замахивался, а я должна была подать свечку, я уже расстраивалась, что не могу как следует прицелиться и хорошо подать, и я скорей смылась домой и ложилась спать. Зато я научилась что делать: ложусь спать, а мама где-то делает какие-то дела, стирает или готовит на завтра, а я ставлю на стул лампу и читаю. В дворце пионеров была шикарная библиотека, я прочла все. Я прочла всего Достоевского. Начала я читать в пятом или шестом классе. У меня подруга, она всю жизнь была директором Института истории, языка и литературы [Карельского филиала АН СССР, позднее Карельского научного центра РАН. – А. Г.], окончила Московский университет, правда, исторический факультет – так она ничего этого не читала. (опущено). А я очень много успела прочитать, читала «Неточку Незванову» [повесть Ф. М. Достоевского. – А. Г.], так плакала, вся подушка была мокрая от слез. Потом Писемского всего прочла, читала и Чехова, и Льва Толстого. Достоевского почти всего прочтала. Дворец Пионеров был рядом, на набережной, библиотека там была чудесная, можно было записываться, и я, помню, записалась на одну книжку, и я до сих пор имею зло на эту библиотеку, что моя очередь не подошла и я так и не прочла – а книга была «Хижина дяди Тома» [автор –

Гарриет Бичер-Стоу. – А. Г.]. Все ее брали по очереди, я была на нее записана, но так и не попала. Потом уже в деревенских библиотеках читала, когда была в эвакуации, я тогда тоже брала, но там было мало книг.

Какие яркие впечатления остались у вас от школы?

Школа была здесь, на углу, где магазин «Двенадцать стульев» [*пересечение современных пр. Ленина и ул. Куйбышева. – А. Г.*]. Тут стоял маленький двухэтажный деревянный домик, и в этом домике был первый класс. У меня впечатления остались только от девочки, с которой я сразу и познакомилась. Ее отец приехал в Петрозаводск, его перевели работать в главк. Вообще-то он был лесоруб, но его перевели, и они здесь стали жить. А эта девочка не умела говорить по-русски совсем, она говорила только по-карельски. Хоть бы она говорила хорошо по-карельски, а не научилась как следует по-карельски говорить, мать с отцом говорили между собой по-карельски, так она им запрещала: «Закройте рты, чтоб я больше не слышала, чтоб вы не говорили ни одного слова больше, говорить можно только по-русски», она их изводила буквально. А я как раз ей говорю: «Слушай, научи меня говорить по-карельски», научилась бы я по-карельски, я бы сейчас и по-фински говорила.

Помните еще своих школьных подруг или друзей?

Помню, что подруга моя, которая окончила московский университет, училась со Светланой Сталиной в одной группе на историческом факультете. Так эту Светлану Сталин заставил учиться на историческом факультете, а так еще неизвестно куда бы она пошла. А он ей сказал, на исторический и все, и больше никаких разговоров. Иногда профессора ездили к ней на квартиру, учить дома, чтобы она экзамены хорошо сдала. Светлана-то вообще хорошая была, нормальная, но папа-то не очень нормальный.

Много было нерусских ребят в школе?

Были у нас разные, в основном карелы и финны. Больше всего, конечно, карелов было, вот моя подружка Нюська была карелка, и финны, конечно, были. Был один такой мальчик, финн, который потом, когда война началась, погиб на фронте. Он убежал, мать его не пускала, он убежал в партизанский отряд, его старшая сестра тоже погибла, отца схватили, увезли на Ивановские острова и расстреляли, и бедная мать осталась одна. Отца расстреляли, потому что вдруг нашли какие-то бумаги, будто он переписывался с финскими патриотами-националистами. Лехтинен его фамилия была, отца расстреляли, а сын погиб на фронте, и дочь погибла. Она была лыжницей, ее потому взяли,

что она легко между партизанскими отрядами могла передвигаться. Кстати и меня могли взять, я бы тоже была лыжница, если бы я в это время пошла. Прийти из школы, сбегать на Чертов стул [*скала на берегу Онежского озера к северу от Петрозаводска, название происходит от петроглифов эпохи неолита. – А. Г.*], прибежать обратно – для меня ничего не стоило. Кстати не только сбегать на лыжах до Чертова стула, но и покататься с горки. Так вот я, конечно, из всех школьных друзей помню свою подружку Нюську, еще я помню трех мальчиков, я помню их, потому что это были очень хорошие мальчики, но я-то училась в это время в восьмом классе, а они в девятом, старше были. У них была одна подружка из их класса, Юлька Пункевич, и они катались на лыжах четвером. Потом они Юльке показали на меня, что она в школу ходит на лыжах, скажи ей, что она будет ходить с нами, кататься каждый раз на тот берег, и еще на [*речку*] Лососинку. Юлька мне говорит, что парни хотят, чтобы ты тоже с ними на лыжах ходила, потому что я одна девочка, а их там трое, а больше не нашли никого, кто так на лыжах может ходить. И Юлька говорит, что тебе придется ходить, ребята тебя выбрали, значит тебе придется сходить с нами. Первый раз, в субботу, пойдём на тот берег, мы знаем там трамплин, а я говорю, что я с трамплина ведь не прыгаю. Я, действительно, маленький ухабчик – уже дрожу. По двум причинам. Первое – то, что я боялась сломать руки-ноги, а вторая тоже немаловажная, я боялась сломать лыжи, что у меня не будет лыж, и это, между прочим, было очень существенно. У меня были одни всего лыжи и одни коньки. Коньки были, но я не любила катка и не ходила на каток. Каток был на стадионе напротив «Карелии» [*универмаг в центре города. – А. О.*]. Не помню точно, может быть, он тогда назывался «Динамо». Туда наши некоторые ходили ребята и девочки на коньках кататься вечером, там музыка играла, там было весело, туда я не ходила, а на лыжах я ходила. И вот эти три мальчика из девятого класса... Один мальчик [*в Великую отечественную войну*] попал в какую-то другую часть и остался жив, но сейчас он лежит пластом, очень болен, а жена его умерла уже, Юлька эта. А два других мальчика – Игорь Иванов и Юра Летягов – погибли в Сталинграде. Юлька ездила искать их, имена там на каких-нибудь досках, ничего не нашли. Они там погибли, их туда отправили, как раз был Сталинград, эти двое погибли, хорошие были ребята.

Если вернуться к школе – организовывали для вас походы, когда вы учились?

Нет, в нашей школе походы не организовывали, мы сами себя организовывали, на лыжи.

Куда-нибудь в музей, в кино ходили?

Ходили конечно, и в театр мы ходили. К нам между прочим даже МХАТ приезжал. Мы несколько лучших постановок МХАТа смотрели, там была всемирно известная артистка Пашенная [*Вера Николаевна Пашенная, народная артистка СССР (1937).* – А. Г.].

А где в Петрозаводске в то время располагался театр?

Театр был там, где сейчас финский театр. Там был настоящий театр, но он был тогда маленький, небольшой. Между прочим он назывался – тогда все же списывали с Питера, улица Карла Маркса Мариинкой называлась, как в Ленинграде, и театр поэтому тоже назывался Мариинский. А потом построили огромную филармонию. Ее построили на том месте, где кончается театр, она не сгорела, ее разрушили, тоже взорвали, я видела, как ее взорвали. Тогда, когда ее взорвали, лежали железобетонные пластины, из которых она была сложена. Как было хорошо, огромный был зал. Туда даже приезжал армянский артист Папазян [*Ваграм Камерович Папазян, народный артист СССР (1956), известен исполнением шекспировских ролей.* – А. Г.], он оставил у меня такое впечатление, я представляла себя, что Отелло обязательно такой, как обезьяна, этот армянин был весь такой черный, волосатый. Почему-то было позволено было ему, он был специально полураздет, чтобы пугать публику. Кто-то даже написал в газете, что было очень страшно, как Отелло задушило Дездемону. Оно действительно задушило. Папазян тогда гремел как лучший исполнитель роли Отелло. Здесь был нормальный театр.

Большую роль в вашей жизни играло кино?

Конечно большую, а как же еще. Мы ведь не сразу и увидели кино. Кино было только в Питере, мама говорила, что там есть кинотеатры и кино. А здесь появился первый кинотеатр, назывался «Звездочка», он был на том месте, где сейчас речной вокзал начинается и идет вниз, вот тут был белый, кирпичный дом и там был кинотеатр «Звездочка».

Какие картины там шли?

Этого я не помню. Не осталось в памяти. А потом был еще театр, его теперь нет в Петрозаводске, ТЮЗ – театр юного зрителя, он был за «Звездочкой», где улица шла к Онежскому озеру, и туда же в сторону Сайнаволока, там был деревянный дом и там был ТЮЗ. Я ходила на все постановки. Мама считала, что в театр ходить обязательно, даже более обязательно, чем в кино, поэтому мне всегда давала деньги на билеты. Там тоже были интересные [*пьесы*], помню, как сейчас, но не могу

описать, потому что артисты были одеты, что они носили, как рабочие господ выгоняют из какого-то там особняка, рабочим дают комнаты, вот этой семье комната, вот этой семье комната. Революционные были в основном пьесы, очень запоминались.

Организовывали для вас пионерские лагеря, когда вы учились в школе?

Были пионерские лагеря, но я ни разу не ездила в пионерский лагерь.

Почему?

Я предполагаю, что меня мама не отпускала.

А осенью вас возили помогать собирать урожай?

Нет, никогда такого не было. Всю войну зато мы картошку убирали. Я косила сено, самой настоящей косой. Я даже помню, как – в одну сторону, потом в другую сторону. Такая есть коса, которая называется горбуша, эта не та, которая литовка, литовка гораздо удобней, конечно, а мы косили горбушей, нас деревенские женщины научили. Я даже выработала среди Кировской области, в своем поселке Мурыгино, до госпиталя конечно, я выработала даже такую норму, что мне дали мешок овса, еще там чего-то, масла конопляного. Я когда все это принесла, мама была удивлена, потому что пока я не работала в госпитале, хлеба ведь не хватало. Маме давали пятьсот грамм хлеба, на меня ничего тогда не давали.

Вы упоминали, что много было национальностей в школе. Между учениками существовало деление по национальностям?

Никогда, ничего не было, нет. Даже финский язык мы учили в первом и во втором классе, и по-фински надо было сказать там, ответить и так далее.

А отношение доброжелательное были друг к другу?

Я думаю, что нормальное отношение, было даже доброжелательное. В-первых, у нас никогда не было ни каких пререканий против кого-то там, против негров или еще кого-то, против евреев. Никогда. У меня была подруга Берта Дрейцер, она была такая сатана, она со всеми дралась, считала, что очень хорошо, если она какому-нибудь мальчишке залепит что-нибудь. Вот такой характер у человека был. Потом был другой мальчик, он тоже был еврей, он говорит: «Как тебе не стыдно? Ты позоришь всех еврейских женщин. Никогда еврейские женщины не дерутся, тем более с мужчинами. Возьми себя в руки». А в это время

у Берты отца почему-то послали в Англию, наверное, он говорил на каком-нибудь иностранном языке, вот его и послали чего-нибудь выслеживать. Ее папа уехал, а Берта с матерью и с бабушкой поехали в Ленинград. Она сказала: «Ну, девчонки, я приеду из Англии или папа придет, я всем привезу по белому берету». А почему именно по белому? Самое комильфо это белый был. Не знаю, почему белый. Потом она вернулась, но вскоре они уехали совсем в Москву, их перевели, вся семья уехала.

Много до войны в Петрозаводске было приезжих, например, завербованных?

Нет, белорусов совсем не было, были только карелы, которые из деревни приезжали, да и то они неохотно уезжали из деревни. Заонежские, они какие хитрые, эти заонежские староверы, они не ехали никуда, ни в Петрозаводск, они все переехали в Питер. Теплоход ходил прямиком в Питер, через Ладогу. Так они все там поселились, и теперь у всех этих заонежских дети живут в Питере, у всех у них там квартиры были, и дети там выучились.

А из Петрозаводска люди стремились уехать в Питер?

Да, стремились. Видимо работа такая была, что позволяла потом неплохо жить. Дедушка же туда сначала мальчиком поехал разносить, потом он стал управляющим фирмы у этого же немца. Он также жалел этого немца, потому что революция-то прошла, все же отняли, а у немца был большой каменный дом, и дедушка, и мама – все у немца этого жили в этом доме. Мама и вся семья жили на первом этаже, а немец жил на втором, у него было там, может, десять, а, может, и того больше комнат. Дедушка очень хвалил немца, он восхищался им. А потом всю жизнь восхищался немцами и дядя мой. Он даже брякнул где-то там, что все равно мы не умеем и не будем уметь делать так, как делают немцы. Дядя был специалист по танкам. Он ремонтировал трактора и танки. Он был специалист такой, что если танк подбитый, ему надо было ползти под него по-пластунски и смотреть, что в нем повреждено и можно ли его потом починить. Если можно его починить, то надо его прицепить к чему-то и тащить туда, где потом смогут починить. Так что он научился всему этому, он научился у немцев очень много хорошему. Его отец научился хорошему у монахов, а он у этого немца, у хозяина, не знаю, как называлась его фирма. Эта фирма покупала в Германии или в Финляндии вещи, потом привозила и в Ленинграде они распродавались. Магазин был, и продавали хорошие немецкие вещи, конечно, немецкие вещи бывают хорошие, тут уж не надо греха таить, когда-нибудь и наши научатся, ведь спутники же умеют делать, а ведь финны не умеют

и немцы не умеют пока. Так что надо правду говорить, вот я не выношу, что надо врать, Россия все-таки не родина слонов.

Как-то затронули вашу семью репрессии тридцать седьмого – тридцать восьмого годов?

Да, затронули.

Вы можете об этом рассказать?

Во-первых, мне дедушку моего жалко, Тиккоева, он хороший был, добрый старик. Так его отправили вон из Петрозаводска, убирайся, куда хочешь. Ну вот хорошо, что у него была такая ситуация, значит..

В каком году?

А не знаю в каком году. Значит такая ситуация, что его жена, моя бабушка Анна Харитонова... Я тогда совсем маленькая была, наверное, года три или пять было. Так у бабушки была старшая сестра, которая вышла замуж, как-то она попала в Витебск, я не знаю, в Витебске она познакомилась с молодым человеком, а его, оказывается, наша страна завербовала в Германии, немцы завербовали поехать в Витебск и построить там пивзавод, потому что этот человек был пивоваром, и он знал, как строится завод и технологию знал, все знал. И фамилия у него была Логановский, дядя Шура Логановский. Его жена Александра Харитонова была моей бабушке старшая сестра. Он начал строить этот пивзавод в Витебске, построил, а его сын, взрослый уже мальчик, был там пивоваром, мастером пивоварения. Они это сделали, так и что вы думаете, почти всех людей, которые пришли здесь работать, отблагодарили в кавычках, черной благодарностью. Этого дядю Шуру, который там работал, куда-то призвали и сказали: «Ты должен сменить веру на православную!» А у него была конечно не православная. Он сказал, что веру он не может сменить, а ему сказали, что он должен отказаться, как-то от чего-то вроде немецкого, что он чуть ли не немец, хотя он немец. Он от всего этого отказался и его расстреляли. А самое ужасное не это, а то, что потом эта бабушкина сестра, она была Александра Логановская... Приехали потом из воинской части, где был ее сын Боря, сын от этого Логановского, который был мастером... Этого Борю взяли на войну, и он сразу же погиб. А потом приехали какие-то парни, которые с ним там были, они не могли вытерпеть этого, но вынуждены были сказать это матери. В него не попали немцы. Он немец, и в него специально стреляли в спину, свои стреляли, просто его нужно было уничтожить и все, раз у него отец немец, его просто уничтожили выстрелом в спину. Бедная эта бабушкина сестра, все родственники старались ей что-нибудь принести, какой-нибудь еды, еще

чего-нибудь. Дядя всегда старался печку ей натопить, комнатка у нее такая маленькая была, хоть как-то ей помочь. Всем было ее жалко, потому, что ее мужа Логановского просто репрессировали и никуда не посылали, а просто расстреляли, а сына вот так послали бы вроде с немцами воевать, а сами в спину его убили, думая, что он пойдет с ними на контакт. Но ведь не обязательно он бы пошел, я конечно не знаю как, но его убили в спину и это ужасно. Кстати, подлости было больше, чем надо, вот у меня был крестик золотой на цепочке, мне дедушка сразу же его и повесил, как имя мне дал, и спустя некоторое время после этого приходит из органов энкаведешник, мама говорит: «Как сейчас его помню». Мама была, конечно, наивный человек, а у них была форма, спецодежда, китель, карманчики, и он говорит: «И все-таки я буду сейчас искать, я уверен, что вы где-то прячете золото!» Мама говорит: «Нет у меня золота, ничего нет, у меня были одни часы, они сломались, я вам сейчас покажу!» У них было две крышечки, нижняя и верхняя, а верхнюю тогда решеточкой делали еще, как бы сеточка такая, чтобы не разбить стекло. «Вот, больше у меня ничего нет» – сказала мама. Их он не взял, почему-то это не отобрал, может, ему просто не понравилось. Но он был все-таки уверен, что мы прятали золото, и требовал отдать все золото, что у нас было. Потом подошел к моей кровати, а я совсем маленькая была, мне не было еще годика, подошел, ребенок такой маленький лежит в кровати, он и сказал: «Вот вы все-таки врете мне, а вот золото!» И снял с моей шеи золотую цепочку с крестиком золотым. А мама сказала, что ее не это потрясло, а то, что меня ведь крестили, по-настоящему крестили, а он отодвигает покрывало мое и кладет [крестик] себе в китель в карман, просто вор обыкновенный, мне до сих пор маму жалко. Ну а что, Ленин, что ли, не вор? У дедушки было очень крупное вложение в банк, когда он умер, до этого он сказал маме: «Лена, иди сходи скорее в банк и сними деньги, тебе придется ехать в Петрозаводск или в Заонежье, тут ты не сможешь оставаться, потому что революция все разрушит и тебе будет трудно с детьми, поэтому скорей сними деньги». Она пошла в банк, а там большое объявление. Мама говорит, что она долго потом вспоминала это объявление, до сих пор видит перед глазами: «Все вклады в банк конфискованы в фонд революции. Ульянов-Ленин». Украли все деньги и не копейки не оставили. Хоть бы вдове, у которой муж умер, на детей немного оставили, ничего, все конфисковано и бабушка поехала с теми копейками, которые у нее еще в кошельке были. Помог ей врач петрозаводский, Иссерсон Михаил Давыдович, он ей говорит: «Елена Кузьминишна, не плачьте, поедem в Петрозаводск, будете у меня работать в хирургии, я буду заведовать, а вы на меня работать, будете хозяйкой, чтобы везде были кровати...» Бабушка была учительницей, других у нее не было специальностей. И он ее сюда привез с тремя детьми. Он снимал какую-то часть вагона, они туда сели и приехали в Петрозаводск. Она уже не поехала в Заонежье.

Расскажите, как вы решили получить высшее образование?

А я не сомневалась ни одного дня. Вот у моих внуков еще было сомнение, куда пойти, а у меня уже не было сомнения. В войну за мной парень ухаживал, врач из Ленинграда, все уговаривал, что давай поедем, у меня в Питере квартира есть, зачем тебе все это, зачем ты будешь мучиться. А я уже твердо знала, что я получу сначала образование сама, своими руками. И тогда я буду жить, как сама захочу, а не так, как мне будет кто-то указывать. Да и кому указывать, у меня только мама, папа и сестра, да и этих хватит.

И вы поступили сюда, в петрозаводский университет?

Я поступила в три места сразу. Я сделала десять копий своего аттестата, у меня был хороший аттестат, приличный, правда не очень хороший, но все-таки такой, были, кажется, две тройки, но тогда он считался хорошим аттестатом. Так я поступила в три места, так как у меня была техническая склонность, я послала, во-первых, документы в авиационный институт и туда поступила, мне пришло приглашение, чтобы приехать. Потом моя подруга с детства, карелка, она поступила в Московский университет на исторический факультет, я послала ей свой аттестат. Мы переписываемся, и она пишет, что устроит меня на какой-нибудь факультет, но сейчас уже наплыв гораздо больше и уже труднее. И потом она мне присылает вызов.

Это уже в сорок пятом году было?

Да, в сорок пятом. Пишет: ты принята на геолого-почвенный факультет. Так что я была уже принята в авиационный институт в Уфе и в геолого-почвенный факультет Московского университета. И после этого я маме говорю, что не хочу на геолого-почвенный факультет, хоть и в Москве, но не хочу туда. И мы с местной, мурьинской моей подружкой поехали в Уфу и нас ошарашили сказали, что у них нет общежития и не будет, то есть устраивайтесь на квартиры, а на какие деньги мы могли устроиться на квартиру? То есть мы с этой моей подружкой приехали, она тоже поступила в авиационный институт, я ее сагитировала, и мы поняли, что нам дали от ворот поворот, что общежития нет, и мы не можем же в Уфе жить на улице, там же тоже очень холодно. И нам пришлось ехать домой. А ехать домой-то как, денег нет. Нас пустила проводница в вагон, на третьи полки, так чтобы мы не шевелились, чтобы нас никто не видел, ведь у нас не было билетов. Ей было нас жалко, что нас так в Уфе обидели, что нет общежития и куда хочешь девайтесь. И мы доехали от Уфы до города Киров, где в Кировской области наш поселок Мурьин. Она сразу поступила пионервожатой в школу, а меня

начальник сагитировал делать массажи в госпитале. Это был еще сорок третий или сорок четвертый год.

То есть первый раз вы пытались поступить еще во время войны?

Да, в авиационный институт. Потом я приехала в Петрозаводск, а университет уже работает, уже принимают людей. Я показываю Адаму Адамович Райкерусу [А. А. Райкерус – декан физико-математического факультета в 1940-1945 гг.], нашему декану, свои документы и спрашиваю, что мне надо сдавать. Говорю, что я поступила в авиационный институт. Он посмотрел и говорит: «Все, вы уже приняты. Ничего сдавать не надо, аттестат хороший. Раз уж приняты в авиационный институт, мы то чем же хуже! Вы приняты на первый курс физико-математического факультета». Мне предложили физику или математику. Он говорит: берите математику, а я говорю: «Адам Адамович, я больше физику люблю» – «Хорошо, физику значит физику и все». Нам еще университет сделал большой подарок. Мы начали учиться с сорок пятого года, в сорок девятом году мы окончили, и один год мы учились в Питере, так как не хватало оборудования в нашем Петрозаводском университете, Адам Адамович договорился, и нас на год послали учиться в Питер в Ленинградский университет. Ой, какое было счастье, мы год жили там, причем нам сняли в Северной гостинице, которая находится на площади Восстания напротив Московского вокзала, в этой гостинице сняли для девочек комнату и для мальчиков. Мальчиков было только два, которые пришли с войны, а девочек было девять, и было очень даже хорошо.

Эти одиннадцать человек – это была группа или курс?

Это был целый курс. Потом стали с войны приезжать некоторые, так им стали тоже делать, чтобы они дальше могли учиться. Вот так вот мы год прожили. Почему я благодарна судьбе за это: во-первых, в Ленинграде учиться – это не то, что в Петрозаводске. Какие мы видели лаборатории, например, я работала и мне сто раз этот ленинградский преподаватель, который вел эту дисциплину, говорил: «Ты знаешь, где ты сидишь?». Вот не знаю, там стол хороший, стул хороший, все хорошее, как из цельного дерева сделаны. Он говорит: «Ты сидишь на месте Попова Александра Степановича, здесь он работал столько лет, не отходя от этого места». Я готова была целовать этот стол и этот стул.

Какие вам запомнились моменты из учебы в университете?

Самый страшный и яркий момент был, когда я провалила такому Агикяну, он преподавал астрономию, я ему провалила астрономию, с первого раза провалила, здесь, в Петрозаводске. Я проваливала всего

два раза, один раз я провалила астрономию, а второй раз не сдала зачет по немецкому языку, так в этом был виноват мой муж. Полностью виноват был, мне надо было идти сдавать зачет, а у нас немецкий язык вела Туполева Валерия Полинарьевна, такая важная-важная дама, мех везде на ней развешан. И вот эта дама стоит на площадке в университете. Она стоит, с кем-то разговаривает, и вдруг из соседних дверей появляется мой тогда еще будущий муж. Он геолог и идет с той стороны, где деканат геологического факультета. О оттуда идет, у него в руках букет свежей черемухи, а с ним еще друг Борька, у каждого такой букет. Вот они выходят с этими букетами из деканата и оба букета мне дарят, а Валерия Полинарьевна Туполева стоит и ей ни одной веточки. Вот они меня так подвели, что я пришла сдавать ей зачет, а она мне сказал: «Нет, вам надо еще готовиться», и она меня отпинала. Ох, уж ему потом досталось, что какой он такой неграмотный, что хотя бы один букет подарить было надо. А то они меня буквально с этой черемухой заложили. Я спрашиваю, где они взяли черемуху, где наломали, а они сказали, что в деканате стоял букет, они его взяли и поделили пополам и ушли. Вот такие вот были кавалеры в те времена.

Когда вы вступили в комсомол?

В комсомол я вступила в Мурыгино.

В сорок четвертом году?

Нет, раньше, наверно.

Какова была роль комсомольской ячейки в университете?

Вот знаете, у меня осталось плохое воспоминание о комсомоле, как о трудовой дисциплине. Вот пионерская организация – это да, вот я в пионерской организации, как я ходила, так и они ходили, как я командовала, так и они командовали. У меня командир Галя Спажева, она была немного хромяя, у нее одна нога было сломана когда-то в детстве, так вы бы видели этого командира с больной ногой, подхрамывает, но как за ней все шли, я в том числе. Это была действительно пионерская организация, и ее нельзя было ликвидировать. Это была школа, где у каждого были друзья, где все любили друг друга, и если что-то у кого-то случилось, они готовы были грудью защищать. А в комсомольской организации, по-моему, все были какие-то нехорошие, мне не нравились они все.

Ячейка вмешивались в личные вопросы?

Вмешивались, по-разному вмешивались, иногда очень глупо вмешивались.

Какие случаи вам запомнились?

Мне запомнилось, когда у нас были выборы и нужно было ходить агитатором, мне поручили ходить агитатором в какое-то мужское общежитие. Надо сказать, что я была не такая смелая, как председатель совета моего отряда Галя Спажева. И когда я пришла туда, а я должна была рассказать о депутате, которого будут выбирать, эти парни вместо того, чтобы меня послушать, вели себя очень неприлично, я с трудом вырвалась из этой комнаты общежития, и сказала нашему комсorghу университетскому, что я больше и ногой туда не ступлю, потому что они ведут себя плохо, пойду, только если дашь с собой милиционера, а так не пойду. Тогда она подняла вопрос на комсомольском собрании об исключении Тиккоевой Нины из комсомола, потому что она сказала, что больше не ступит ногой туда, где ей поручили заниматься агитаторской работой, чтобы они все это знали. Она так сказала, и я до сих пор ее это зло помню, правда ее уже нет в живых, поздно об этом помнить.

За вас вступились?

Да, вступились. У нас в группе была комсорг Нинка Ярмут, так она сразу же показала кулак вот этой, которая была комсоргом всей организации, что ты не говори, сколько она субботников организовала. Она помогла вытащить книги, ведь под университетом ведь были свалены книги, туда со всего Петрозаводска книги в подвал носили. Вы видели бы эти книги, книги какие были хорошие, заметьте, а ведь кто-то заходил туда в туалет просто сходить, в подвал забегают, да и не видно ничего, туалетов же нигде в городе не было, и там везде книги сложены, и я вижу среди этих книг переплеты наших домашних книг, я что-то там скинула, вытаскала их, там были наши книги Писемского, но я их не взяла, там нагажено было. Не знаю, куда потом они делись, кто их уносил. Адам Адамович сказал: грязные складывайте в одну сторону, чистые в эту, ведь там была и математика и физика, и все, что угодно. Короче говоря, мы эти нечистоты разбирали, наш курс. Нам дали за работу переходящее красное знамя и билеты в театр.

Запомнились вам какие-то другие случаи комсомольских судов?

Я еще запомнила, что мне муж рассказал, потому что ничего особо интересного, кроме того, что меня хотели исключать, так как я сказала, что больше туда ходить не буду, так как парни вести себя не умеют. А он приходит домой как-то раз и говорит: на комсомольском собрании

вызвали девочку, она вышла на трибуну, они спрашивают: «Почему ты так плохо учишься, что у тебя ничего не сдано?» – «А-а-а, не поем, есть хочу, а поем – спать хочу». Так она сказала. Потом весь университет хохотал, она так и сказала, вразяжку, каким-то ленинградским говором. Так я потом долго его дразнила: «Вот, ваши геологи», она была геологиня.

Что представлял из себя ваш студенческий быт?

У меня был простой быт, поскольку я жила с мамой в одной комнате. Все было просто, а те, которые в общежитии, жили тяжело. Они и голодные бывали часто, да мы и дома были голодные, денег не хватало ни на что. Кстати, и в продаже ничего не было. А девчонки, которые жили в общежитии, я помню, говорят: эта ваша Ольга Филатова – она из Кеми, кажется, приехала – такая лентяйка, им всем прислали из дома немного картошки, или они покупали в Петрозаводске. И каждое утро, по очереди, одна должна почистить картошку и бросить в кастрюлю с водой, поставить вариться. Говорят, все чистят как чистят, а ваша Ольга Филатова не чистит, а высунет руки из под одеяла, и вроде даже спит и чистит так, что кто-нибудь возьмет и за нее картошку почистит. Все же есть хотят. Быт был еще тот.

Как проводили свободное время?

В университете часто были танцы. Кто-то еще иногда пел, кто хорошо поет, а музыку в основном играли пластинки. И, заметьте, драки были почти на каждом танце. И кто заводил драки – думаете, студенты всегда? Иногда заводил драки Иван Иванович Кяйвярйнен. Как увидит только, что военные пришли, такие напыщенные, наряженные, придут и начинают к нашим девочкам подъезжать, Иван Иванович сразу за шкирку и выгоняет. И я один раз тоже помню, я с ним танцевала, и вдруг подходит солдат. Я уж испугалась, неужели Иван Иванович будет его сейчас хватать и толкать. Но Иван Иванович тут не стал распоясываться, потому что рядышком стоял, он тогда еще не было мой муж, но Иван Иванович уже знал, что я с этим парнем танцую, он уже с ним решил не связываться. Мой-то будущий муж финн, и Иван Иванович финн, а военных он брал за шкирку и... он верзила-то такой! Мы очень его за это уважали.

Кого было больше среди студентов – девушек или молодых людей?

Мне кажется, девушек было гораздо больше, многие еще не успели вернуться с войны, а те, кто приехали, стали родителям помогать – посадить и что-то еще, особенно те, которые в деревне. (*опущено*). Девушек было намного больше.

Как девушки выходили из этой ситуации? Как искали себе женихов?

Я не замечала, чтобы кто-нибудь женихов искал. Я думаю, что кто-то встретил кого-то, кто понравился, и все. А женихи-то были, пришли с войны. Знаете, как моя подружка, с которой мы работали в госпитале, вышла замуж? Она была немного старше меня, мне было семнадцать лет, когда я пришла работать в госпиталь, а ей было где-то двадцать два. Потом она рассказывала, наш госпиталь перевели в город Рослан, в Белоруссии, и там был большой аэродром, летная часть. А поскольку Люська – настоящая медсестра, окончила в Купинске медучилище, и она распоряжалась. И к ней стал свататься летчик: «Люся, выходи за меня замуж». Летчик-истребитель. «Нет, Ваня, я не пойду замуж, я еще подумаю, не буду торопиться». Тогда этот летчик – а он москвич – как-то ее затолкал в поезд, привел в Москву, «Люся, только в том случае ты не выйдешь за меня замуж, если родителя согласятся, что ладно, ты не выйдешь» – «Почему твои родители? Моя мама в Житомире, она-то ничего не может сказать, а твои будут решать». Но ладно, он ее привел к своим родителям. Родители на нее посмотрели и говорят: «Анна», – а вообще она Анна Николаевна Мазарак, в госпитале ее звали Мазаракком, она была большим начальником, потому что у нее было мыло, медикаменты. «Мазарака даст, если захочет, а не захочет – не даст». Так вот эта Люська пришла к родителям этого Вани Романова, и родители на нее буквально набросились с двух сторон: «Ты выходи, наш Ваня хороший, добрый, учился всегда хорошо». А я говорю: «Да чего это я буду за Ваню выходить, я старше Вани на два года, это плохо», а мать говорит: «Да ты что, наш Ваня такой тихенький, вот сейчас война почти закончилась, теперь парни-то все приедут, так невест-то всех разберут, а Ваня останется один». И так они накинулись на Люську, она, видимо, им понравилась – а она и правда хорошая девчонка – она и вышла за этого Ваню. А Ваня, не худо – Герой Советского Союза, летчик-истребитель, и квартира шикарная в Москве. Там она и прожила всю жизнь.

А были девушки, не сумевшие выйти замуж и решавшие рожать вне брака?

Нет, таких не было.

А вообще это осуждалось?

Осуждалось, да и боялись, что потом трудно будет, что ребенка будут обзывать, называть ничейным. У моей подружки, Нинки, девочка родилась, так она замуж вышла.

Были у вас здесь, в Петрозаводске, любимые места для отдыха?

Иногда по вечерам мы ходили гулять в одно место – напротив банка на улице Титова есть маленький сквер. За этим сквером начинался Гостиный двор, теперь там дома – так этот сквер находится на том месте, где раньше была Сенная площадь. А называлась она так, потому что сюда приезжали сельскохозяйственные люди с лошадьми, привозили сено и продавали. Здесь же, в Петрозаводске, тоже держали коров и поэтому торговали сеном, поэтому и площадь называлась Сенной. Она вся была засыпана сеном. Потом на ее месте разделили сквер.

Как вы познакомились с будущим мужем?

Естественным путем. Нас послали грузить так называемую пропсу. Пропса – это очень хорошо выделанное дерево, и эту пропсу надо было грузить на баржи, ее везли на юг укреплять шахты. Ее мы должны были грузить на баржу, с берега, где деревня Суйсари. В Суйсари, где мы грузили эту пропсу на баржу, мы и познакомились. А после пропсы мы поехали в деревню Бесовец, там у университета была площадь, где сажали картошку. Мы вернулись в Петрозаводск и нас послали туда то ли копать картошку, то ли окучивать.

Долго он за вами ухаживал?

Очень долго. Потом меня же послали на год в Ленинградский университет, и ему пришлось туда все время ездить. Ничего, он ездил. Он прилично зарабатывал, делал переводы с финского на русский и обратно. Причем он переводил Майю Лассила «За спичками». Он делал подстрочник, а потом уже Зоценко оформил как писатель, сделал литературный перевод. Вот он переводил, и у него были деньги. Маме он не отдавал, приехал в Ленинград, и мы все посетили в Мариинском театре – все балеты и все оперы. Видели «Хованщину», «Жизнь за царя» – чего у нас тут не могли поставить физически. Правда, в оперетту мы ходили реже, потому что оперетта была у нас здесь в Петрозаводске. Там мы ходили в Мариинский, смотрели оперы и балеты.

Долго готовились к свадьбе?

Не готовились нисколько. Пришли в загс записываться, он был на улице Герцена. Замухрыжистый, грязный деревянный дом, некрасивый, на первом этаже пол весь сломан. Мне говорят: «Оставляете свою фамилию, берете Тиккоева, или берете Робонен?». Я говорю: «Остаюсь Тиккоевой». Тогда эта женщина говорит: «А как будет плохо, когда у вас будут дети, они будут Робонен и будут думать, что вы им не родная мать». Я подумала – ну ладно, пишите меня.

Устраивали праздник?

Конечно. Моя мама не могла простить, что у нее была такая пышная свадьба, ей в Ленинграде устроила тетя Маня да еще и Надежда Константиновна Крупская помогала, все было шикарно, такие господа были на этой свадьбе. Мама не могла терпеть, напекла пирогов, сделала свое любимое блюдо – это было блюдо, которое делалось так: на дно кастрюли наливается подсолнечное масло, затем режется кружочками [*и выкладывается*] тонким рядом картошка, потом крошится лук, потом немного посыпается мукой, крошится мелко соленая треска, снова ряд картошки, ряд лука, опять немного муки, опять треска – и все это ставится в духовку, и получается запеканка из картошки и трески. Такая вещь вкусная, и это было главное блюдо на свадьбе. Конечно, ни сыра, ни колбасы не было и в помине. И, по-моему, даже не было вина. Потом на свадьбу пришел Эйно Карху и сказал: «Как это нет вина?» Он принес большую бутылку вина, называлось «Розовый ликер». Как я помню, у нас главный был «Розовый ликер», водки не было совсем. И были Эйно Карху со своей женой Тамарой, моя подружка Майка Антипова и Вадим, ее муж, Нюська, моя подруга и моя двоюродная сестра. Народа было мало. А потом вдруг отец мужа: «Как же так, у них была отдельная свадьба, а как же наши родственники?» И вдруг – мы ничего не знаем – муж объявляет: придется, папа хочет справить. Они жили на Широкой Слободской, как это раньше называлось, теперь это Еремеева, у них была одна комната, поэтому гуляли на улице. Его отец накрыл стол, там уж была водка и всякая всячина. Вся робоненская и короненская родня пришла.

И отдельного жилья у вас так и не было?

Нет, жили в одной комнате я, мой муж, моя мама, потом сын родился, потом и дочка. Мы так все и жили. И как хорошо, как здорово было жить! Мама очень хорошо готовила, хоть и не из чего было готовить. А отдельное жилье появилось у нас очень нескоро. Даже боюсь сказать, когда оно появилось. Сначала из этой комнаты – я стукнула кулаком по столу, был такой Малявкин на геофаке, распределял, я сказала ему: «Ты не хлопчешь, если комнату нам не дадите, мама болеет, пусть она спокойно в своей комнате останется жить, надо же ей спокойно жить. Если не дадите хотя бы комнату, то я возьму, соберу вещи и перееду в вестибюль университета, расставлю на ступеньках кровати, дети там будут спать и будем мы там жить, пока не дадите комнату». Малявкин испугался и говорит: «Ладно, мы вам дадим одну комнату». И дали комнату на улице Правды. В другой комнате жила другая семья.

Кто отвечал в вашей семье за семейный бюджет – вы или муж?

Не было бюджета, какой там бюджет!

Кто тратил деньги, ходил по магазинам?

Тратила, конечно, я. Мы делали так: сначала ему, например, зарплату дают, все переводилось на книжку и сколько надо, брали с книжки. Поэтому мы каждый год ездили на юг к тете Мане. Она позвала нас в Ялту, первый раз мы поехали, когда дочке исполнилось года четыре. Это где-то пятьдесят пятый год.

Вы занимали деньги?

Никогда. Я никогда не занимала и не любила давать в долг, потому что кто у нас брал, часто не отдавали, а спрашивать было неудобно.

Как вы устроились на работу после университета?

Кстати, очень трудно. Я пошла в ГорОНО, что хочу быть учительницей физики. Мне сказали: мест нет. Тогда моя мама – а она была очень большой начальник, она в управлении трудовых резервов ведала всеми резервами, что куда дать – что, например, в первое училище, что во второе училище, сколько в третье. Она это делала не с потолка, знала, что нужно, и не за взятки, как теперь. Она пришла к начальнику, говорит, дочку нужно физиком устроить в школе. Он: «А у нас негде». В школе мест не было, все места занятые, а почему заняты – вели по две, по три нагрузки, чтобы побольше заработать, а выгонять не хотелось. Начальник сразу сказал: пожалуйста, в первом училище, тогда называлось второе, оно находилось на улице Куйбышева, и работало это училище на территории Онежского тракторного завода, прямо внутри нужно было проводить уроки. Каждое утро я туда бежала пешочком, у меня пропуск до сих пор где-то хранится. Один раз я хожу, ищу наглядные пособия – мне нужно было сравнить по плотности медь, сталь и алюминий, чтобы ученики поняли, что такое разная плотность. Тогда это еще называлось удельный вес, теперь плотность. Я иду по территории завода, везде роюсь. А на разрушенной стене сидит какой-то мужик и говорит: «Ты что тут делаешь? Что ты ищешь?». Я говорю: «Я-то дело делаю, а что ты делаешь?» Он говорит: «А ты кто?» – «Я – учительница физики в этом училище» – «А я директор завода». Это был Горожанкин [*Возможно, речь идет о Н. Я. Горожанкине, который в течение 55 лет проработал на заводе стропальщиком, однако не являлся директором завода. – А. О.*]. «Так что ты тут делаешь?» – «Я ищу наглядные пособия».

Как вас встретил коллектив?

Очень хорошо встретил. Там были одни мужчины, чего было не встречать. Я вели физику, математику и рисование, которое я никогда не учила.

Двойная была нагрузка?

Нет, обычно. Но у учителей в это время была зарплата шестьсот рублей, а у меня в училище было восемьсот. Я всем хвасталась, что у меня все-таки восемьсот.

Было у вас желание продвигаться по службе или вам хотелось именно преподавать?

Мне хотелось именно преподавать, причем преподавать физику. Я никуда не пихалась, и, кстати, муж был тоже против, чтобы я куда-либо пихалась.

Что из себя представлял ваш обычный рабочий день?

Что касается дома, все вывезла моя мама. Вывезла весь воз моей семьи. Вырастила детей, вырастила хорошими. Она ведь воспитывалась в гимназии, свободно говорила по-французски, хорошо знала литературу, проверяла у них сочинения. Во все могла сунуть нос, даже в математику – вот в гимназии учили, так учили!

Были в училище трудовые конфликты?

Нет, не было. Никогда не было, у нас в училище было очень хорошо.

А случаи прогулов или появления на работе пьяными?

Нет, не было. Коллектив был очень хороший.

Какое отношение было к религии у ваших родственников и друзей?

Мамина семья, все Романовы, были абсолютные безбожники, хотя дедушка ездил на Соловки помогать монахам, но не стал все равно верующим. Слабо верующий. А бабушка, его жена, была учительницей в Заонежье, она не верила абсолютно, говорила: попы такие вруны все. Приходят в семью, если увидят на столе два рыбника, один из сига, а другой из ряпушки, то берут тот, который из сига, а семье остается с ряпушкой. Такие жадные, такие алчные, она их не любила, говорила, что они все плохие. Из-за них она и не верила в бога. А Тиккоевы верили,

все соблюдали, я даже хорошо помню – я была маленькой и на маленькой тарелочке приносит пасху моя бабушка Тиккоева. Она родилась уже в Петрозаводске, ее отец приехал откуда-то с севера, он северный карел, Конанов, а жена у него была из Заонежья, русская. Так вот бабушка приходит и проносит мне маленькую пасху из творога, и сверху маленький цветочек, а рядом два яичка – голубое и розовое, и еще большой кусок кулича. Это меня привело в смятение. Мама-то как была благодарна своей свекрови, этой бабушке. Я один раз в жизни такое видела. А потом я в шелку подглядывала, сидела в своей комнате – там была вся родня, большой длинный стол и огромная стояла пасха, и всем выделяли понемногу. А мне бабушка отдельно сделала. И я один раз даже видела, как бабушка на Рождество сделала поросенка. Она его запекала в русской печке, красивый был поросенок, все было разукрашено, на него были наклеены какие-то украшения.

А после войны среди ваших знакомых были религиозные люди? Ходил кто-то в церковь?

У меня была одна подружка, она была белоруска, из Гомеля, и она ходила в церковь. Представьте себе эту маленькую церковь, которая на Неглинском кладбище. Кстати, возле этой церкви похоронена почти вся моя родня, там везде написано «Тиккоев такой-то», «Тиккоева такая-то» (*опущено*). Мои деточки с Зарецкого кладбища таскали кресты на металлолом, чтобы перекрыть всех, кто сдает металлолом. Перекрывали точно.

Какими были отношения между разными национальностями в Петрозаводске?

Никогда не скандалили. Я такого никогда... Кстати, когда только приехали канадские финны, была поножовщина. Они такие драчуны! Они обязательно при себе носили финский нож в кобуре. Очень драчливые. У меня был ножичек, который мне кто-то дал, не помню, кто – был сделан на манер финского, и тоже были маленькие ножны. Мы же ходили в валенках, а я забывала, что валенки – не сапоги, и я этот нож, эту маленькую финочку носила в валенке. Я никому не показывала, потому что у меня бы ее просто отняли, такая красивая финочка, ручка сделана какими-то прослойками. И долго была эта поножовщина. На Голиковке [*Район Петрозаводска. – А. О.*] это было, голиковские дрались с зарецкими [*Зарека – район Петрозаводска. – А. О.*], зарецкие дрались со слободскими. Слодобские – это проспект Ленина, ближе к слободке.

А канадские финны с кем дрались?

Они дрались между собой. У них был в районе улицы Мерецкого бар, там был один человек, геолог, он в этом баре пел на английском и финском языке. Там что-то пили, гуляли, а там были и драки. Но это не на межнациональной почве, а как мужики между собой дерутся.

Анекдоты ходили в то время?

Нет, анекдоты были большая редкость. А мама мне запретила рассказывать анекдоты. «Если не хочешь меня осрамить...» Мама-то моя была образованная, запрещала. «Нигде не должна сказать никакого слова, никакого анекдота». Папа никогда ни разу в жизни даже «сволочь». У Тиккоевых никто никогда не говорил никаких слов. И эти парни [*сыновья дедушки респондента, Тиккоева*] – у них, казалось, все отобрали, что можно было отобрать, лошадей отобрали – дом только не отобрали, потому что он никому был не нужен, уже стал разваливаться – так эти парни, младшие братья пели «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед», и дедушка не сердился – пойте. Все революционные песни они пели. Но они были, конечно, намного старше меня, младшие братья. У папы было шесть братьев и три сестры. Пятеро пили, очень сильно пили, один, например, был – в финскую войну он отморозил ноги, так ему ампутировали так, что пятка только осталась, а пальцы были ампутированы, начиналась гангрена. И ничего, он тут заправлял. А в Отечественную войну он пек здесь хлеб для наших, которые тут остались. Мы-то не остались, нас с мамой увезли на барже, а папа уже был на фронте.

Были среди ваших знакомых осведомители?

Нет, не были.

А ходили слухи?

Ходили слухи. Муж говорил, что один парень на геофаке на кого-то что-то наклевал. И есть еще один человек, про которого я знаю, про которого мне сказал муж маминой сестры, очень уважаемый человек, врач, замнаркома здравоохранения Карелии, дядя Миша Заводовский. Он сказал мне об этом. Осведомителем был [*опущено для сохранения анонимности – один из крупных ученых Карело-Финского филиала АН СССР. – А. Г.*]. Видимо, ему для своей карьеры надо было кого-то съесть, кого-то заложить, и его он решил заложить. Он написал большое письмо в органы, и это письмо попало к человеку, который еще в школе учился вместе с моим дядей Мишей Заводовским. Этот парень читает эту клязу, где написано, что он был эсером, меньшевиком, дружил с тем-то, тем-то, а это все враги коммунистов. Тот не знал, что это письмо попадет в руки

человеку, который знает Заводовского. И тот что сделал – нашел Заводовского, тот продолжал здесь работать, в это время он исследовал Марциальные воды, чтобы строить там санаторий. И этот человек дал прочитать [Заводовскому] письмо, он пошел в органы и там прочел письмо. Он не стал скандалить с [опущено для сохранения анонимности], ничего, и сразу же все это было отброшено в сторону, потому что ясно, что он не был ни врагом, ничего.

Вы стремились вступить в партию?

Я пыталась вступить, когда работала в восьмой школе, но когда подала заявление в партию, мне сказала наша... «Нина, мы вас не примем, сейчас принимают только колхозников и рабочих, а интеллигенцию сейчас не принимают». Мы сказали: «Ну и отвалитесь со своей партией. Мы обойдемся без партии». Так и сказали этой Зинке Титовой. Она нам сказала: «Вот я в партию вступила, подала вовремя, а вы уже не попадете». И все.

Как вы относились к всевластию партии?

Мне не нравилось, что вопросы решаются кулуарно. Надо спрашивать общественность, потом уже решать. Но больше всего мне не это не нравилось. Мне было, собственно, все равно, что кто-то живет побогаче, кто-то победнее, я об этом не думала, червяка не было в душе. Мне не нравилось другое, мне не нравилось, что врут, напропалую врут и обманывают друг друга и говорят неправду. Мы сидим с моей подружкой, ждем, что скоро объявят, что Карелия – родина слонов, не иначе, что здесь родились впервые слоны.

Кто-то из ваших знакомых или вы писали письма вождям?

Нет, не писала я, ничего, никому и никогда не писала. И насчет других не знаю.

У вас были знакомые, чьи родители были репрессированы?

Очень много.

Как отражалось это на их жизни, на учебе, что их родителей признали врагами народа?

Нет. На тех, кого я знаю, не отражалось. Их никто не попрекал.

А те, кто оставались в финской оккупации – было на них какое-нибудь клеймо?

Было, конечно. Они все время, бедные, дрожали, что их куда-нибудь загребут за то, что они тут были при финнах. Вот мой дядя Петя, у которого пальцы были отрезаны, на ногах была только пятка – что он вытворял. Он познакомился с женой финского коменданта Петрозаводска. Не знаю, говорили, что он был хороший мужик. Не обижал никого, старался, чтобы все могли устроиться где-то обедать, чтобы что-то им давали. Им давали сушеное мясо лося и так далее. Им ведь давали продукты, они от голода здесь не помирали, никто не помирал от голода, здесь все было нормально. А вот этот дядя, который остался здесь, у него была пекарня, где он пек хлеб, и этот хлеб шел тем русским, которые здесь остались в оккупации. Потом эту пекарню расширили, и жена этого команданта, Лаврикайненша [очевидно, имеется в виду жена Артури Лаурикайнена, начальника отдела социального обеспечения в оккупированном Петрозаводске. – А. Г.], там командовала самим хлебопекарным процессом. Куда этот хлеб шел, я не знаю, может быть, финским начальникам. И эта тетка, Лаврикайненша, оригинальная была дама. Она залезла на дом дяди Пети – тот дедушкин двухэтажный дом, села на крышу и кричит во все горло – бедный дядя Петя, представляю себе. А дядя Петя был очень красивый, у него были абсолютно белые волосы, целая куча кудрей, крупных-крупных. Они были двойняшки, Петя и Павел, и, кстати, их звали по-карельски: Пеша и Паля. Так вот, эта Лаврикайненша залезла на крышу дедушкиного дома, а дедушки здесь не было, он еще до войны уехал в Вологодскую область. Он-то думал, что его как бывшего купца обязательно в Сибирь отошлют, боялся, поэтому они с бабушкой отсюда уехали в Белозерск Вологодской области и там жили. Эта Лаврикайненша на всю округу нашего проспекта кричит: «Пекка, Пекка, ты самый красивый мужчина в мире». И во все горло. Тетя Валя была – еще тетка там оставалась, постарше этого Пекки, говорит: «Ну что ты, скажи ей, пусть она заткнет свою глотку. Нас всех в Сибирь вышлют из-за нее». А она опять сядет на крышу – наверно, все-таки ненормальная женщина. Муж у нее комендант Петрозаводска, а она кричит: «Пекка, ты самый красивый мужчина в мире». Мы потом долго смеялись. Правда, никаких последствий не было. Знаете, есть такие люди, к которым вообще не притерешься. Вот он такой и был.

А вообще сказывалось на людях, что они провели войну в оккупации?

Сказывалось. Тетки мои не ругали финнов, но и не хвалили. Здесь их было двое, третья была в блокадном Ленинграде, а из дядей здесь был только дядя Петя, потому что дядя Сережа был в армии, а Павел погиб в финскую войну. Мой отец не погиб, их часть была в Архангельске,

а потом его отправили на восток, в Маньчжурию, там он простудился, там было сыро и холодно. Приехал с воспалением легких, а тут еще и определили туберкулез. И он умер очень скоро, он не успел пожить и поесть, как хотел, домашней еды. Ничего ему не удалось поесть. О чем он мечтал? О том, что мама сварит суп, и в супе будет крупная луковица, целая. Никогда я вареного лука этого не ем, а он любил достать эту луковицу и съесть. Но ему так и не удалось.

Вы говорили, что сталкивались с репрессиями до и после войны. Как это повлияло на ваше мировоззрение?

Мне было жалко, что моих бабушку и дедушку вдруг выгнали из Петрозаводска в Витебск, а мою тетю Маню, двоюродную папину сестру, со своим Крупским выслали в Ялту. Правда, в Ялту считали, что это благо, потому что там родня Крупской жила, там их много, на ялтинском кладбище везде таблички стоят – там, где могилы Чеховых, это налево, а могилы Крупских – направо от этой же тропки.

Эти репрессии как-то сказались на вашем отношении к советской власти?

Нет, не сказались. У меня неплохое отношение к советской власти. Я ко всему привыкла. Конечно, сказались, потому что мне было жалко. Зачем дедушку отправили в Витебск? Отправили старого человека с бабушкой, они поехали на своей лошади.

То есть репрессированных вам было жалко, но на власть у вас обиды не было?

Нет, большой обиды у меня не было на власть. У меня была обида за дядю моего, и большая была обида. Была одновременно и большая обида за дядю, и восхищение некоторыми советскими людьми, которые редко так поступали. Дядя был в северном штабе, он был по какой-то части помощник генерала, его фамилию я забыла. И вдруг дядю вызывают куда-то туда, где судят.

В трибунал?

Да, там его два человека судили. Даже не три, должно бы три, а там два всего. «Вы вот говорили, что советская техника хуже немецкой?». А дядя был честнейший человек: «Говорил» – «Почему же вы говорили? Что, наша техника плохая?» – «Плохая, технику нам нужно улучшать, потому что наши танки не починить, а немецкие танки, если в них попал снаряд, можно починить, и там даже предусмотрены запасные части внутри, а у нас этого нет». То есть он говорил правду. Тогда говорят: «Расстрел».

А там был еще один дальний родственник, дядя Вася Хорхин, он все узнал. Он детдомовский, совсем простой человек, бесхитростный, в детдоме вырос. Он узнал, что Колю приговорили к расстрелу, потом все остальное узнал и приехал, рассказал сестрам, моей маме и тетке. Тогда генерал, у которого работал дядя Коля, достал из кармана партийный билет, положил на стол этим двум, которые дали расстрел, и сказал: «Если этот честнейший человек будет осужден и расстрелян, я отдаю партийный билет, я тогда больше не член этой партии, которая может честного человека осудить на смерть». Его стали уговаривать, положили билет обратно в карман и сказали: «Мы подумаем», и заменили расстрел на семь лет тюрьмы. И дядя семь лет отсидел в Вологодской области. *(опущено)*. Только через семь лет вернулся в Петрозаводск.

Он вам рассказывал что-нибудь о лагере?

Мы с мамой ездили к нему в тюрьму, мы все видели, как там. Когда мы оттуда уезжали, мы были еще в Кировской области, я еще в госпитале работала, начальник мне сказал: «Скажи маме, пусть ко мне зайдет». А мама, видимо, рассказала ему всю правду, все-таки она секретный работник, у нее секретная работа была. Он сказал: «Все правильно. Все, что честно говорится, правильно. Прежде чем уезжать, зайдите ко мне». Он выписал ей ботинки мужские, выписал для чего-то три метра ситца. Она так и не поняла, зачем ситец. Он ей объяснил, начальник госпиталя, а он был полковник медицинской службы, высокий медицинский и военный чин, и вот он не побоялся этого. Вот он ей и объяснил: «Ситец вот для чего. Вы приедете в Вологду, и вам надо будет искать этот лагерь, вы спросите у всех, кто знает, где этот лагерь, и отдадите эти три метра какой-нибудь женщине, и она вас пешочком доведет до лагеря». Он для этого выписал ей маленький ордер на ситец, ситец она выкупила. Он дешевый, но где же его взять, так никто не даст. Ботинки он выписал, ботинки она для дяди купила. Кроме того, вдруг ни с того ни с сего он достал из своего письменного стола вяленую рыбу. Мама говорит: «Что вы, Александр Николаевич, мы же не можем эту рыбу есть» – «Это не вам, отвезите брату». «Он тоже не будет есть» – «Он-то не будет, но там есть урки, они за эту рыбу за него смену отработают, так что берите и скажите, чтоб за каждую рыбину смену отработывали». Большие вяленые рыбы, этот начальник из своего запаса... Люди хорошие есть.

Добрались до лагеря?

Добрались, приехали мы в первый лагерь Вологодской области, и вдруг нам в дверях говорят: «Он отправлен в другой лагерь». А перед этими дверями платформа какая-то сделанная из бревнышек, я на эти бревнышки села, помню как сейчас, и у меня истерика, я стала так реветь, в голос, и все это когда вспоминалось, начиналось опять. И вдруг

выходит сам начальник лагеря выходит, он меня стал успокаивать и говорит: «Я вам покажу, как добраться до этого лагеря. А тот лагерь даже лучше нашего, в нашем больше половины урки, они все отбирают, политических обижают, поэтому ничего, не расстраивайтесь». И потом мы поехали в другой лагерь, добрались до него и там это все дяде Коле передали: и ботинки, и рыбу. А папа мой приезжал и оставил гимнастерку свою, у него суконная была.

Потом вы к нему еще ездили?

Нет, больше мы не ездили, а потом его помиловали, отпустили и все отдали: и воинское звание, и орден какой-то – все ему вернули.

Это было после смерти Сталина?

Я даже не помню, когда это было. Когда всем, тогда и ему тоже. Бедная дочка, сколько она пережила, Люська.

Ее не терроризировали по этому поводу?

Нет, никогда ее никто обижал, я у нее тоже спрашивала. Она училась в первой школе, на улице Крупской была школа, никто ее не обижал. Учительница физике ей сказала, когда она была в седьмом или восьмом классе: «У тебя тетя учительница физики, как тебе не стыдно так плохо в физике разбираться». Но за отца никто не упрекал.

Как вы отнеслись к смерти Сталина?

Я не плакала, когда Сталин умер. Некоторые учителя в нашей школе плакали. «Как же мы теперь будем жить». Я не плакала, потому что он сам себя подвел. У нас во дворце пионеров висела огромная картина, на лестнице, когда поднимаешься: сидит Сталин и на руках у него девочка, а мы прочли в какой-то печати, что отца и мать этой девочки он расстрелял. Тут я его сразу и полностью аннулировала.

А когда это было?

Я не помню, когда это прочитала. Может быть, я со слуха, кто-нибудь мне сказал, что родители этой девочки были Сталиным ликвидированы, а девочка у него сидит на коленях.

Когда вы об этом узнали, еще при его жизни?

Да, при его жизни. Я вообще возмущалась, почему он так любит себя, почему везде портреты свои развешивает, бюсты, памятники возводит.

Я думала, что это нехорошо.

При жизни Сталина общее отношение к его фигуре у вас было?..

Отрицательное. А к Ленину такого сильного отрицания не было, я его очень уважала в душе за то, что он очень образованный был человек, очень много знал. Единственное, за что я на него сердилась, что все деньги, вложенные в банк, конфисковались в фонд революции. Берешь в фонд революции, возьми часть, оставь хотя бы детям на хлеб. За это я на него была сердита, но не так, как на Сталина. Потому что я знала, сколько людей погибло по вине Сталина. Как же не знать это, это же все знали.

Был в Петрозаводске памятник Сталину?

Нет, я не видела ни разу. Был только памятник Ленину, Кирову. Кстати, Кирова я очень уважала, я еще жила в Кировской области. Там о Кирове все знают. Еще я Ленина уважаю за то, что у него жена была, Крупская Надежда Константиновна. Я прочла все ее книги, что смогла достать. У меня была книжка Крупской, я ее берегла как зеницу ока, называлась «Письма Крупской к пионерам». Какие письма замечательные, какая она умная была женщина. Вот еще за это я немного Ленина уважала, что у него такая умная женщина была, серьезная, умная и цельная. Так у меня ведь в школе учителя украли эту книжку. Я читала в классе почти все, потому что у меня отряд был имени Крупской. Каждый отряд носит чье-то имя, были Зои Космодемьянской, были Олега Кошевого, а у меня был имени Крупской. Я им почитала эти письмо Крупской пионерам, они сразу согласились. Так что я никогда не была контрой, хотя на Сталина я была сердита, что он столько людей обидел.

Вслух вы об этом говорили?

Говорила. Ой, как мама этого боялась: «Что ты, не говори нигде, нигде ничего не говори. Ты же знаешь, что дядя Коля, такую глупость сказать, что наши танки хуже немецких! Из-за этого просидеть семь лет жизни».

А вы все равно говорили?

Я все равно обсуждала.

Только со своими?

А знаете, не с кем было и обсуждать, народ от этих разговоров старался уходить. Точно, народ уходил от этих разговоров, и я своим детям тоже сейчас говорю, есть одна очень хорошая пословица: «Язык мой – враг».

мой». Никогда не забывай, что язык твой – враг твой. Говоришь, так думай, что ты говоришь.

Кем вы себя ощущали до войны и после? Жителем Карелии или жителем Советского Союза?

Я всегда – и до войны, и после войны – ощущала себя жителем Советского Союза. Кстати, я и сейчас ощущаю себя жителем Советского Союза.

Какой была в целом атмосфера в обществе перед и после войны?

Перед войной никакой особой атмосферы не было, обыкновенная мещанская. Петрозаводск ведь мещанский городишко. Что тут хотеть?

Был какой-нибудь энтузиазм, желание работать, строиться, восстанавливать?

Вы знаете, на мне это не отразилось, потому что я пошла в школу по добровольному желанию. Видимо, я избрала душой работу учителя, учителя физики. А какие я фокусы своим детям показывала! Счастливые были мои ученики, мне ничего такого не показывали, а я своим показывала, чтобы дети любили физику. У нас рядом пединститут был, а там есть все, чтобы показать. Я не ленилась, там была такая Маргарита Романовна старшим лаборантам, у нее было все это оборудование. Я хочу, например, чтобы этот класс любил физику – значит, нужно что-нибудь хорошее, интересное показать. Я говорю: «У меня будет вечер, посоветуйте мне что-нибудь эффектное». Она: «У меня это есть, это есть, бери». Она мне дала рентгеновскую трубку, обеспечила питание, экран, а я каждый год делала вечер юных физиков. Девчонки две молодые физики работали, и они научились и так же продолжали так работать, учить детей. Был вечер юных физиков, там песня еще была «Я – Земля, я своих рожаю питомцев...». Всегда эта музыка гремела, и всегда все знали в школе, что будет вечер юных физиков. Так вот, я поставила эту рентгеновскую трубку, а потом взяли одного хорошего ученика, подговорили его, Яшкин Валерка, положи что-нибудь такое, что не должно быть у тебя в кармане. Он положил маленькую алюминиевую рогатку. А потом мы взяли у него пиджак: «Посмотрим, что у нашего лучшего ученика в карманах». Потом смотрим, и на рентгеновском экране видно, все хохочут, конечно, а у Яшкина-то в кармане рогатка, потому что из рогатки стреляли пульками, это ведь не одобрялось, но Яшкин, конечно, никогда этими пульками не занимался, он был хороший парень. Я всегда использовала своих ребят, которые уже где-то работают... Например, Вика Хрусталева работала на Онежском заводе, даже звонит по телефону в школу: «Скажите Нине Алексеевне, что

я достала жидкий азот». Я беру свежую гвоздику, опускаю ее в термос с жидким воздухом, достаю оттуда, роняю, и она, как стеклянная, разбивается на мелкие крошки. Как будто стекла лежат на столе. Разве это не интересно ребятам? Они знают, какая температура, как, что, почему.

Один Хрущев только меня устраивал. Он меня устраивал, потому что, во-первых, кое-кого развенчал, правду сказал, а во-вторых, я, видимо, борец за справедливость, в душе, по крайней мере. Я ненавидела, что: городским выдавалась по достижении возраста выдается пенсия, к примеру, пятьсот рублей. Тогда это был прожиточный минимум, пятьсот рублей. А деревенским ничего, они ведь тоже работают. Вот мы с подружкой ездили к ее родне в Шую, и там жила целая семья, брат ее матери, много детей. Я была в ужасе, у них в доме пустая комната, ничего нет, только радио, черное такое, больше ничего нет. Стулья самодельные, табуретки, спят на топчанах, матрас – наволочка, набитая соломой. Они много работают, почему у них ничего нет? Такой вопрос у меня был, он еще до войны возник. Потом, девочка одна, Клава, у нее был туберкулез, я не могла понять, мать берет мисочку, яичко разобьет туда и вилокй машет, машет и немножко песку сахарного туда положит, вилокй взбивает, блюдо какое-то делает, и потом Клавочка это ест. Она говорит: «Так у нас лечат туберкулезных больных, больше ведь лекарств нет. Если бы у нас не отбирали все яйца на госпоставки, тогда бы Клавочка была уже здорова, потому что ей надо бы десять в какое-то время дать, а остается только два». Я все это видела и возмущалась, и когда Хрущев сделал, что везде будут пенсии выдавать и все прочее, я считала, что так и должно быть, потому что люди работают на земле, держат скот, этот скот – то же мясо, те же яички съедают в городах. Москва сколько сжирает, а Питер, и почему же так несправедливо распределяются? Так что, если бы я была в сталинские времена, я уже давно могла сидеть в тюрьме, потому что я с этим не была согласна.

Спасибо.

Интервью с Кларой Александровной Иойлевой, 1927 г. р.

*Интервьюер: А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 12 мая 2006 г.*

Длительность интервью – 2 часа 15 минут

Редактирование: И. М. Соломещ, А. В. Голубев, А. Ю. Осипов

Меня зовут Иойлева Клара Александровна. Я родилась в селе Сорока [с 1938 г. город Беломорск. – А. О.] в тысяча девятьсот двадцать седьмом году.

Какие ваши самые ранние детские воспоминания?

Воспоминаний много. Я родилась в семье учителя, моего отца все так и звали: учитель, а я была «учительский ребенок». В тысяча девятьсот тридцать первом году начали строить ББК [Беломоро-Балтийский канал. – А. Г.], я была пятилетней девочкой, но уже знала такие слова: услоновец [от УСЛОН – Управление северных лагерей особого назначения – А. О.], услаговец [от УСЛАГ – Управление северных лагерей – А. О.], бэбэковец, потому что было очень много приезжих людей. Потом, когда я пошла в школу, у нас в классе, наверно, меньше половины было ребят настоящих сорокских, то есть [тех], чьи родители работали на лесозаводе или в рыболовецком колхозе. Больше таких, которые приехали откуда-то, в основном это такие приезжие, у которых уже освободили отцов после того, как построили ББК, но не разрешили возвращаться домой, и они там обустроивались. Ребята появлялись в классе в середине года и исчезали...

Поселок был русский?

Сорока – это русский поселок. В самом городе – нынешнем городе Беломорске – были русские. Но за три километра, где девятнадцатый шлюз, была карельская деревня, называлась Сольнаволоок, там жили карелы, а на восемнадцатом шлюзе деревня Шижня, [это] была русская деревня.

Ваша семья знала свою родословную? Бабушек, дедушек, прабабушек?

Тут сложно. Моя мама – латышка. Когда ее спрашивали, как она оказалась в Сороке, она отвечала: судьба. Судьба у нее оказалась такая: ее старший брат окончил в Риге какое-то училище телефонистом, и его в четырнадцатом году отправили на строительство железной дороги на Мурманск. [В районе] села Сухое, в семнадцати километрах от Сороки, ему выделили участок, и он содержал в порядке телефонную связь. Маму он позвал к себе, она приехала.

На заработки?

Думаю, что нет, а может и да – там негде было ей работать, у нее образование, можно сказать, сельскохозяйственное – она была в какой-то сельскохозяйственной школе. А папа был в деревне Сухое учителем. Ну и получилось... Потом брат уехал, когда Латвия стала независимой, вернулся домой, а она осталась. Я и теперь удивляюсь... Для того, чтобы повенчаться с папой, она приняла, наверно, христианство [*очевидно, православие.* – А. Г.], у нее есть такая бумажечка...

А ваш отец был русским?

Русским. Он [*родом*] еще севернее Кеми, там есть деревня Калгалакша, он там родился. Выходит, я и лютеранка, и православная. Но ни то, ни другое...

Как ваш отец получил образование учителя? Он был родом из крестьянской семьи?

Из крестьянской. Не совсем благополучной, его отец, мой дед, был большим пьяницей. А образование... В этой глухой деревушке, которая и сейчас маленькая деревня, Калгалакша, была двухклассная или трехклассная церковно-приходская школа. И закончив эту школу, он попал в Архангельск на полное осударево [*так в оригинале.* – А. Г.] обеспечение. А случилось это [*таким образом*], папа с гордостью несколько раз нам рассказывал. Тогда же эта деревня, [*как и*] весь Кемский уезд, были частью Архангельской губернии. Приехал инспектор из Архангельска и отбирал детей из этой школы. Остановился тот инспектор у попа, у попа был сын Ленька, и поп очень хотел, чтобы его Леньку отправили. И когда инспектор и поп общались, видимо, выпивали, а дети, как это в деревне принято, подсушивали под окошечком. И вот папа и все другие дети слышали такие слова: «Я тебе прямо скажу, твой Ленька учен, а вот Сашка Иойлев умен». Таким образом, послали на полное осударево обеспечение в Архангельск. Папа там сначала где-то доучивался, какая там была школа, не знаю, а потом учительские курсы. Таким образом, он стал у нас учителем начальных классов.

Сколько человек было у вас в семье?

Трое детей и родители. Пять человек.

Вы были каким ребенком?

Последним.

Чем занималась ваша мама?

Домашним хозяйством.

То есть зарплаты отца хватало?

Не хватало бы, особенно последнее время, когда двое старших получали высшее образование, сестра училась в Ленинграде, Первый медицинский институт, а брат потом в армии был.

Это в какие годы?

Сестра на шесть лет меня старше, значит, в тридцать седьмом или тридцать восьмом. На третьем курсе была в сорок первом году. Так не хватало бы денег, но мама имела двух коз и куры у нас были, и очень много трудилась, поэтому мы не считались бедной семьей.

Еда в основном своя была?

Нет, молоко и яйца свои, за сахаром надо было стоять очередь, и великое удовольствие, когда удалось получить на двоих, то есть и я стояла в очереди, и мама. Вообще очереди классное дело...

Это еще до войны?

Да, после войны я уже в Беломорске не была.

Расскажите про довоенные очереди.

Самое интересное для меня сейчас из воспоминаний: в магазине ничего нет, но кто-то распространяет слух, что сегодня выбросят сахар. Почему-то обязательно надо было [употребить] слово *выбросят*. Занималась очередь. Называется *стоять в очереди*, но никто не стоял. Тетушки, старички, старушки где-нибудь сидели, ребятишки бегали играли в прятки, но надо было помнить очередность. Потом раздавался слух: везут сахар, через реку мост, через мост кто-то уже увидел, что лошадка с мешками едет. Надо было строиться, и тогда начинался этот разбор. Кто за кем. А звучало это очень весело. Например, «Вот за Егорихой Катя Питерка занимала, а потом тут со смены шли Скобарихи, занимали», потом кто-нибудь скажет: «А Нюра Ваганка за кем стоит?» То есть народ был разный, и не по отчеству, и это не обзываловки были, Нюра Ваганка и все [остальные]. Наверно, Нюр было несколько, а так понятно. Грустные теперь воспоминания, например, «А москвичка-то тоже тут подходила?» – А кто-нибудь говорит: «Так она последнего не дождалась». А кто-нибудь: «Да где уж ей на наших морозах в шляпке

да ботиках выстоять. Догнать бы сказать, сахар подвезли, в магазин сейчас пустят». Кто-нибудь из ребят скажет: «Так я скажу», бегом бежит, и приходит эта москвичка, в шляпке, действительно, в ботиках. Из людей, которые приезжали к мужьям. Но в последний предвоенный год очередей уже не было. Я помню, когда старшая сестра уже уехала в Ленинград, и моя была обязанность ходить в магазин, так уже без очереди можно было купить и хлеб, и масло, и сахар.

Расскажите, в каких условиях вы жили.

У нас была длинная улица, Октябрьская, деревянная мостовая. Так как это болотистая местность, идет деревянный настил – это дорога, и вдоль этой дороги вправо и влево были построены одноэтажные бревенчатые дома. Наш дом был четырехквартирный, то есть два подъезда и в каждом подъезде по две квартиры. И поначалу, когда этот дом построили, я уже родилась, этот был, можно сказать, элитный. Папа учитель, а в трех других квартирах жили: начальник экспортной биржи, тогда лес с заводов [лесозаводы 37/38 гостреста «Северлес». – А. Г.] вывозили за границу. Потом был экономический директор этого завода, Гаврила Иванович Дьячков. Их всех трех квартир, кроме нашей, эти люди исчезли, и в эти квартиры подселили новоселов из рабочих. А мы остались, не тронули.

С кем дружили ваши родители?

Пока были эти люди, до тридцать восьмого года, папа с ними был довольно близок. У этого Гаврила Ивановича уже в те времена был приемник, представляете? Это такой ящик, торчат лампочки. Что-то там шумело и вертелось, и они слушали. Но особенно папа... он совсем не пил и объяснил, что в детстве видел пьяного отца и в рот не берет. А эти трое соседей умели и имели возможность выпить, поэтому тесной дружбы, застолья, не получалось. Они между собой лучше дружили. А еще были учителя, они предпочитали приходить к нам, а не мои родители к ним, потому что мама умела вкусно готовить. А учительницы были старые девы, с разными судьбами. Моя учительница [начальных классов. – А. Г.] Александра Александровна Красильникова, единственная дочь почтмейстера. Теперь подумаешь – начальник почты, а тогда она тоже получила образование в Архангельске, пела, играла на пианино, очень много нам дала. Мы выступали на празднике, танцевали снежинок – она нам готовила костюмы. Школа фактически была деревенской, но она давала нам больше, чем просто учительницы, которые сейчас, которые столько детям не дают.

Ваши родители поддерживали отношения с родственниками?

Мама с латышами не имела связи, а только в сороковом году получила письмо, вроде того, что теперь уже... Потом в сорок первом году опять связь прервалась, и они нас не стали искать после войны, так что с латышами связь оборвалась. Единственное письмо было в сороковом году, да еще когда только дядя уехал. А эти калгане общались... Теперь уже из моего поколения я осталась самым долгожителем, а мои двоюродные племянники и сейчас общаются со мной и я с ними.

Ваша мама была латышкой. Как она вас воспитывала? На русском или на латышском?

Только на русском. Она говорила с акцентом, но песенки напевала на латышском. Но общение... я латышский не знаю.

А сказки?

У нас была книжка «Латышские сказки» на русском языке, папа ее где-то раздобыл.

У вас был детский сад?

Детский сад в городе был, но так как мама не работала, я туда не ходила.

У вас в семье отмечали дни рождения детей?

Кончено. День рождения у меня и в голодные годы отмечался.

Как в тридцатые годы вы отмечали день рождения?

Видите, там идет чересполосица с карточками, я уже не знаю – иногда карточная система, и есть только яички и молоко, а потом вдруг и не карточная система, тогда еще и конфеты были. Но при любом случае мама делала безе, [поскольку] были яйца, и так называемые черные печенюшки – это черный хлеб подсушивался, на кофемолке молотся и с яичком... Типа современного овсяного печенья. Собиралась детвора, стол у нас было большой, человек десять. Но просто на стол нельзя было [выставить], некоторые были стеснительные, так каждому на блюдечки или салфетки выдавалось по несколько печенюшек. Кренделек пекла мама. В хорошие годы были плюшки, пироги с брусникой. Чаепитие. Еще – смешно вспомнить – всегда у нас была брусника и клюква, напиток можно было приготовить, если удавалось достать сахар, но если покупался лимонад – тогда почему-то из бочки, то это был верх... Потом все другие [обсуждали]: «У Клары на день рождения был лимонад». Это было здорово.

В какие игры вы играли?

Когда сейчас смотрю на детей, думаю: бедные дети, не умеют играть. Например, была игра «попа гонять». У каждого была рюха – округлая палка, из дерева, специально приготовлена. Поп – это тоже цилиндр из дерева. Надо его поставить – я уже вспоминала о мостовой – поставишь попу, и нужно его сбить.

Как городки?

Да, но «попа вдогонку» – если далеко его собьешь, то можешь отсюда бежать до того места, куда он упал. Километра два могли гонять. А если прогорел – бросил, поп остался на месте, а рюха где-то там, то кто-то меня должен выручить. Я стою на месте, а кто-то следующий должен меня выручить: сбить попу дальше моей рюхи. Очень интересная игра. Лапта, само собой. Прятки. Прятки почему-то были десять палочек. Это была доска и десять палочек. Кто прибежит, его еще не нашли, и наступит на эту досочку, и эти палки все разлетятся. И тот, кто вадит, должен их собрать, положить на место. Только соберет – кто-то из-за угла. Такие вот прятки.

Ходили какие-нибудь страшилки в вашей детской среде? Особенно учитывая репрессии?

Не могу вспомнить. Я таких не знала.

У вас в семье пели песни?

Да, у нас было пианино, папа прилично играл. Старший брат, который погиб на фронте, не учился музыке, но посмотрит кино, придет и на слух подбирает. Товарищи к нему приходили, пели.

Какие песни?

Если говорить о последних годах, он в тридцать девятом году ушел, то «Три танкиста». Все, что он слышал в фильмах. Папа классические... Наигрывал, что-то вспоминал из молодости, не революционное.

Какие праздники отмечали в вашей семье? Отмечали церковные?

Нет, церковные нет. Во-первых, видимо, из-за разницы религий, а во-вторых считалось, что раз папа учитель, то... старший брат, который в восемнадцатом году родился, еще крещеный, а сестра двадцать первого, я двадцать седьмого – уже некрещеные. Первое мая, ноябрьские – и на демонстрацию надо идти...

С удовольствием ходили?

Да, другой раз и дождь, внизу стоишь, что там на трибуне говорят, не знаешь, но...

Ощущение праздника было?

Было.

А елку наряжали под Новый год?

Да.

Даже несмотря на запрет?

Могу рассказать смешную историю про мою первую елку. Старшие мои брат и сестра уже были детьми во времена нэпа, тогда украшали елку, и у нас были елочные игрушки. Потом елку запретили [*В 1927 г. Советская власть запретила наряжать елку на Рождество. В 1935 г. запрет был снят, но с тех пор елку стали наряжать на Новый год.* – А. Г.], и игрушки вынесли в кладовку. Их нельзя было даже рассматривать почему-то, и только когда меня оставляли дома одну – я была совсем маленькой, выходит – чтобы я не боялась, мама доставала коробку с елочными украшениями – не шары, а из картонок, корзинка, муха, рыбки, и давала мне поиграть, а потом все это убиралось. Но старшие помнили, как выглядит елка, и я следом тоже знала. И вот моя первая елка. Родителей пригласили встречать Новый год соседи. Они еще не были арестованы, это, значит, было еще задолго до тридцать седьмого года. Это, допустим, тридцать третий год или тридцать четвертый. Я взяла папин валенок, опустила туда утюг – тогда утюг, это кусок металла, даже не угли туда кладут, а просто его на горячую плиту, и разогревается, а форма и тяжесть утюга. Опустила туда для устойчивости, накрыла этот валенок половичком, а половичок – сестра уже училась в школе, у них был труд – на мешковине нашиты маленькие лоскутики и получается он лохматенький, и на эти лоскутики я навесила игрушек, а вокруг посадила кукол. Это была просто игра, а потом восторг мой был отчего: мы с сестрой не ложились спать, мама с папой были в гостях, а брат уже играл в клубе. Сестра читала книгу, а я возилась с куклами и елкой. И в двенадцать часов Тамара, моя сестра, говорит: «Давай постучим и крикнем: «С Новым годом, с новым счастьем!» соседям, где праздновали мои родители. Что мы и сделали. И оттуда явился Гаврила Иванович с вазой конфет и печенья. А у нас его не было... и тогда учителей обижали, в тот год еще была карточная система, и учителям ничего не отоварили, а этому итээру [*от «инженерно-технический работник».* – А. Г.] отоварили, у них было

что-то сладкое. У нас мама-то испекла, и яичко было, не были голодные, но ни конфет, ни печенья не было, а он нам насыпал. Он пришел в восторг от моей елки, стукнул опять в стену и крикнул: «Идите сюда, здесь елка!». И пришли хмельные мужички, их жены, стали притаптывать вокруг моей елки, пляску устроили. Мама и папа их с трудом изгнали. А меня загнали в постель, что спать пора, но мне все говорили: какая я молодец, какая я умница. Это я запомнила. А потом разрешили елки, когда был переход, не знаю, а дальше у нас была нарядная елка.

Вас родители учили читать до школы?

Не родители, а старшие ребята. Я свободно читала.

Как вы пошли в школу? Помните?

Необычно получилось. Мой день рождения восемнадцатого марта, а моя подружка, которой уже исполнилось – тогда восьмилетних брали в школу – первого сентября пошла в школу, и я с ней. Моей сестре купили новый портфель, старый отдали мне, букварь выдавали в школе, я все, что нужно было, собрала и явилась в класс. Учительница мне сказала – вот эта Александра Александровна, которая была и нашей знакомой: когда тебе исполнится восемь, тогда и придешь в школу. Я со слезами ушла, но запомнила, что когда исполнится восемь, можно идти в школу, и девятнадцатого марта я пришла в школу и сказала ей: вы же мне сказали... Я сидела у нее, она меня не выгнала, умница. Таким образом, я с девятнадцатого марта пошла в класс. Оставалась одна четверть. Директор школы сказал: пусть ходит, А потом посмотрим, снова в первый класс или... Но потом оказалось, что я и диктанты [*писала*], и читать умела как надо, и на следующий год пошла во второй класс. В награду за свои успехи ребятам, которые были в списках, давали книжечки «За отличное поведение», «За успешную учебу», и так далее. А мне не полагалось, и учительница подарила мне чашку, могу показать, до сих пор у меня стоит.

С кем вы дружили в школе?

Подружки у меня были в основном не из класса, а со двора. С ними мы были, а в классе ребята менялись, и друзья в связи с этим менялись.

А в целом, дружным был ваш класс?

Я не могу сказать, что дружный. Как-то после школы мы все разбредались, и у каждого были свои дела и задачи. Были ребята, которых я уважала, потом нас, успевающих, «прикрепляли», по русскому заниматься, с кем-то математикой – подшефные были у меня всегда.

Были у нас очень хулиганистые ребята. Они были, как сейчас говорят, из неблагополучных семей – отцы арестованы, умели и матом ругаться, и дрались. А наши заводские ребятки как-то им начинали подчиняться. Это чувствовалось в классе. Лидерами были нехорошие ребята. Но были из этих приезжих и хорошие ребята, которые уже много знали, больше нас – москвичи, питерцы, то есть ленинградцы. К ним прислушивались, но и частенько издевались над ними эти... озорники. И примешивалось тут – я этого не понимала, но... Был один мальчик, у него отец был на ББК большой начальник, потому что за ним за эти три километра приезжал на белой лошадке кучер с маленькими санками, он туда усаживался, и его везли домой. Это еще до четвертого класса, в начальной школе, и эти ребятки ухитрялись – а мы стояли, смеялись и радовались... Подскочит на приступки сзади и этому мальчику за шиворот либо комок снега, либо даже лошадиную смерзшуюся колышку. И, следовательно, он не вызывал лично у меня жалости, что ли, я не сочувствовала ему. Почему – не могу сказать, он был обыкновенный парень.

Дисциплина на уроках соблюдалась?

Если говорить о начальной школе, то Александра Александровна – наша учительница – много нам разрешала, и потом, когда она сюда приезжала, мне говорила: «Конечно, ты же не умеешь сидеть правильно». Я почему-то сидела, поджав одну ногу [*под себя*] и [*тянула вперед*] руку. «Но если бы я тебя усаживала, ты бы тогда переставала соображать». Это она со мной так обращалась. А с этими ребятами – она им какие-то задания давала, они что-то рисовали, умела успокоить. А потом, когда стал пятый, шестой класс, там и на головах ходили.

Вы помните, как вступали в пионеры?

К сожалению, нет.

А какие обязанности на вас это наложило?

Была скорее игра. Когда мы посмотрели кино «Тимур и его команда», у нас во дворе нашелся парень, которого «назначили Тимуром», и мы что-то хотели сделать, но это была игра.

Были ученики, которые не вступили или не были приняты в пионеры?

Были непринятые, они даже плакали, и это как раз были те, которым сказали: «Ты всего проучился месяц». Это были как раз люди, приехавшие и быстро выбывшие. Родители у них были репрессированы..

Была разница между старыми учителями, дореволюционными,

и советскими?

Да. Когда я уже жила в войну в интернате, я это очень почувствовала, по какому предмету плохой учитель, а по какому хороший. Теперь я могла бы их назвать недоучками. Например, учитель географии окончил здесь наш карельский пединститут, что там говорить. Молодой, приехал первый раз, тут у него устраивается личная жизнь. Он почитает по учебнику и нам перескажет. Когда я повзрослела, я поняла, что не знаю географии... Я тогда тоже прочитаю и перескажу, он пятерку ставит, но не было интереса. А вот по математике был старый учитель, он хорошо научил.

Организовывали для вас походы, пионерские лагеря?

Пионерский лагерь был. Все время собирали... За пятьдесят километров от Сороки село Сумпосад, помещали нас в школу, класс – пятнадцать-двадцать кроватей, комната девочек, в соседнем классе мальчишки. Могли простыню на себя натянуть, под окном подойти, испугать нас. Недалеко столовая. Построят нас...

Были военные игры?

Да. Мы были ворошиловские стрелки, давали стрелять в мишени, тир был. Ничего особенного. За ягодами мы ходили, чтобы кисель сварили.

Когда вы учились в школе, вы посещали кружки?

Я училась в интернате, там никаких кружков не было. День был загружен до предела, потому что обязательно надо было дежурить, сегодня дрова пилить, завтра за самовар отвечаешь – все время надо было кипятить, пока все не напьются. Дежурные по кухне, все такое. И мое увлечение было парткабинетом. Мы ходили не для того, чтобы читать – решали свои задачи, готовились к урокам, но там было светло, тепло, уютно, кроме нас, видимо, никто не ходил, и сидела там тетушка партийная, была очень рада, что могла нас в журнал записать.

Ездили ли вы на экскурсии в другие города? В Петрозаводск?

В Петрозаводск один раз – собрали отличников и привезли в Петрозаводск. Это уже было по окончании зимней войны в сороковом году. И потом, когда я уже училась в университете, я с удовольствием вспоминала свое первое посещение. Лестница тогда произвела на меня впечатление – та лестница, которая в корпусе читального зала, раньше там вход был. Я на картинке видела лестницу Зимнего дворца, и мне эта лестница показалась такой же широкой и солидной.

Было ли в школе между учениками деление по национальным или социальным признакам?

По национальным не было точно, а по социальным, видимо, было, потому что была некоторая зависть, что эти нарядные (*неразборчиво*). А вот национальность... Такого, чтобы [*дразнили*]: «Он жид», были же у нас еврейские ребята, но такого не было. Все, кто славянские на лицо, я их считала русскими, и обращала внимание, что у нас в классе был, например, Бердало из тундры или Фарид Хакимов, откуда-то из степи, башкир или татарин. Своеобразное лицо, узкие глаза. Так мы знали, и Бердало, например, звали «олень», правда, Фариду звали просто Фаридкой. Он мне рассказал, что такое степь. Как написано в учебнике, не знаю, а он мне как объяснил: ваше болото как наша степь, только там в степи земля твердая и еще добавил: «Сейчас, наверно, там» – мы клюкву мороженную собирали – «Сейчас, наверно, там столько цветов, я бы тебе такой охап собрал». Несмотря на то, что мы были семилетние, мне было очень приятно, что он бы мне в какой-то степи собрал цветы.

Чем было для вас понятие советский человек? Задумывались об этом в школе?

Я твердо знала, что у нас счастливое детство, спасибо товарищу Сталину. Но у меня были вопросы, потому что я недопонимала, но твердо знала, что у меня счастливое детство.

Можно ли сказать, что именно школа воспитала в вас чувство принадлежности к советскому обществу?

Думаю, что специально я не слышала, но я знала, что есть советский народ, что строят канал, железную дорогу, Магнитка, Днепрогэс – про все это нам рассказывали, и очень положительно повлияла на меня мысль отца. Он истинные мысли, наверно, все же скрывал, как я теперь понимаю, при обсуждении с сестрой мы пришли к такому выводу. Но я его слова запомнила, что Советскую власть надо любить хотя бы за то, что я могу дать моим детям высшее образование, а он очень хотел и если бы не четырнадцатый год, он бы как-нибудь пробился бы в Питер, в университет, была у него такая мечта, и когда ему говорили, почему в партию не вступаешь, он [*отвечал*]: «Не люблю писать заявления, на собрания не люблю ходить». В то же время он был благодарен Советской власти хотя бы за то, что теперь он имеет возможность дать образование [*детям*].

После школы вы сразу поступили в Петрозаводский университет?

Сразу после школы я была у старшей сестры в Горьком. Она вышла замуж за однокурсника... не совсем однокурсника, она в сороковом году, когда была на третьем курсе, с ним познакомилась, из Политехнического института, а потом он стал военным, потом они поженились, и они оказались в Горьком. Он работал на заводе, чинившем танки, и она в Горьком кончала институт. Я поехала к ним и там поступила, а потом его перевели на Украину, в Днепродзержинск, и мне там невозможно было оставаться. Я переехала сюда. Только там я была на радиотехническом факультете, а здесь – на физико-математическом.

Почему вы решили получать образование в области физики?

Две причины. Во-первых, я больше успевала и чувствовала способности к математике, и начинала учиться на радиотехническом, так как мне казалось, что это самое интересное. Потом тут на физмате, все-таки похожее. Во-вторых, в те времена было [*принято*]... начинали говорить, пора... Мне казалось, что нужнее и лучше.

Какова была роль родителей в этом выборе?

[*У меня была*] полная свобода. Отец очень хотел, чтобы старший сын был или врачом, или инженером, а тот хотел в авиацию. Был он в авиации, погиб там. И отец думал, что старшей сестре на медицинский... Физмат? Пожалуйста.

Что вы помните об учебе в вузе?

Сейчас я вспоминаю только с улыбкой. Мне кажется, что все было хорошо. Как вас учили, так и нас учили.

В комсомол вы вступили в школе?

В школе. Как раз была война, и нас спрашивали, а что же вы будете делать, если завтра к Кеми [*г. Кемь – райцентр КФССР (РК), расположен на побережье Белого моря. – А. Г.*] подойдет враг. Мы бодро отвечали, что пойдем в партизанский отряд, и таким образом получили комсомольский значок.

Во время учебы в вузе какова была роль комсомольской ячейки?

Я была и член университетского комитета ВЛКСМ, а на четвертом курсе меня приняли в партию. На одно из заседаний комитета комсомола пришел инструктор обкома или, скорее всего, горкома, и сказал, что мы

должны поступать в партию. Сказали, как писать заявление. Мы быстренько написали, потом дали почитать устав, мы его от корки до корки выучили, и так далее.

Устраивались ли во время вашей учебы комсомольские суды?

Помню. Были ребята, филологи. Жили в первом общежитии. Чего-то они выпускали. Рисовали, что было признано неподходящим. Их обсуждали сначала в группе, потом – я участвовала в этом – судилище было в комитете комсомола. (*опущено*). Короче говоря, этим бедным парнишкам попало, но самое веселое, что врезалось мне в память – какое-то изречение, спросили, и отвечающий парнишка ответил: «Так это же не я сказал». Одна их членов комитета комсомола спрашивает: «Кто?» – «Козьма Прутков» – «С какого курса?» Спросила – филолог! Было такое. Все расхохотались, все не все, но всем стало весело после этого, но тем не менее ребят, по-моему, исключили.

Еще были случаи?

Вот этот я здорово запомнила. У нас на физмате тоже был случай, но это, скорее, за аморальное поведение. Девушка уже стала беременной, он не хотел признавать, а нам до этого было много дела, и мы разбирали. В конце концов, заставили жениться. Они по распределению уехали и больше с нами не стали общаться, даже не знаю.

Были конфликты между студентами и преподавателями?

Ну что назвать конфликтом? Двойку поставят, недовольны, конечно. Но назвать это конфликтом нельзя.

А в преподавательской среде?

А там-то были всякие. Доносилось, мы знали, что там что-то не в порядке, кто-то кого-то подсиживал. Говорили, например, что была одна преподавательница, а ее никак не хотели брать на кафедру. Доходили слухи, что это все потому, что заведующий – карел, а она – еврейка. Но это все на уровне слухов, а на другой кафедре она работала.

В этот период или, возможно, чуть позднее были в университете настроения против евреев?

Вот я думаю, что очень все сгладилось, потому что сюда, например, на [историко-филологический] факультет из Ленинградского университета приехала большая группа людей – Витухновский, Славин, Славина, у филологов тоже... И они дали почувствовать, что они,

во-первых, кое-что знали, во-вторых, деятельные люди.

А в студенческой среде?

А в студенческой среде очень многие их просто любили. Хорошие преподаватели. А вот уже несколько позже, когда я стала работать и вышла замуж, тут уже я больше узнала, что есть течения.

Когда вы устроились на работу в университет?

Я окончила университет в сорок девятом году и потом поступила в аспирантуру в МГУ, училась в аспирантуре, а потом вернулась и с пятидесят третьего года уже здесь работала. Еще год [до поступления в аспирантуру] я работала здесь ассистентом.

А замуж вы когда вышли?

В пятьдесят пятом. И вот именно когда в семье появился еврей, я уже поняла.. Я знала, что он на порядок образованней, умнее, но диссертация, все остальное, ему доставалось нелегко.

Как это проявлялось?

Я иногда думала, что это надуманное... например, у мужа был материал для докторской диссертации, но он не стал защищаться,... я не хочу говорить слово «боялся», скорее считал, что не будет унижаться. Чтобы защититься, ему надо было... В общем, будут относиться к нему с придирками. А студенты, видимо, где-то за спиной, может, и называли, но не в открытую...

Сколько лет вы проучились здесь, в Петрозаводске?

Четыре года.

Вы жили в общежитии?

Нет, мои родители из Беломорска переехали сюда

Как был организован ваш досуг в это время? Чем вы занимались?

У меня свободного времени и не было. Я сюда переехала на втором курсе, еще не работала, а с третьего курса у меня была полная нагрузка уроков в вечерней школе, так что надо мной смеялись девочки – мы на танцы, а ты к милиционерам. В вечерней школе учились, в основном, милиционеры.

Когда вышли замуж ваши подруги? Во время учебы?

По всякому. Ребят-то у нас было маловато, но те, кто дружили со своими однокурсниками, выходили на пятом курсе. Потом, группа девочек, которые ходили в дом офицеров на танцы, на четвертом-пятом курсе вышли замуж за офицеров. А такие, как я, устремились в аспирантуру, и с замужеством опоздали.

Что вы знали про историю Сороки?

Знала я про лесозаводы, что эти лесозаводы 37/38... Владелец был Беляев [династия Беляевых свыше пятидесяти лет владела сорокскими лесопильными заводами. – А. Г.], который и меценат, и музыкант...

Это вы знали уже до войны?

До войны. Это все обсуждалось с теми людьми, которых в тридцать седьмом году не стало, и с очень большим сожалением. Очень много он сделал, контактил с заграницей...

То есть сравнение делалось не в пользу Советской власти?

Нет. Даже простой народ – я сначала, было у меня одно время непонимание, но потом я разобралась, что в таких же очередях старичок погладит по голове паренька и говорит: «Ну, ты наш, беляевский», а я думала, беляевский – это беляки, с этим связано, и удивлялась, почему этот Димка вдруг беляевский, беляк. А потом папа или брат, кто-то мне разъяснил: беляевский – это значит потомственный рабочий завода. С уважением к этому относились. То есть я знала, что Беляев был хороший. Управляющий был Агафелов, я тоже эту фамилию знала, и знала, что агафеловский отец сделал в Беломорске красивую черемуховую аллею. Потом ее вырубил, провели шоссе, трактора по нему лес возили. Люди с сожалением говорили, что человек старался...

Осталась у вас картинка Сороки? Что она из себя представляла?

Сорока ведь очень неоднозначна. Есть порт, там совсем другие люди жили, моряки, рыболовы. Потом собственно Сорока – река Выг впадает в Белое море, там жили мещане, они торговали, что-то еще делали. А вот если смотреть по ходу речки, то правый берег был заводской, там было пришлое население, и вагане [жители Архангельской области. – А. Г.], и белорусы, и кто угодно.

Дружно жили?

Да. Оттого что, я уверена, не было особо богатых, была какая-то дружба.

Были конфликты между разными частями Сороки?

Таких каких-то я не помню. Были конфликты: жили, например, в общежитии вагане и белорусы. Получат получку, напьются, в основном из-за девушек, как они выражались, «из-за баб». Не политические.

Какое отношение было у местного населения к новоприбывшим? Особенно к заключенным и бывшим заключенным?

Жалели. Тех, кто приехал, жалели, потому что в очередях слышно было, что они там оставили, кинули: дом, все хозяйство и приехали сюда искать отца. Они не мешали, работы хватало всем. На заводе нужны были...

Кто в основном приезжал? Жены, ищущие мужей?

В основном да. Я-то знакомилась с детьми. Много трагических было случаев. Скажем, к нам приходил мужчина по имени Аркадий, не помню фамилии, замотанный шарфиком, со своей кружкой, мама наливала ему туда молока. Его выпустили, у него была последняя стадия туберкулеза, он скоро умер. Потом приехала хоронить его жена с дочкой Тamarой из Москвы. Это были, видимо, из бывших если не дворян, то какие-то такие. Очень хорошее впечатление осталось. Папа помогал с похоронами. [Они] устроились жить у других, только девочка почти все время у нас паслась. И мама проявила к этому Аркадию такой жест. Козы, перед тем как отелиться, должны некоторое время отдыхать, то есть они не дают молока, и мама только одну кружку специально для него надаивала и давала ему. Он дальше порога не заходил.

Боялся заразить?

Видимо, да. Давал свою кружку, она ему наливала. Бледный, очень благообразное лицо, помню я его лицо. Это были первые похороны, в которых я участвовала.

Каких было больше случаев? Трагических или счастливых?

В основном находили. Но они потом уже долго не задерживались. Этот же Бердало, «олень», про которого я уже вспоминала, он нам говорил: «Деда взяли, отца взяли, оленей всех взяли, без отца можно было жить, без оленей в тундре нельзя». Я верила, что так оно и есть. Потом выяснилось, что отец на девятнадцатом шлюзе работает конюхом или

кем-то, не на тяжелой работе. Было очень радостно, а потом и исчез Бердало, видимо, отца освободили.

Не помните, как в Сороке молодые люди искали невест и, наоборот, девушки женихов? Были какие-то традиции, обычаи?

Наверно, были в Сороке, там, а на заводе я не знаю. Гулянья были, все на ту же мостовую выйдет [кто-нибудь] с гармошкой, а потом пары топчутся, танцуют. Потом клуб был, в клубе был свой духовой оркестр, брат очень рано пошел играть, правда, в струнном оркестре играл. Музыкальный был мальчишка. Там тоже танцы были, но я еще была слишком мала. А после войны уже там не была.

Обсуждали у вас вопросы, например, что нужно подобрать брату невесту?

Нет. Он же в двадцать лет ушел в армию, а до этого он дружил, но совершенно самостоятельно. Приехала девушка, финка, закончившая бухгалтерский техникум. Он ходил ее провожать, и было известно, что он с ней дружит.

Если перескочить войну – как девушки выходили из ситуации послевоенного времени, когда погибло очень много мужчин?

Получается так: почти у всех нас мужья на пару лет моложе, то есть те парни, которые не попали на фронт, то есть мы отбили их у настоящих... Мой муж был, да почти у всех, кого знаю, на пару лет моложе. Или были раненые, потерявшие семью или ушедшие от предыдущей семьи. Ну и оставались много в одиночестве. Если по статистике посчитать, много было одиноких женщин.

Кто-нибудь из них рожал без брака – что если без мужа, то хотя бы ребенка?

Даже уже мои ровесники, с наших курсов, две девочки – одна биолог, одна историк, все они выпуска сорок девятого года – они решались. Тогда историк поехала на курорт, там грузин или армянин, в общем, кто-то был, «по заказу». Она-то не из красавиц, а мальчишечка был просто на загляденье, чернявенький и умница большой. И вторая почти так же поступила. Она где-то, по-моему, послали их в совхоз или на лесозаготовки, и там у нее было... сознательно. Отцом стал молодой человек, который потом даже и хотел с ней сблизиться, но в таком смысле, как муж, ей не подошел. Она осталась одна.

Какое было к ним отношение? С пониманием отнеслись?

Да. Я, по крайней мере, не помню, чтобы мы их как-то осуждали. Вот та, что историк, пыталась это скрыть, подговорила подружку, чтобы та послала телеграмму, что он погиб... А подружки, вы знаете, какие... Рассказала, что та ее подучила телеграмму ложную дать. За телеграмму ее осуждали.

Как ваши подружки проводили свободное время, пока они учились?

Про всех нельзя сказать одинаково. Некоторые сидели и вышивали, а другие ходили на танцы.

Помните послевоенные магазины? Что они из себя представляли?

Сначала были какие-то коммерческие. Можно было что-то купить, но дорого. Потом появились товары потихонечку, и шло снижение цен. Это я как-то запомнила, что указ, и вчера была цена такая, а через день чуть ниже.

Приходилось ездить за какими-то товарами в Ленинград?

Конечно, только мы ездили не столько в Ленинград, сколько в Москву.

После войны вы те же праздники отмечали?

Те же самые.

Изменилось что-либо?

Дома у нас я ощущала чувство праздника, потому что мама все шторы стирает, чистоту наведет, запах плюшек. Входишь в дом – чувствуешь праздник. А я такой праздник не умела создать. Не было времени, во-первых, а во-вторых, дочку заставляю что-нибудь приготовить, мальчишек – что-нибудь вынести на помойку. На демонстрацию ходим, вечером из друзей кто-нибудь придет, сядешь за стол.

Из вашего окружения кто-нибудь злоупотреблял спиртным?

Да, в компаниях, где мы были, главы семьи были сильно пьющие. Видала я и наших профессоров...

В этих компаниях настаивали на том, чтобы вы пили?

Настаивали. Я так и умела выпить, но не допьяна. Особенно не спаивали. А у мужа было плохое зрение, и он говорил: «Ну, тогда я до дому

не дойду». К нему и не стали приставать. Каждый пил, сколько хотел. Есть такие, что и до сих пор любят выпить.

Были в университете эксцессы, когда преподаватель или студенты приходили пьяные на занятия?

Преподаватели... Был один, который пил, и про него говорили, что он вечером был очень пьяный, на утро немножко похмелился и позволял себе вольности, но ребята сидели, улыбались и не доводили это до конфликта. Но так, чтобы уж пьяный преподаватель. Этот-то не пьяный, так, хмельной.

Какова была ситуация с преступностью в Петрозаводске после войны?

С самого начала не ахти как, потому что мы жили рядом с баней на Гоголя, и я из университета, после вечерней лекции или просто вечером шла туда совершенно безбоязненно.

Когда вы устроились на работу в университет, как вас встретил коллектив?

Когда в ассистенты, то встретили очень хорошо, потому что я была их ученица. Одним словом, все было хорошо. Но они все были без степени, а потом, когда я приехала из аспирантуры кандидатом наук, им это не особенно понравилось.

Зависть?

Видимо, это потому, что они получали, скажем, со стажем сто шестьдесят пять, а мне, девчонке, сразу двести пятьдесят. Уже хотя бы это не вызывало восторга. В целом, нормально, но тоже – смотря как смотреть. Ведь тоже – человек приехал из аспирантуры, и сразу нагрузить три курса. Они так поступили. Единственное оправдание: ты же из МГУ, хотя знали, что я там над диссертацией трудилась, а не курсы зарабатывала.

Какую функцию в то время, в середине пятидесятых годов, выполняла партачейка?

Зачем-то она вмешивалась в личную жизнь. Стоило соседке пожаловаться, она слышала, как плачет жена из-за того, что муж поздно приходит домой – и партачейке уже дело.

А в профессиональные обязанности вмешивалась?

Смотря где и кто был секретарем. Я думаю, что на историко-филологическом факультете больше, а на физмате как-то...

Было у вас желание продвигаться по службе? Получать звания?

Видите, я уже защитилась в двадцать шесть лет и у меня был выбор – я могла сюда не приехать. Меня там оставляли, я бы стала военным... предлагали. Но я считала, что обязана вернуться сюда, потому что отсюда приехала, потому что здесь родители. Это, вообще-то, неправильно. Потом я вышла замуж – опять встал вопрос: если я буду продолжать заниматься наукой, то я не смогу иметь детей, потому что я экспериментатор, мне придется – здесь-то нет должного оборудования – уезжать. И я совершенно сознательно решила, что рожу детей и один за другим родила двоих. Это был совершенно сознательный выбор. А науку в таком плане, как тема диссертации, я зачеркнула и стала заниматься методикой преподавания.

Устраивались ли, когда вы уже были преподавателем, товарищеские суды?

Нет, судов не было.

Была текучка рабочих кадров?

В университете – нет. Постоянный состав был. Все старшие уходили, когда их надо было похоронить. Почти все. Большинство умирали – один даже умер у доски. Отслужили до конца все, не уходя на пенсию.

Когда вы познакомились с вашим будущим мужем?

Я уже заканчивала [университет], а он был на четвертом курсе. Он на два года меня младше, а учился на год [младше]. Потом три года – он уже работал на кафедре ассистентом, а я там. Я уже твердо знала, что он будет моим мужем, и он твердо знал, что я вернусь. Это была еще одна причина, почему я сюда вернулась, а не осталась в Москве.

Долго готовились к свадьбе?

Совсем не готовились. Назначили нам время – в четыре часа, придти записаться, и без всяких свадебных костюмов пошли и расписались. Потом его приятель и моя подружка пришли, отец тогда уже умер, мать еще жила, и там, на Гоголя, пили чай. Мы расписались в четыре часа, а в шесть часов поехали в так называемое свадебное путешествие,

а на самом деле – к его матери, которая жила в Литве. Все торжество.

Когда у вас появилось отдельное жилье?

Сразу появилось, потому что у него уже была комната на Анохина, в общежитии.

В каком году была свадьба?

В пятьдесят пятом.

Кто у вас отвечал за семейный бюджет?

Никто. Деньги в столе лежали. Как получишь деньги... Кому сколько надо, оттуда берет.

Приходилось занимать или денег хватало?

Хватало. Я уже была кандидатом.

А у вас занимали?

У нас занимали. А мы до покупки машины [1981 г.] не занимали.

Когда ваши родители переехали в Петрозаводск, участка у них уже не было?

Нет. Так и в Беломорске не было. Был только хлев [для коз], дровяник, и все. А здесь уже и этого не было.

Они жили на пенсию или работали?

Нет, отец умер, работая.

Ваша мама помогала в воспитании детей?

Да. Она была жива до шестьдесят третьего года.

Ощущалась в то время нехватка вещей, продуктов?

Мы не ощущали. Мы были небогаты, но у нас потребности были небольшие. Купили в пятьдесят шестом году фотоаппарат и довольны...

А другие крупные покупки делали?

Пылесос тоже была крупная покупка... Сервиз купили, до сих пор эти чашки есть. Рюмки покупали, но сначала не учитывали, что муж плохо видит, он все время их разбивал, потом стали темные покупать.

Покупали особые продукты на праздники?

Смотря, что попадет. Когда были, покупали. Удовольствие было, если мандарины удалось купить, апельсины или яблоки. Деньги у нас были, как что-то где-то есть, покупали.

Какие книги читали в вашей и в родительской семье?

Мой папа, не знаю почему, книги любил только перечитывать. Гоголя, Достоевского – у нас не полное собрание сочинений, но были отдельные книги. И он все читал. У меня такое было впечатление, что одно и то же.

Какое отношение к религии было у вас, вашего мужа, ваших знакомых?

Открыто религиозных не было. Вот сейчас у меня есть знакомые, которые сходили покрестились, я с ними разговариваю, иронизирую... Но я думаю, что любой человек во что-то верит. Я, например, на праздники все время смеюсь: вот была Пасха, мне хорошо: я лютеранскую могу, православную, а потом еврейскую [*отмечать*].

Помните выборы? Приходилось агитировать?

Конечно. Возле нашего дома на Гоголя была одиннадцатая школа. Один раз нужно было голосовать за Сталина, так люди приходили с вечера и сидели, чтобы проголосовать первыми. Потом еще ссорились. Зачем это было, не знаю. Мы тоже голосовать ходили. А один раз, когда я уже первый год работала ассистенткой, в пятьдесят втором, меня послали агитировать, вернее, помочь провести выборы на лесопункт в Кестеньге [*Населенный пункт на севере Карелии. – А. О.*]. Я тогда – молодой коммунист, старалась, лекции читала об атомной энергии, электростанциях. Люди приходят с лесоповала, развалятся, а я рассказываю. Кто-то слушал, кто-то захрапит. Вопросы задавали. Там уж я старалась. Рисовали мы лозунги – там еще была девушка, избач [*заведующая избой-читальней. – А. Г.*], мы с ней все сделали. Потом приехал прокурор из Кестеньги, его тоже почему-то послали, видимо, укрепить наш этот коллектив. Мы повесили для кабин плотные одеяла, у коменданта попросили. «Снять одеяла, простыни повесить». Повесили простыни. Потом смотрим – кто-то что-то пишет. А он там велел поставить керосиновые лампочки. «Я вам говорил, что надо простынку

повесить». Оказывается, один избиратель честно расписался, свою фамилию поставил, а он-то думал, что враг народа, пишет что-то не то. Но потом, когда был подсчет голосов, было весело.

То есть выборы были не тайные?

Получилось не тайные, потому что он заставил нас повесить [*прозрачные занавески*]. А на лесопункте было много ингерманландцев и белорусов, вербованных, и его прислали, учитывая, что тут две девицы, не все могут разглядеть.

Что представлял из себя этот лесопункт? Какими были отношения между людьми?

Там тоже было несколько карел, кестеньгские, настоящие такие мужики. У меня было такое впечатление: бригадир был местный и то ли технолог, то ли начальник лесопункта, тоже местный, и я не могу утверждать, что он брал взятки, но как-то перед ним преклонялись [*рабочие*], чтобы выделяли лучше делянку. Я заметила подхалимаж, но он был основан на каких-то дополнительных мотивах или просто...

Воровство там было?

Нет. Да я была там в течение месяца.

Как между собой общались белорусы и ингерманландцы? Или они замыкались внутри своих групп?

У них ведь был общий котел. Длинный-длинный барак, полати, а там были и семейные пары, и пары, которые только что образовались, и отгораживались они одеяльцами, для них это была комната. У каждого где-то чемодан, одним словом, угол, или даже не угол. Посередине была печурка. Были ссоры, иногда я слышала, потому что они мешали мне рассказывать об атоме – вот положили они свои валенки, а кто-то другой сдвинул, и этот валенок валяется, и тот, чей валенок упал, был готов набить морду... Но это все не политическое, а бытовое, и ингерманландец это был или белорус – это без разницы. А потом повариха говорила: «Несите ложки, миски, каша готова». Например, была гречневая каша, и у каждого еще была какая-то заначка, потому что они ездили в Кестеньгу и там, в деревне, что-то выменивали, покупали. Брали миску с гречневой кашей, кто-то наливал побольше своего масла, кто-то меньше. Я думаю, там даже какие-то пары образовались белорусско-ингерманландские. Оказались ли они устойчивыми? То есть я тогда считала, что это аморалка, но на самом-то деле что... люди живут в таких условиях...

Не расписываясь жили?

Я думаю, что да. Не думаю, так оно и было.

А дети рождались?

При мне не было. Там были здоровые девушки и не менее здоровые парни, которые приехали заработать. Ингерманланды, их-то откуда-то пригласили, из Сибири и еще откуда-то, а белорусы приехали на заработки.

Вы рассказывали, что трое ваших соседей были репрессированы в тридцать седьмом году. Это оказалось влияние на ваше мировоззрение.

Хотя я теперь и не имею основания думать, что я была дурочка, поскольку и училась прилично, и но все-таки видимо была дурочкой, потому что уже десятилетняя была. Я не могла понять, я не верила, что эти хорошие дяденьки – враги народа, но раз нужно было их забрать... А папа все время – вот это для нашего утешения или для утешения семей – говорил: разберутся, отпустят. На моей памяти этого не случилось.

Какова была судьба этих семей?

Они разъехались... вернулись на родину. Одна семья в Заонежье, еще были так называемые – шенкурские, т. е. из Архангельской области, вагане. А вот у этого Иваныча, у них не было детей, его жена по моим понятиям была старуха, но не особо старая, что-нибудь за пятьдесят. Я даже не знаю, куда она делась. Какое-то время оставалась, жила, продавала кое-какие вещи, вязала кружева, этим и жила.

Были ли среди ваших знакомых осведомители? До войны, после войны?

С явным осведомителем я познакомилась в аспирантуре – с девушкой, которая жила в нашей комнате, которая сама созналась, что она была осведомителем, но это уже было году в пятьдесят втором.

Какое к ней было отношение?

А ничего, смирились мы, потому что она рассказала, как была вынуждена стать. Она из Саратова и арестовали отца, это относилось к тридцать восьмом году. Она существенно меня старше, наверно, двадцать третьего года рождения. В общем, она уже была комсомолкой, когда его арестовали. Мать велела ей, и у нее самой были позывы пойти где-то хлопотать. Она и пошла, что папа ни в чем не виноват. Ее посадили там

в какой-то кабинет и сказали: ты комсомолка и так далее, вот кто к вам приходил, о чем говорили с отцом. Она какие-то документы писала. Потом ей присылали задания – точнее, вызывали и давали задания. Все это было в Саратове. Потом вроде о ней и забыли, а отца-то выпустили. А потом уже когда она поступила в аспирантуру, а до этого где-то в научно-исследовательском институте работала несколько лет, а тут ей, когда уже приехала и стала с нами [жить], ее как-то сумели разыскать и снова вызвали. У нас в МГУ тогда учились иностранцы – венгры, румыны, полячка-девочка жила в нашей комнате. И опять с ней... Тут она и поделилась с нами – было три подружки, еще одна – настоящая коммунистка, Валя. И вот она сказала: «Как же мне жить, что же мне делать». Ну видимо она периодически ходила и отчитывалась, как ведут себя. Во всяком случае, она нас предупредила, чтобы мы при ней особенно близко с этими иностранцами не общались, не болтали, потому что от нее исходит опасность.

А другие осведомители были известны?

Нет.

Родители не предупреждали, что в каких-то ситуациях нужно молчать?

Нет. Это очень странно, я теперь начинаю думать, что почему же папа, умный человек, мог бы что-нибудь сказать. Но мне он ничего не говорил, может, старшим сказал.

Вы стремились сами вступить в партию?

Я не успела хотеть успеть в партию. Тогда инфантильная была, что ли. Шло по накатанной дорожке, и я честно скажу, я не знала, хочу ли я в партию. Но раз признают, что я созрела – пожалуйста.

После вступления в партию был у вас какой-то особый энтузиазм?

Нет, не прибавилось. Как я жила до этого, так и дальше жила. Только что стала взносы платить.

Чувствовали вы к себе особое отношение как к коммунисту?

А вокруг меня тоже были коммунисты.

Как вы относились к всевластию партии? Воспринималось это как естественный порядок вещей?

Раньше я думала, что так и должно быть. В войну я видела... Наш дом был лучше оборудован, и маму из ее квартиры выселили, дали ей одну комнатку в другом доме – отец-то был в армии, а в нашу квартиру, наверно, оттого, что она была приличнее других, поместился председатель Совета народных комиссаров Прокконен. Теперь я понимаю, что нехорошо поступили с человеком, у которого сын на фронте, муж на фронте не был, но в армии, дочь голодает в Ленинграде, и пожилого человека, маму мою, выселили. Полно было эвакуированных людей – отремонтируй и вселяйся, но нет. Это ж не хорошо, но я, думаете, осудила его? Нет. Это же Прокконен. Ему наша квартира понравилась, значит, так и должно быть. Более того, фактически мы не эвакуировались, но потеряли очень много, потому что исчезли ложки, вилки – все это, в общем-то мелочь, но житейская, необходимая для семьи. Все это кто-то растащил.

Потом это отношение изменилось?

После войны я стала задумываться, что так нехорошо. Наши мальчишки, которых из девятого класса взяли в армию, фактически все погибли – как-то так получилось, а остались живы только три одноклассника, отцы которых занимали ответственные посты. Так не только я, все девчонки, которые остались живы, одноклассницы, понимали: это не случайность. Значит, и в те времена были какие-либо подводные течения.

Вы писали письма вождям?

Нет.

Как вы отнеслись к смерти Сталина?

Я была в Москве, но именно в то время – мой день рождения восемнадцатого марта, и я приезжала домой, чтобы оставить зимнюю одежду и взять весеннюю и уехать туда. И в дни смерти Сталина я была в Петрозаводске. А эти девчонки, Валя, прислали мне телеграмму: в эти трудные дни хотим быть вместе. Так они решили меня утешить. Они ходили, толкались, чтобы попасть на похороны. У Вали была чернобурая лисичка, [на воротнике] лапки-хвостики, все это оторвали. Она сердилась, потому что единственное хорошее пальто превратили в рибуши. Так они и не попали, придавили их где-то, но я в этом не участвовала. Я была дома, к нам в комнату вбежала соседка: как будем жить, как будем жить. А мама говорит: да ладно, проживем уж как-нибудь, но тоже со слезами. А у меня это не вызывало особых слез, эмоции были, потому что все чего-то шумят. Но я как-то понимала, что хуже не будет.

Изменилось отношение к Сталину после его смерти? Или до пятьдесят шестого года не менялось?

Оно и после пятьдесят шестого года лично у меня не сильно изменилось. Я как-то понимала, что он зверь, но очень сильный чем-то особым, чем-то наделен сверхъестественным. Я понимала, что это какая-то сила, как и Гитлер, так и Сталин, и связывала это с тем, что наука еще не дошла, чтобы познать. Я еще школьницей думала – вы спрашивали о вере, я считала, что не знали мы когда-то, что есть воздух, а Торичелли доказал, не знали, что есть электромагнитные волны, а научились ими управлять. Говорим теперь о нейтринном поле, еще есть какое-то поле. Так вот и Сталин, и Гитлер, и еще какие-нибудь великие люди знают больше нашего.

Какая была реакция на речь Хрущева о культе личности Сталина?

Все были ошеломлены. Красивым баритоном прочитал ее Витухновский, историк. Очень многих это удивило как открытие.

Обсуждали потом? Или переживали в себе?

Я думаю, что не обсуждали, потому что не сразу определились с отношением к этой проблеме. Ведь осталось много искренних поклонников, что так и надо, как Сталин...

Что в целом вы можете сказать о ваших предвоенных годах и о первом послевоенном десятилетии? Какой отпечаток они откладывали на личность?

Люди приспосабливаются жить в данном месте и данное время. Люди, мне кажется, раньше были добрее и внимательнее друг к другу. Это не потому, что они были лучше, а потому что они были ровнее. У всех было немного, а теперь, когда большая разница – те, кто в помойках, и те, кто строят многоэтажные дачи за границей, уже друг друга не понимают. Опять же, приспособление в данное место в данное время.

Спасибо!

Интервью с Ниной Андреевной Соколовой, 1928 г. р.

*Интервьюер: А. В. Голубев
г. Петрозаводск, 18 ноября 2005 г.*

*Длительность интервью – 2 часа
Редактирование: А. В. Голубев, А. Ю. Осипов*

Интервью приводится в редакции Н. А. Соколовой

Меня зовут Нина Андреевна Соколова. Я родилась в 1928 году в Петрозаводске.

Какие ваши самые ранние воспоминания?

Самые ранние воспоминания относятся к событиям довоенного времени. Мы жили в конце улицы Красноармейской, около самой реки, Красноармейская один, где сейчас троллейбус сворачивает на мост. Там стоял небольшой домик, вокруг был сад, малина, яблони были посажены, веранда выходила в сад. Детство было достаточно светлое и воспоминания самые-самые хорошие. Тогда это была окраина города.

Какой была ваша семья?

Семья состояла из четырех человек. Мой отец – Андрей Николаевич Малявкин – работал со времени основания университета, заведовал кафедрой геодезии, преподавал разные предметы, в том числе и геодезию, на разных факультетах. Сначала был геологический факультет, потом – на лесоинженерном факультете и на других, где преподают этот предмет. Долгие годы он был проректором университета по учебной и научной работе. Так что моя жизнь связана с университетом гораздо больше, чем те полвека, которые я здесь работаю. Я не только полвека работала в университете, а и училась в нем. Когда началась война, наша семья эвакуировалась вместе с университетом в Сыктывкар. Мы жили в одной из комнат предоставленного нам общежития, где жили все приехавшие работники университета. Мать моя была юристом, адвокатом. Так что семья у нас была достаточно интеллигентная. Кроме того, у меня есть сестра, на четыре года младше меня. Когда мы отправились в эвакуацию, мне было почти двенадцать лет, сестре восемь. Сначала плыли на барже до города Белозерска, потом до Ярославля. Причем чуть не утонули в Рыбинском море [водохранилище. – А. О.] во время большой грозы, наша баржа попала между двумя большими, ее стало сдавливать, но, тем не менее, все это как-то обошлось. Почти до самого конца мы не знали, куда нас повезут, в Ярославле нас все-таки высадили, и на поезде [мы ехали] до города Котлас, а потом из Котласа на пароходе в Сыктывкар. Когда освободили

Петрозаводск, мы вернулись обратно. Но возвращались уже другим путем.

Вы помните школу довоенного периода?

Школа моя тогда только открывалась, мы были первые ученики. Она и сейчас стоит – девятая школа. Тогда она была четырнадцатая. В школе я училась первые пять лет до эвакуации. Во время финской войны [Советско-финская война 1939-1940 гг. – А. О.] в школе устроили госпиталь, а нас, школьников, в третью смену отправили в другую школу. Первые четыре года нам преподавала совершенно замечательная учительница – Елена Васильевна Васильева, всю жизнь ее очень тепло вспоминаю. У ней во время финской войны погиб муж, а маленький сын погиб уже после войны. Я помню, что я шла в школу и увидела, как трактор раздавил мальчика, я видела только ножки в ботиках. Он пришел домой, а дома никого не было, в это время бабушка ушла. Они жили на территории школы, и он вышел на улицу, увидел, как мальчишки зацепились за трактор, побежал рядом, и пальтишко замотало в гусеницы. Погиб ребенок. Елену Васильевну вспоминаю и с болью, и с любовью. Потом мы учились еще один год, учителя уже были разные. Школу я хорошо помню. Когда иду мимо, всегда смотрю на те окна, где был наш класс.

Во время войны, когда мы были в Сыктывкаре, нас отправляли летом работать в колхозе, а последний год, после восьмого класса, нас отправили работать на сплав. Девочки работали с баграми на сортировке. При этом был двенадцатичасовой рабочий день. Жили в бараках. В этот момент жизнь была очень тяжелая. Но летом стало известно, что освобожден Петрозаводск, и тогда все мы уехали. Мы тогда не знали, цел ли наш дом, куда мы вернемся, к чему? Помню, завернули за угол Красноармейской улицы, увидели, стоит наш дом, правда абсолютно пустой, там одна кочерга была из всего, что раньше было. Так или иначе, стали жить потихонечку. Девятый и десятый класс я училась здесь. Сначала в школе, где сейчас находится школа-интернат на улице Урицкого. А десятый класс – в школе, которая у Зарецкого кладбища стоит, восьмая школа, она и была тогда восьмой. Ее я и заканчивала. Поступила в Ленинградский институт, но учиться в нем не стала, у меня проблемы были со здоровьем, и вернулась в Петрозаводск. Здесь был недобор, и меня приняли на филологический факультет. Занимались мы в основном в здании теперешнего пединститута и тоже в третью смену. Потом некоторые занятия стали проводить у нас в восстанавливаемой части университета. Это был сорок шестой год – сразу после войны. Я помню, что во дворе университета валялся разобранный на части памятник Ленину, который сейчас находится на площади, с разбитой на части головой. Видимо, голову делали снова, когда памятник

восстанавливали. Очень много валялось разных книг – растрепанных и разодранных. В здании университета было холодно. Мы писали тогда чернилами, боялись, не замерзнут ли, иначе писать будет нечем. Лекции слушали, одевшись в пальто. Лекции нам читали замечательные преподаватели. Например, русскую литературу нам преподавала Лидия Яковлевна Гинзбург [*Л. Я. Гинзбург – в то время кандидат филологических наук, работала на кафедре русской литературы ПетрГУ, лауреат Госпремии СССР. – А. О.*] – известнейший литературовед, рассказывала много интересного. На занятия мы ходили «с поправкой на Гинзбург», потому что знали, что она опоздает обязательно. Записать о том произведении, о котором потом нужно будет рассказывать на экзамене, было абсолютно нечего. Зато всяких других интересных вещей она рассказывала огромное количество. Можно было действительно заслушаться. Фольклор и зарубежную литературу нам преподавал тоже очень известный ученый Мелетинский [*Е. М. Мелетинский – в то время кандидат филологических наук, заведовал кафедрой литературы ПетрГУ. – А. О.*]. На факультете работал очень известный в финно-угроведении человек – Бубрих [*Д. В. Бубрих – основатель финно-угроведения в России, член-корр. АН СССР. – А. О.*], правда, у нас он ничего не преподавал. Я видела его, но никогда не слушала. Совершенно замечательные лекции по русскому языку нам читал Борис Петрович Ардентов [*Б. П. Ардентов – в то время кандидат филологических наук, заведовал кафедрой русского языка в ПетрГУ. – А. О.*]. Потом видела его книги. С именем Ардентова связана очень интересная история. В то время, когда мы учились, очень большое место в изданиях «Культура и жизнь», «Литературная газета», «Правда» занимали статьи об ученом Н. Я. Марре [*Н. Я. Марр – русский и советский востоковед, филолог, академик Императорской Академии Наук, создатель «нового учения о языке». – А. О.*]. Причем такое значение придавалось этому самому Марру, что уже шутили, что теперь у нас еще один классик марксизма – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Марр. Говорилось, что он в языкознании имел огромные успехи. И вот на одном ученом совете в университете, на котором я лично не была, выступил Ардентов с критикой учения Марра. Его за это очень осудили, наш же преподаватель по фамилии Алатырев [*В. А. Алатырев – кандидат филологических наук, заведовал кафедрой русского языка в ПетрГУ. – А. О.*] резко выступил против него, обвинил его во всяких антимарксистских мнениях. И после этого ученого совета, трое студентов, которые там присутствовали, написали письмо ректору в защиту Ардентова. Письмо это было с примерами того, что говорил на лекциях Алатырев, с другой стороны, с характеристикой деятельности Ардентова. Это письмо они подписали на своем курсе и на наш принесли, мы тоже все подписались в защиту Ардентова, и было нас сорок четыре человека. Потом оно так и называлось «письмо сорока четырех». После этого началась совершенно ужасная история. Нас вызывали

и на партийное бюро, и на факультетское, и общеуниверситетское, устроили комсомольское собрание, на котором всем участникам вынесли выговоры. Мне еще и дома доставалось, отец сказал тогда: «Вот вышвырнут вас из университета, тогда и будете знать». Было собрано большое собрание учащихся и сотрудников университета, где нас тоже вызывали и мы должны были произносить что-то. Я помню, отец мне написал, что я должна сказать. Он сказал: «Ты ничего не понимаешь в этом, ты не знаешь ни этого Марра, ни Ардентова, как я тебе написал, так ты и должна говорить». Я этой бумажки читать не стала, изобразила, можно сказать, дурочку, выступая. Говорила, что я не знала, что нельзя писать коллективные письма, поэтому подписала – что-то в таком духе, совершенно не относящееся к делу. Потом, когда с нас срочно снимали выговоры, была совершенно потрясающая история. Говорили: «Прошу снять выговор за участие в письме “сорока четырех”». Почему получилось так, что с нас стали снимать выговоры? Потому что по поводу Марра выступил Сталин. Сначала появилась статья Чикобава, осуждающая Марра [Чикобава А. С., «О некоторых вопросах советского языкознания». *Статья была опубликована в газете «Правда» от 9 мая 1950 г. – А. Г.*]. Мы читали эту статью в библиотеке, мы стояли, кто-то встал на стул и читал ее всем, а те, кто сидел в читальном зале, слушали. Помню, я вышла, а навстречу наш парторг Евгений Михайлович Эпштейн. Он спросил: «Вы прочли статью? Что вы думаете об этом?». Я сказала: «Думаю, что надо снять зачет». Дело в том, что после того, как мы выступили по поводу учения Марра, нам поставили курс по учению Марра, который читал Алатырев. Курс большой, причем абсолютно все там было непонятно. Нам читали о четырех звукосочетаниях, которые, по Марру, лежат в основе любого языка. Нам читали неудобоваримые лекции, потому что Алатырев, по-моему, сам ничего не понимал в учении Марра, о чем потом и признался на собрании. В качестве зачета мы должны были конспектировать какую-нибудь работу Марра. Я просмотрела список, по названиям было видно, что это монографии, научные труды, и вдруг среди них я увидела такое название «Родная речь – могучий рычаг культурного подъема». Я решила, что это публицистическая статья. Думала, быстро ее законспектирую. Поставила свою фамилию против это названия. Каждый должен был выбрать себе работу. Другие еще и не начали, а я была примерная ученица, действительно законспектировала. Но это ужас был, я по часу конспектировала одну страницу. Она вся была записана марровской азбукой, прочитать ее было трудно. Я сдала эту работу, другие еще и не принимались, им и не пришлось этого делать, потому что в конце этой дискуссии появилось выступление Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», и, таким образом, все учение Марра было отвергнуто и никакого зачета сдавать нам не надо было. Это был, наверное, сорок девятый год.

У вас не возникло в связи с такой историей чувства несправедливости?

Конечно, это был первый раз, когда я видела, что люди, которые вчера говорили одно, вдруг стали говорить совсем другое и каяться на собрании, стали говорить противоположное. Когда меня принимали кандидатом в члены партии, еще до выступления Сталина, до завершения дискуссии, упомянули, как нехорошо, что я участвовала в «письме сорока четырех», а когда меня принимали уже на собрании, то мне это ставили в заслугу.

Это как-то отразилось на вашем восприятии советской власти?

Наверное, нет, все-таки. Мне казалось, что правда восторжествовала. Хотя, конечно, к тем, кто говорит сначала так, потом эдак, отношение было уже не то. Помню, когда я еще в школе училась, как-то пришел отец из университета и сказал, что приезжают ленинградские писатели. Я спросила: «А можно сходить?» – «Можно, там же будет встреча со студентами». Мы с подружкой пришли. Среди этих писателей был Зоценко. Стало быть, Зоценко я не только видела, но и слышала. Он прочитал три рассказа: «В бане», детский рассказ про Миньку и Лельку и, по-моему, «Собачий нюх». Это было начало сорок шестого года. Кроме Зоценко другие писатели были, не помню кто. Он запомнился, хорошо читал, совершенно не улыбаясь, хотя смешные рассказы были. Потом я помню себя перед газетным щитом в августе сорок шестого года, где был доклад Жданова и постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», где Зоценко и Ахматова были примерами безыдейности. Фамилия Ахматовой мне тогда мало известна была, а Зоценко я любила и читала его. Я не могла согласиться с этим партийным документом внутренне. Не могла я согласиться, потому что Зоценко там приписывались взгляды его героев, которых он высмеивал.

Знали вы что-нибудь о тридцать седьмом – тридцать восьмом годах?

Это мимо меня пройти не могло, потому что моя мать была юристом, так или иначе это было связано с деятельностью моей семьи. Когда начали эти процессы, поскольку, видимо, была такая разнарядка, что везде нужно найти вредителей, в Петрозаводске таким «козлом отпущения» решили сделать работника торговли по фамилии Духов. Его должны были на открытом процессе изблечить, мать говорила, что надо было его кому-то защищать. Получилось так, что одна сказала: «Нет, я боюсь, я не буду». Другой сказал, что он болен и завтра принесет больничный лист. Все отказались, мама взялась его защищать. Она заметила, что в это время началась слежка за ней самой, она пошла в органы и сказала, что делает это, потому что это служебная обязанность, должен быть адвокат, ее назначили, и она будет это делать. Она так его защищала, что его

оправдали. Дело послали в Москву, Москва отменила приговор, она ездила в Москву и окончательно защитила его в Москве. Мать позвонила семье Духовых, трубку взяла его дочка, мама рассказывала, что когда сказала, что отец свободен, в трубке больше ничего не было слышно, оказывается, девочка трубку бросила, не повесив ее, побежала скакать через скакалку.

В те годы я еще совсем девочкой была, первый-второй класс, но я помню, как отец топил печки – литературу жгли, не знаю точно какую, но помню, что это были какие-то журналы, вырывали предисловия из каких-то книг, и все это жгли в печке. Помню, что арестовали отца моей подруги Жанны, он военный был. Долгое время они ничего не знали: где он, что. Я до сих пор помню текст телеграммы, которую они получили: «Здоров, работаю, береги Жанночку. Яковлев». Помню, какое для них это было счастье узнать, что отец Жанны жив. Из нашей семьи был арестован и погиб только младший брат моей бабушки. Он жил в Вознесенье, кроме того, что он там бухгалтером работал, по-моему, он был там еще церковным старостой, видимо, поэтому его и схватили. Ничего о нем не известно, но, когда начались массовые реабилитации, его жена получила документ о реабилитации и даже какие-то денежки, по-моему, выдали.

Атмосферы страха у вас не осталось? Вы говорили, что детство у вас было светлое. Эти события не омрачили его?

Детство светлое было. Я тогда еще маленькая была. Во-вторых, семья у нас была дружная, у матери был веселый характер, поэтому в доме всегда была хорошая атмосфера. Отец тоже нами очень много занимался. Предположим, в воскресенье он шел на лыжах, он ведь не шел один – он брал меня, подружку мою, Жанну. Вечерами он тоже гулял со мной и сестрой. Перед праздниками мы ходили посмотреть иллюминацию – над Онежским заводом какой-нибудь лозунг и еще где-нибудь, может быть, несколько лампочек. То есть много внимания уделял он дочкам и семье. Поэтому я не могу сказать, что от довоенного времени у меня какие-то тягостные воспоминания остались.

Какие у вас были жизненные планы после войны, после того, как окончите школу?

Ничего четкого у меня не было. Мы с моей подружкой – Ольга, теперь Потапова, сейчас живет в Новосибирске, мы с ней вместе школу заканчивали, она с золотой медалью закончила школу – послали запросы в несколько разных институтов. Например, послали запрос в Литературный институт и нам ответили, что нужны публикации. В Краснодар послали в плодово-ягодный, нам оттуда, по-моему, не ответили. Из Тарту с юридического нам ответили, что нужно знание

эстонского языка. Она поступила на искусствоведческий в Ленинградский университет и с великим трудом потом перешла просто на историю. Она думала на искусствоведческом заниматься музыкой, а там занимались исключительно живописью, экскурсоводов готовили. А я послала заявление на педиатрию, хотя раньше и не думала быть детским врачом. Поступила, начала учиться. Нравилась мне химия, но многого я даже не понимала: завалила бы в первую же сессию общественную дисциплину, потому что на семинары не ходила. Поступая в этот институт, я очень тяжело заболела гепатитом, была желтая как лимон, с высокой температурой сдавала экзамены. Продолжала болеть, состояние было скверное, не хотела там быть и приехала домой. Стала учиться тут на филологическом. Я бы на геологический пошла, но меня комары пугали, боялась, что они в экспедициях заедят. Всякие такие глупости приходили – причины, почему я не шла туда. Конечно, на математический я бы не пошла, а другие вполне возможны были. Но решила, что я много читаю, книги люблю.

В каком году вы закончили университет?

В пятьдесят первом году.

И сразу поступили в аспирантуру?

Да, я поступила в аспирантуру после университета, училась на кафедре советской литературы. Руководителем моим был Лев Абрамович Плоткин, закончила с защитой диссертации и вернулась работать в Петрозаводск. Это уже было в пятьдесят четвертом году. Потом я уезжала на некоторое время в Ленинград, там у меня не сложилась семейная жизнь, и я вернулась обратно, прошла по конкурсу и снова стала работать здесь. Поэтому, когда перечисляют тех, кто проработал очень долго, меня не называют, потому что у меня был этот маленький перерыв, в течение полугода, считают, что после возвращения из Ленинграда работаю без перерыва, а, по сути дела, я всю жизнь здесь работала.

Давайте вернемся в годы учебы. Какими были условия учебы, как вы учились, как отдыхали?

Типичный день: шли на лекции, слушали лекции, читали книги. Училась вместе со своей подругой Людмилой Александровной Чехониной, потом Фрейндлинг. Закончив наш университет, она стала учительницей. Ее в живых уже нет, я помню ее всегда. Мы с ней перед зачетами, перед экзаменами всегда вместе занимались, вместе готовились. Учебников мало было, готовились в основном по лекционным записям, записывали обычно в одну тетрадь. Одну лекцию она, другую – я. Вечно она толкала меня в бок: «Пиши, чего ты не пишешь?» Я говорю: «Что тут писать-то?»

– «Пиши, а то, что потом говорить будешь?» Потом вместе занимались, если хорошая была погода, то готовились в нашем саду на Красноармейской. Если весенняя сессия, то расстилали какое-нибудь покрывало и читали. Обычно читали, потом я делала заключение. Сейчас, когда мой внук учится на третьем курсе в Москве, будущий психолог, и получил по высшей математике тройку, то мой сын, который окончил московский университет журналистский факультет, возмутился и говорил: «Я за время учебы не получил ни одной тройки, потому что я за стипендию боролся». Я говорю: «Ну и что, а я за время учебы не получила ни одной четверки, единственная четверка у меня была по анатомии». Нам преподавали военное дело, нас готовили младшими лейтенантами медицинской службы, у нас очень много было медицины. А по всем предметам, что относились к филологии, у меня пятерки были, да я еще старалась, чтобы эти пятерки были заслужены, чтобы их никто не натянул, [опущено]. Когда я своей приятельнице называла какую-нибудь книгу, не относящуюся к списку книг, которые нам надо было прочитать, она мне говорила: «Ты что, с ума сошла что ли, зачем ты это читаешь? Надо же читать из списка». У меня как-то хватало времени читать кроме того, что было в списке.

Финансовый вопрос в то время стоял?

Семья у нас была достаточно обеспеченная. Я получала повышенную стипендию. Так что особенно передо мной никакие финансовые вопросы не стояли. Не на что было расходовать эти деньги, не было тех развлечений и всяких таких вещей, которые есть сейчас: никаких ларьков, где можно было купить сладости, в магазинах тоже ничего не было. В университете постоянно устраивались танцы в фойе, которое нашей библиотеке предшествует, были танцы перед актовым залом, очень много приходило людей. Иногда духовые оркестры были, иногда даже баянисты играли. Танцы, конечно, были бесплатные. На танцплощадки в городе я не ходила, там хулиганства было много. В парке, может быть, раз или два была, плохо это помню. Новый фильм шел очень редко. Что шло, мы смотрели. Телевизора же не было, поэтому мы много читали, больше, чем теперь читают. Вначале очень трудно было книги доставать, невозможно было достать книгу даже по спискам. Была какая-нибудь одна книга на весь курс. Театры, конечно, были. Еще до войны приезжал ленинградский балет, помню родители меня взяли. Для меня это было потрясение самое настоящее. Когда в театре бывали спектакли, мы туда ходили. Концерты бывали, ходили, слушали. Но не так много, поэтому главное для нас это все-таки были книги.

Какие праздники вы отмечали?

Еще до войны елки были запрещены, считалось, что это религиозный

праздник. Но елки все равно ставили, завешивали окна, чтобы свечки, которые зажигались, не были видны. Поэтому вспоминается, что это был недозволенный праздник. Но, тем не менее, приглашали определенное количество друзей. Довольно скоро запрет отменили, после войны этого уже не было. Кроме того, мы обязаны были ходить на демонстрации: Первого мая и Седьмого ноября. Я один раз пропустила. Зашла за девчатами в общежитие, а они не пошли, играли в «дурака» да в «козла», я с ними осталась, не пошла. Потом мне такая выволочка была от отца. Демонстрации долго длились. Несколько часов собирались, потом шли, потом там стояли невероятно сколько, хорошо если еще погода хорошая. В общем, все это занимало чуть не весь день. Так как мы жили на Красноармейской, троллейбусов не было, автобусы не шли, надо было с площади Кирова по Гоголя вверх до конца Красноармейской пешком тащиться. Автобусы вообще-то ходили, может, один в час, но его еще надо было дождаться.

Не нравились вам демонстрации?

Очень утомительные. Никакого удовольствия от них не было, но, тем не менее считалось, что это обязательно. Самый большой праздник за мою жизнь пережитый – это был праздник победы в сорок пятом году. Сейчас невозможно даже представить, как торжествовали, как радовались все люди. Моя мать была на каком-то процессе в военной прокуратуре, мы с ней должны были по какому-то делу куда-то идти, сейчас я не помню. А для этого мы должны были с ней встретиться в столовой, где сейчас находится ресторан «Кивач», тут стоял деревянный дом, в нем на втором этаже была столовая, она сказала, что пообедаем и потом пойдем, не помню, куда, подарок, кажется, кому-то покупать. Это было восьмого числа. Мама мне сказала: «Я тебе сейчас скажу, только ты никому не говори. Пока это еще не объявлено, нельзя говорить. Я была сейчас в трибунале и там узнали, что война кончилась». Нельзя говорить, а мне хотелось прямо на стол вскочить и всем этим людям, которые здесь сидят, закричать, что война кончилась. Этот день, Девятого мая, был такой теплый, помню, что мальчишки наши даже купаться на Лососинку пошли. А я, помню, каталась на велосипеде в летней одежде. Все люди были едины в переживании радости, счастья, что кончилась война. Это был самый замечательный праздник, который я помню, потому что он для всех был.

Какие семейные праздники отмечали?

Всегда дни рождения отмечали у всех: матери, отца, обеих дочерей. Новый год не особенно семейным был, потому что у родителей была хорошая компания, они вместе учились в Ленинграде. Моя мать закончила школу в шестнадцать лет. Дело в том, что, когда начались

революционные события, школа перестала работать. Отец моей матери был учителем математики, и он заставил обеих дочерей своих – мою мать и ее сестру – все экзамены за школу по всем предметам сдать ему экстерном, ему лично. Они все выучили, ему сдали и получили документы. Отец мой с золотой медалью окончил архангельскую гимназию. В Ленинграде было карельское землячество, у них было общежитие, которое им снимало правительство Карелии. Там жили люди, занимавшиеся в разных вузах. Отец – в политехническом, мать – на юридическом. К слову сказать, моя мать очень смешно поступала на юридический. Она пришла в Ленинградский университет, нашла место, где сдают экзамены, вошла, стали ее спрашивать. Что ее спрашивают она не понимает, не знает ничего. Ей сказали: «Нет, девочка, ничего не получается». Она вышла и стоит в уголке этого длинного коридора Ленинградского института и плачет. Подошел какой-то пожилой человек и спросил: «Что ты, девочка, плачешь?» Она говорит: «Вот, не сдала». Он спрашивает: «А куда поступаешь?» Она ответила: «Хотела поступить на юридический факультет». Он сказал: «Тут совсем не юридический факультет, экзамен не по твоему предмету». И отвел ее туда, где надо было сдавать экзамен, она и сдала. Если бы этот человек ей не встретился, она бы уехала домой. Вот таким образом она поступила. Там, в Ленинграде, мама с папой и познакомились. Потом все эти люди в Карелию и вернулись: врачи, инженеры, юристы и так далее. И, кроме того, эти люди остались друзьями на всю жизнь, такая у них была компания. Они часто собирались дома. И Новый год они обычно в своей компании встречали. Я очень хорошо помню, что когда я училась в десятом, видимо, классе, после школьного вечера мы с моей подружкой Олей, которая сейчас в Новосибирске, пришли к нам домой, там была оставлена на столе еда. Мы поели и пошли кататься на финских санках и катались мы с верхней части улицы Гоголя до низу. Загадывали желания, и должны были спросить имена своих женихов. Я помню, что остановились около идущего мужчины, и я спросила у него: «А как вас зовут?» Он оказался другом родителей, который шел как раз туда, где они встречали Новый год. Но Николаем мой жених не оказался.

Не знаете, карельское землячество было инициативой Гюллинга [Эдуард Гюллинг – председатель правительства Карелии в 1920-1935 гг. – А. Г.]?

Этого я не знаю. Но это очень мудрое было решение, создана была интеллигенция и специалисты. Многие ведь и не приехали бы, а тут они все вернулись, и все стали работать в Карелии.

А как в вашей семье к Гюллингу относились?

Понятия не имею. Помню, когда Куусинена выбирали, мать была доверенным лицом, про Гюллинга ничего не помню, кроме того, что

улица Герцена была улицей Гюллинга.

Среди тех, с кем общались ваши родители были финны, карелы?

Семья у нас практически русская. Одна моя прабабка была карелка. Тогда о национальности людей не думали. Это было как-то безразлично. Например, Тереза Ивановна Никольская была из немцев Поволжья – жена доктора Никольского, знаменитого врача ухо-горло-нос. Лидия Тодоровна Филимонова, которая заведовала республиканской больницей, была литовка. По сути дела, это не играло никакой роли. В Карелии абсолютно не было никакого антисемитизма. Даже после войны, не говоря уже о довоенных временах. Например, для моих бабушки и бабушки более желанной невесткой была даже не моя мама, на которой женился мой отец, а девушка еврейского происхождения, на которой женился младший сын.

Пытались ли как-нибудь финны выделяться в повседневной жизни?

Нет. Кстати, первый ректор университета был как раз финн – Тууре Лехен [*Т. И. Лехен – ректор университета с 1940 г. – А. О.*]. В школе я дружила с мальчиком, который был сыном его жены, а отца этого мальчика арестовали, он был из финских интернационалистов, был арестован и сгинул. Этот мальчик был приемным сыном Тууре Лехена, потом они уехали в Финляндию. Так что не могу сказать, что финны или карелы как-то особенно выделялись. Совершенно нормальные отношения русских, евреев и всех. Когда я университет закончила, я еще абсолютно была уверена в дружбе и братстве народов. И только в аспирантуре, в Ленинградском университете, где в общежитии я увидела разных людей – и из Прибалтики, и из Азербайджана, и из Казахстана, и из Туркмении – поняла, что, в общем-то, далеко до дружбы народов. Между самими среднеазиатами были сложные отношения, потому что узбеки, например, считали себя выше, предположим, тех же казахов. Тогда я впервые столкнулась с фактом, что национальность имеет какое-то значение. Кроме того, я в аспирантуре училась с одной девушкой еврейской национальности, сейчас, когда в Москву приезжаю, иногда вижу с ней, она доктор наук, китаевед. Она говорила, что ее не хотели принять в университет по национальному признаку. Только благодаря тому, что она была такая решительная и добилась приема у какого-то проректора, который, видимо, этих взглядов не разделял, ее дело пересмотрели, и она была принята в университет.

Как во время вашего студенчества складывались отношения между девушками и молодыми людьми?

После танцев провожали домой, обычно было довольно далеко топать,

разговаривали о том о сем, начинались какие-то отношения. Иногда на этом и прекращались, а иногда продолжались. Возникла, как тогда называли, дружба. Эти ухаживания, дружба далеко не заходили, как правило. Достаточно целомудренные были эти отношения. Целовались, но до более близких отношений дело, как правило, не доходило. Это были исключительные, очень редкие случаи.

Осуждались?

Не столько осуждались, скорее обсуждались. Не очень-то мы о них и знали.

Как вы проводили время вечерами?

Ничего такого особенного не было. Мне было сказано отцом, что в такое-то время я должна быть дома, так если я запаздывала хоть немножко, я дрожала от страха. Он ведь, между прочим, подвергал меня очень большой опасности. Все еще на вечере танцевали, а я должна была одна идти домой к определенному времени. Так бы я могла с подругами домой возвращаться вместе. А к одной могли пристать, и бывали такие случаи, еле-еле убежишь.

Хулиганство тогда было?

Бывало. Говорили про какую-то банду «черная кошка». Я не знаю точно, но мать-то ведь много таких случаев знала, она же в суде работала. Сейчас очень жалею, что я ее выступления не слушала. Развлечений-то мало было, поэтому многие люди иногда ходили в суд просто послушать. Мне какие-то бабушки говорили, что они специально ходили мою маму послушать. Я сейчас жалею, что не ходила маму слушать. Она не хотела. И после войны я спрашивала, она говорила: «Я даже вспоминать это не хочу, не хочу рассказывать». Один случай она все же рассказала о том, как после войны в Петрозаводск привезли государственную водку. Водка существовала государственная и коммерческая. Привезли государственную, а здесь те, кто ее получили, продали ее как коммерческую, на этом заработали огромное количество денег, потому что была большая разница в цене. И их судили. Это считалось крупным хищением. Им полагался довольно большой срок. Маме надо было их защищать. Мать, когда выступала, сказала, что судить надо не за хищение у государства, а за обман покупателя. Потому что государство получило свои деньги, а покупателям водка была продана по более высокой цене. А за это совсем не такой срок полагался.

А вообще пьянства много было в Карелии?

Было, конечно, но не больше, наверное, чем сейчас, даже меньше. Постоянная беда нашего народа – пьянство да воровство.

Как вы восприняли смерть Сталина?

Это было в Ленинграде, я в аспирантуре училась. Для всех это было такое потрясение, всем казалось тогда, что он вечно должен был быть. Это должно было быть какой-то утратой, но не все так считали. Даже в нашей комнате жила, например, Женя, она по-другому к этому относилась. Я помню, что, когда хотели повесить портрет Сталина, она категорически против этого возражала. Я это восприняла, конечно, не как личную потерю, но все же как потерю для всех. Я не плакала, как некоторые тогда. Когда стало известно о страшных событиях, когда его хоронили, когда там подавили людей, это озарило все страшным светом.

Образ Сталина был позитивным или приходили какие-то мысли?

Приходили. Я говорила: «Мама, как ему не стыдно, когда его восхваляют? Почему он не прекратит это?». Мне говорили: «Помалкивай, нельзя об этом говорить». Потом он нас так «выручил» в связи с письмом «сорока четырех». Тогда любую статью, исследование надо было начинать с цитат. О чем бы ни писали, по любой специальности начинали с высказывания Сталина. Последняя его статья была «Экономические проблемы социализма», хоть ты и филолог, отсюда тоже надо было какую-то цитату взять. Все это воспринималось как какое-то насилие. Совершенно не понятно зачем, но нужно вставить эти цитаты. То же самое было, когда нам марксизм преподавали. Мой дядя в Москве был статистиком, туда приехал преподававший у нас Иван Иванович Цветков. Дядя спросил у него: «Не училась ли у Вас моя племянница?», – назвал мою фамилию. И. И. Цветков сказал: «Она хорошо мне запомнилась, она четвертую главу «Краткого курса» мне отвечала наизусть». Это было проще, чем сочинять какой-то ответ, я зацепилась за первое слово и наизусть выложила ему чуть не всю эту четвертую главу. Так что, как было ко всей этой долбежке положительно относиться? Надо было, заставляли нас учить – учили.

Как в последствии менялось отношение людей с 1953 по 1956 годы? Обсуждалась ли речь Хрущева 1956 года?

А как же! У нас закрытое чтение этой речи было на партийном собрании. Для многих это было открытие того, что они или подозревали, или по каким-то слухам знали. Отношение, конечно, менялось до полного неприятия. Я помню, когда мой старший внук еще маленьким был,

он меня спросил и про Ленина, и про Сталина. Сказал, что другая бабушка говорит, что это – самые лучшие люди. Я сказала, что так не считают. Он спросил: «А как ты считаешь?» Он был еще совсем маленьким мальчиком. Сейчас я к ним одинаково отношусь, а тогда еще по-разному относилась. Насчет Сталина я сказала, что для меня он злодей. Так я к нему и отношусь. Убивший много людей, независимо от того, какие ему приписываются заслуги. О Ленине я ему сказала: «Есть добро и зло. Как ты думаешь, можно злом сделать добро?» Он сказал: «Нет». Я говорю: «Добро нужно добром утверждать, а Ленин думал, что злом можно добиться добра». Так я тогда думала. Так что отношение меняется, и оно менялось в течение очень долгого времени, а сейчас у меня никакого особого различия между этими двумя лицами нет, для меня это достаточно мрачные фигуры в истории нашей Родины.

Спасибо!

Научная жизнь

Всероссийский научный семинар «Устная история: теория и практика», г. Барнаул, 25-27 сентября 2006 г.

А. Ю. Осипов

В конце сентября 2006 г. в столице Алтайского края – городе Барнауле – состоялся всероссийский семинар, посвященный проблемам устной истории. Организаторами семинара выступили Т. К. Щеглова и М. А. Демин (Барнаульский государственный педагогический университет) и Д. Н. Хубова (Российский государственный гуманитарный университет).

Главной темой пленарного заседания стала презентация Центров устной истории и их текущих проектов. С докладами выступали представители Москвы, Санкт-Петербурга, Вятки, Омска, Петрозаводска, Саратова. В целом, в работе семинара приняли участие ученые из разных областей России, преимущественно из Сибири.

Семинар продолжился работой секций «Междисциплинарные возможности устной истории», которая привлекла большое количество филологов, и «Устная история в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, научная интерпретация». Выступления ученых были посвящены как общим, теоретическим вопросам – методологии и историографии, так и отдельным проблемам истории России XIX-XX вв. Кроме того, в первый день работы семинара действовала отдельная секция молодых исследователей – студентов и аспирантов.

Итогом работы семинара стало проведение круглого стола «Интервью в социо-гуманитарных исследованиях», на котором были рассмотрены следующие вопросы:

- причины, факторы и условия актуализации метода;
- область применения метода: цели, функции и формы;
- проблемы реализации интервью. Этика взаимоотношений интервьюера и респондента;
- проблемы обработки, архивирования и презентации материалов интервью. Статус источника, полученного методом интервью;
- проблема достоверности источника и репрезентативности данных.

Одним из главных итогов прошедшего семинара стала договоренность участников о проведении регулярных конференций по устной истории, следующим местом которой станет г. Братск. По итогам конференции готовится издание сборника научных статей.

Международная научная конференция «Устная история в (пост)социалистических обществах», г. Фрайбург (Германия), ноябрь 2005 г.

А. В. Голубев

С 3 по 5 ноября в г. Фрайбург (Германия) на базе Фрайбургского университета им. Альберта Людвига проходила международная конференция «Устная история в (пост)социалистических обществах» (Oral History in (post)socialist societies). Организаторами конференции выступили Юлия Обертрайс (Фрайбургский университет им. Альберта Людвига) и Анке Штефан (Мюнхенский университет им. Людвиг Максимилиана). Тематика конференции включала в себя следующие исследовательские проблемы:

- возможности устной истории как метода изучения истории социалистических стран;
- формирование индивидуальной и коллективной идентичности в социалистическом и пост-социалистическом обществе;
- роль нарративной традиции в социалистическом и пост-социалистическом обществе;
- и ряд других.

Работа конференции была разбита на пять секций:

- Изменения политической системы, принципов конструирования идентичности и дискуссии о прошлом;
- Наследие форсированной эмансипации: жизнь женщины и гендерные роли во время и после социализма;
- Соревнующиеся образы истории: индивидуальная и коллективная память, региональная и национальная идентичность;
- Жертвы и палачи: опыт тоталитарных систем;
- Повседневная жизнь при социализме.

В работе конференции участвовали ученые из шестнадцати стран: Германии, Румынии, Венгрии, Израиля, Великобритании, Эстонии, России, Украины, Белоруссии, Болгарии, Голландии, Чехии, Польши, Швеции, Швейцарии и США.

Основной темой, обсуждавшейся на конференции, стала возможность и практика применения методов устной истории к изучению идентичности – как личной, так и коллективной. Значительное внимание было посвящено и вопросам отношения общества и власти. В рамках данной исследовательской проблемы особый интерес вызвали вопросы влияния официального нарратива на конструирование прошлого в биографических интервью.

Конференция предоставила ценную возможность обобщить опыт, накопленный исследователями, работающих в смежной предметной области, но на основе совершенно разного конкретного исторического материала, и помогла значительно укрепить научные связи между учеными, изучающими современную историю стран Восточной Европы и бывшего СССР методами устной истории. В настоящее время готовится к печати сборник научных статей на основе докладов, представленных на конференции.

II Международная научная конференция «Полевая этнография», секция «Устная история», г. Санкт-Петербург, декабрь 2005 г.

А. В. Голубев

2-3 декабря 2005 г. в рамках второй конференции «Полевая этнография», организованной кафедрой этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, была организована секция «Устная история», в работе которой приняли участие свыше десяти исследователей из России и Беларуси. В большинстве докладов, представленных на секции, устная история рассматривалась как метод изучения социальной и политической истории. Рассматривались возможности устной истории и для этнографических исследований.

Организаторы конференции планируют сделать (и уже делают) ее регулярной. Таким образом, у секции «Устная история» этой конференции есть все шансы стать своеобразным полигоном для обмена опытом и апробирования новых исследовательских идей в сфере устной истории среди ученых Северо-Запада России.

Географический указатель

Екимово.....	24, 31, 32
Лобское.....	24, 34, 35
Повенец.....	24, 27, 35, 37, 39
Медвежьегорск.....	24, 27
Кондопога.....	27
Пудож.....	27
Лазарево.....	31
Хашезеро.....	33
Шелтозеро.....	37
Галлезеро.....	39
Ялгуба.....	50, 51
Суйсарь.....	71
Беломорск (Сорока).....	85, 87, 98, 99, 105
Калгалакша.....	86
Кемь.....	96
Кестеньга.....	106

Указатель имен

Агафелов.....	99
Алатырев В. А.....	114
Ардентов Б. П.....	114
Балагуров Я. А.....	28
Беляевы (лесопромышленники).....	99
Бубрих Д. В.....	114
Витухновский А. Л.....	29, 45, 97, 111
Гинзбург Л. Я.....	114
Данилова Л. В.....	30
Егоров А. Н.....	47
Еленевский Е. П.....	30
Заводовский М.....	76
Иссерсон М. Д.....	64
Карху Э.....	72
Кяйвяряйнен И. И.....	28, 30, 69
Лехен Т.....	26, 122
Лубенников Л. И.....	47
Лупанов П. А.....	26
Марр Н. Я.....	114, 115
Мелетинский Е. М.....	114
Митропольский К. Д.....	26
Никольская Т. И.....	122
Райкерус А. А.....	66
Ратнер А. Б.....	30, 45
Сенькин И. И.....	47
Славин Н. Ф.....	30, 97
Старостина Т. В.....	30
Стефанихин В. В.....	29
Тиккоев С. А.....	50, 51, 63, 68, 71, 74
Туполева В. П.....	67
Филимонова Л. Т.....	122
Черевань А. С.....	30
Шехман И. А.....	51

Оглавление

От составителей.....	3
<i>Обертрайс Ю.</i> Устная история и идентичности – теоретические находки и эмпирические исследования.....	4
<i>Голубев А. В.</i> Нарративная стратегия в биографическом рассказе	11
<i>Бердинских В. А.</i> Проблемы устной истории и русское крестьянство в XX в.....	17
Предисловие к публикуемым интервью.....	21
Географические пункты, упоминающиеся в сборнике.....	23
Интервью с Сергеем Павловичем Сяневым, 1920 г. р.....	24
Интервью с Ниной Алексеевной Робонен, 1926 г. р.....	50
Интервью с Кларой Александровной Иойлевой, 1927 г. р.....	85
Интервью с Ниной Андреевной Соколовой, 1928 г. р.....	112
Научная жизнь.....	126
Географический указатель.....	129
Указатель имен.....	130

Научное издание

Устная история в Карелии

Сборник научных статей и источников

Научные редакторы *А. В. Голубев, А. Ю. Осипов*

Подписано в печать 28.11.06. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 8,3

Тираж 150 экз. Изд. № 275

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Оригинал-макет подготовлен
на кафедре истории стран Северной Европы ПетрГУ
Отпечатано в типографии издательства ПетрГУ
с готового оригинал-макета
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33